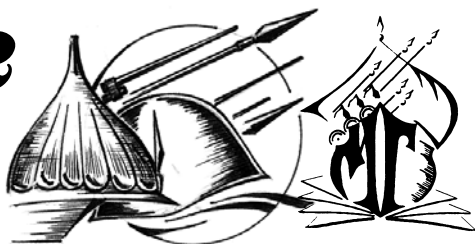

Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ДЕЛЯГИН. Власть и деградация России	3
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство	93
Геннадий ЛУКИНЫХ. Малорусский вопрос	143
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Ще не вмерла...	147
Константин ИПАТЬЕВ. Экономическая кабала России	194
О национальной идее	199
Александр КАЗИН. Тезисы о конце света	204

ПРОЗА

Евгений БОГДАНОВ. Расстрел. Роман-дознание. Окончание	12
Алла ПАНОВА. Родственник. Рассказ	154
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ. Два рассказа	163
Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ. Житейские истории	210
Николай ЗАЙЦЕВ. Короткие рассказы	222

ПОЭЗИЯ

Николай БЕСЕДИН. Вьюжные песни. Стихи	133
Ирина СЕМЕНОВА. Русский ветер. Стихи	136

Борис ОРЛОВ. Снежный бересклет. Стихи	139
Стихи поэтов России	187

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Владимир ЮДИН. Вернем страну народу!	170
Их неистребимая тоска по цензуре	175
Александр НИКИТИН. Общероссийский антирусский фронт	181

ДОСЬЕ «МГ»

Константин ГОРДЕЕВ. Война и преступность как основа геополитики «нового мирового порядка»	236
Андрей ВЕСЕЛОВ. «Мы должны были арестовать президента»	241
Владимир СМЫК. Убийство полковника Буданова	251

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ. Грязь к алмазам не пристаёт. Кого отмечает Бог. Фрагменты романа	257
Георге РАКОВИЦЕ. Почти правдивые истории	269
Темур АМКОЛАДЗЕ. Крики шакалов. Рассказ	273
Давид ШЕМОКМЕДЕЛИ. За тихими снами. Стихи	277

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

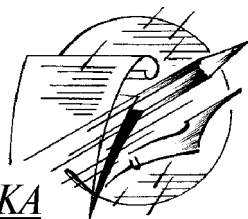
Андрей САВЕЛЬЕВ. Мировоззрение нужно формировать	280
---	-----

ВЛАСТЬ И ДЕГРАДАЦИЯ РОССИИ

Вымирание населения России продолжается, несмотря на интенсивную официальную пропаганду, согласно которой демографическая ситуация не поддается сознательной корректировке со стороны государства, а любое стимулирование рождаемости ведет к последующему компенсационному ее падению, представляется большой циничной ложью, призванной прежде всего оправдать продолжающуюся демографическую катастрофу.

Частным случаем этой лжи является обоснование естественности снижения рождаемости в России ее снижением в развитых странах Европы и представление российской демографической катастрофы в качестве доказательства прогресса российского общества и его поступательного продвижения в лоно европейской цивилизации.

Оставив в стороне сугубо бытовые, прагматические возражения (вроде очевидной ненужности «цивилизации», продвижение к которой означает вымирание), отметим прямое противоречие этого подхода к реальности. Ведь, если в развитых странах

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

женщина в среднем имеет столько детей, сколько хочет, россияне, по данным Левады, имеют на одного ребенка меньше, чем хотят (среднее число детей, которое, по их мнению, должно быть в семье, составляет 2,5 ребенка, а реальное — 1,5 ребенка). Этот один ребенок на семью и составляет разницу между объективным снижением рождаемости, вызванным урбанизацией и формированием общества потребления, и итоговым снижением рождаемости, вызванным, в дополнение к объективным факторам, еще и негативной государственной политикой.

Классическими примерами негативного влияния политических процессов на демографию являются последствия Великой Отечественной войны и либеральных реформ, которые для нашей страны вполне сопоставимы. Почти двукратное падение рождаемости в сочетании с почти двукратным ростом смертности в начале 90-х годов, получившее название «русского креста», совершенно явно, просто в силу своей стремительности не может быть вызвано никакими объективными причинами и в силу своей статистической однозначности полностью разоблачает либеральную ложь.

Неверие добросовестных либералов (как бы мало их ни было) в возможность сознательного улучшения демографической ситуации целиком и полностью обусловлено ограниченностью самого либерализма: поскольку его идеологические догмы носят противоестественный для нормального человеческого существа характер, даваемые им рецепты действительно в принципе не способны привести к улучшению демографической ситуации. Но это касается не любой политики государства как таковой, а лишь его разрушительной, либеральной политики.

Человек, будучи частью живой природы, всецело подчиняется ее объективным законам: попав в благоприятные, соответствующие его природе (а не личным гедонистическим предубеждениям, что принципиально) условия, он, как и любой другой биологический вид, начинает бурно приумножаться. Создание таких благоприятных условий и есть не только идеальная, но и вполне реальная, достижимая практически цель государства; не стоит забывать лишь, что в силу социальной природы человека условия, соответствующие его природе, должны носить в первую очередь социальный характер.

Непосредственная причина вымирания России заключается в невыносимых социально-экономических условиях, в которых искусственно удерживается ее население. По данным центра Левады, летом 2011 года лишь 16% россиян обладали уровнем потребления, характерным для «среднего класса», то есть не испытывали нехватки денег для покупки товаров дли-

тельного потребления. 83% россиян такую нехватку испытывали, то есть были бедными (в том числе 8% испытывали нехватку денег на покупку еды, а 28% — на покупку одежды).

При этом в 2011 году наблюдалось даже некоторое ухудшение ситуации. Так, по данным Росстата, реальные доходы населения снизились в первом полугодии на 1,4%. А численность населения с доходами ниже прожиточного минимума выросла по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 2,3 млн.чел. «Новые нищие» составили, таким образом, третий по численности населения город России.

Социально-экономические условия ведут к ухудшению общественного здоровья, усугубляемого последовательным уничтожением системы здравоохранения (и тем более системы обеспечения безопасности потребительских товаров) в рамках либеральных реформ в целях превращения ее из системы укрепления здоровья людей в механизм извлечения прибыли из их болезней. (Точно так же в интересах бизнеса, как законного, так и преступного, целенаправленно разрушается государством и общественная мораль, что имеет столь же пагубные последствия для демографической ситуации.)

Наиболее наглядно о разрушении общественного здоровья свидетельствует прекращение акселерации молодежи и снижение среднего роста призывников, однако оно сильнее всего проявляется и в репродуктивной сфере. Так, по данным главного акушера-гинеколога России В.Кулакова, 15% семейных пар в России страдает бесплодием, и их число увеличивается.

Вместе с тем жизнь человека определяется далеко не только материальными факторами; психологический климат в обществе не менее важен для его благополучия, чем уровень жизни и уверенность в завтрашнем дне (также отсутствующая в России). Человеку нужны не только благосостояние, но и чувство принадлежности к чему-то большему, чем он сам, — некая «сверхзадача», вне зависимости от ее реалистичности и адекватности, — а также ощущение справедливости, соответствия повседневных правил жизни принятым в данном обществе моральным установкам.

Без этого человек просто вымирает — что мы и видим. Лишенные смысла жизни и перспектив, россияне массово уничтожают себя — не только самоубийствами, наркотиками и алкоголем, но и проявляющейся в гомерических масштабах бытовой неосторожностью. Это не менее важный фактор продолжающейся демографической катастрофы, чем искусственная бедность, неуверенность в завтрашнем дне, разрушение морали и общественного здоровья.

Наглядное улучшение ситуации в 2000-е годы было вызвано ростом уровня жизни за счет нефтедолларов, просыпавшихся обществу с пиршественного стола коррумпированной бюрократии и олигархии, реализации части отложенных в 90-е рождений, а также вступления в фертильный возраст родившегося благодаря снижению пьянства из-за «сухого закона» поколения «детей Горбачева».

Однако к настоящему времени все эти резервы исчерпаны:

— коррупционные аппетиты растут быстрее цен на нефть, сокращая доходы населения (которые рассматриваются пражвщей тусовкой как законная добыча),

— социальная сфера последовательно разрушается (новый виток ее уничтожения намечен на 1 июля 2012 года, когда после инаугурации следующего президента вступит в действие закон «О бюджетных организациях»),

— отложившие рождение ребенка в нищете и ужасе 90-х либо родили детей, либо утратили способность к деторождению,

— поколение родившихся при власти Горбачева, попав в неблагоприятные социально-психологические, а во многом и экономические условия, в демографическом плане выдохлось (хотя в политическом, будучи самым многочисленным из ныне живущих поколений, себя покажет, как в демократической революции конца 80-х — начала 90-х показало себя самое многочисленное тогда поколение послевоенных «бэби-бумеров»).

Это обуславливает неизбежность нового витка ухудшения демографической ситуации в России, как минимум, в 2010-е годы.

Негативная демографическая ситуация и ее резкое ухудшение в результате завершения вхождения в активную жизнь поколения родившихся при власти Горбачева оказалась полной неожиданностью для системы управления, ориентированной на уходящую демографическую структуру общества. В результате эта система начала захлебываться, как мотор без топлива; ей не хватает населения.

Наиболее ярким примером служат армия (в которой нарастающее падение численности призывников, и тем более здоровых призывников наблюдается с 2007 года) и система образования, рынок которого начинает «схлопываться», оставляя без работы значительную часть преподавателей вузов.

С каждым годом обостряется проблема обезлюдивания (как в силу вымирания, так и в результате бегства населения) Сибири и Дальнего Востока, которая может привести к утрате контроля за этими территориями уже при жизни нашего поколения.

Сокращение численности молодежи в сочетании с частичным восстановлением продолжительности жизни увеличи-

вает социальную нагрузку на нее. Хотя пенсионный кризис в настоящее время вызван отсутствием должного контроля за пенсионными средствами и запретиительно высоким налогообложением основной массы россиян (по безумному принципу «чем человек беднее, тем больше он должен платить»), рост реальной социальной нагрузки уже носит болезненный характер (в частности, когда один молодой человек должен, по сути, содержать двух своих родителей, которым государство отказывает в достаточной для выживания пенсии).

Сокращение удельного веса молодежи и увеличение пожилых людей меняет социально-психологический климат, дополнительно усиливая создаваемую античеловеческой либеральной политикой атмосферу деструкции и увядания.

Однако все это — лишь частные проявления неспособности системы управления и, шире, всего общества к условиям заметного сокращения численности людей, драматического сокращения молодежи и роста удельного веса старших поколений.

Другой, и значительно более глубокой проблемой является стремительное изменение этнокультурного баланса, меняющего само лицо России. Масштабы этого изменения вполне наглядно видны из сопоставления наиболее быстро вымирающих и прирастающих населением регионов. Более того: даже в традиционных «русских» регионах значительная часть прироста населения обеспечивается переселенцами с Кавказа и Средней Азии (в частности, столкновение со школьниками, не владеющими русским языком и не желающими подчиняться женщинам-учителям, при полной поддержке своих родителей, стало кошмаром значительной части как учителей, так и родителей, дети которых ходят в соответствующие школы).

Политические последствия этого продолжающегося демографического перелома, лишь усугубляемого последовательно проводимой (прежде всего в силу коррупционных интересов и стремления к снижению издержек за счет почти рабского труда гастарбайтеров) политикой правящей бюрократии, представляются вполне очевидными. Весьма вероятно, что уже на нашей памяти на смену социальному противостоянию в России придет противостояние, хотя и не национальное, но этнокультурное — и это будет означать колоссальный шаг в деградации и архаизации всего российского общества.

Сокращение численности русской по культуре молодежи сопровождается ростом молодежи иных этнокультурных групп. Поскольку «новая молодежь» несет социальную нагрузку в значительно меньшей степени (в силу нетрадиционного для России образа жизни, обуславливаемого этнокультурным отличием от традиционных российских норм), это

повышает социальную нагрузку на добросовестную часть общества и способствует ее размыванию. Другое следствие — возникновение объективного основания для форсированного уничтожения социальной сферы, о котором в коррупционных интересах грезит правящая тусовка.

Общее снижение удельного веса молодежи вроде бы повышает стабильность общества, уменьшая вероятность «арабской весны». Однако в этнокультурных группах, склонных к изоляции от российского общества, доля молодежи, напротив, стремительно растет; в результате естественное для молодых ниспровержение порядков может произойти (и отчасти уже происходит) в этих этнокультурных группах — с фокусировкой руководителями этих групп на остальной, традиционной и при этом стареющей части российского общества.

Очень показателен категорический протест руководителя Союза таджиков России (бывшего подполковника Советской армии, почти всю свою жизнь прослужившего в Московском военном округе) против идеи экзамена по русскому языку для прибывающих в Россию таджиков. По сути дела, это стремление обеспечить бесправие своих земляков, так как без знания языка они не только оказываются рабами, но и не в состоянии осознать свое положение и получить хотя бы теоретическую информацию о своих правах. Это бесправие крайне выгодно лидерам диаспор, которые, по сути дела, оказываются новыми рабовладельцами и строят собственные изолированные властные структуры в теле российского общества. При этом они с легкостью могут использовать растущее внутри этих диаспор напряжение (в том числе из-за жестокой эксплуатации основной массы их членов) против остального общества, для отвоевывания себе как лидерам диаспор дополнительного влияния и преференций.

Постепенно формируется новое общественное противоречие, которое грозит стать основным для России: между стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодой «ликующей гопоты» и этнических кланов, опирающихся на молодую же и во многом криминальную «пехоту», с другой. Его вызревание кардинально ускоряется тем, что изменения в составе элиты идут значительно быстрее, чем в массе населения в целом: сплоченные этнические кланы стремительно «вычищают» из власти разрозненных горожан даже там, где составляют незначительную часть населения (классическим примером является Адыгея, где доля «коренной национальности» лишь немногим превышает четверть населения).

Поскольку общество, подчиняясь элите, принимает ее обычаи и правила, это ведет к стремительной архаизации соци-

ального устройства, классическим проявлением которой стала расцветшая в 2000-е годы клановость и назначение детей высокопоставленных руководителей на ответственные должности, для которых те не имеют нужного опыта.

Образованные носители русской культуры выдавливаются из страны созданием для них невыносимых коррупционных и клановых условий, с которыми несовместима традиционная для русской технологической и управленческой культуры нацеленность на общественно значимый результат.

Следствие — **утрата Россией русского лица**, качественное изменение ее не только этнического, но и культурного состава: «старые мехи» российской территории наполняет «новое вино» в лице представителей кавказских и азиатских народов.

Утрата культуры в общечеловеческом плане неминуемо аукнется и в технологической сфере. Социальная и этническая архаизация неминуемо приведет к продолжению и углублению идущей 20 лет технологической деградации, которая может приобрести качественный характер в виде крупномасштабных техногенных катастроф даже без серьезных столкновений на этнокультурной почве. Принципиально важно понимать, что в силу комплексного характера демографических проблем их решение невозможно без оздоровления всего общества.

Безусловно, современное стимулирование рождаемости «материнским капиталом», который нельзя использовать в наиболее тяжелые первые три года воспитания ребенка и в принципе нельзя использовать на наиболее насущные нужды (например, питание и лечение), представляет собой издевательство над материнством и детством. Не случайно, по некоторым оценкам, наибольший отклик это нововведение вызвало у заключенных, не имеющих доступа к полной информации, что привело к рождению в местах лишения свободы целого «поколения Медведева».

Ограничение пособия по беременности, приведшее к широким и публичным протестам беременных женщин, также является одним из ярких примеров государственного издеательства над материнством.

Стимулирование рождаемости должно осуществляться только в регионах с дефицитом населения и заключаться прежде всего в выплате регулярного пособия, достаточного для ухода за ребенком, по крайней мере, в первые годы его жизни. Однако оно окажет лишь незначительное влияние без оздоровления социальной среды в целом, что требует полного прекращения либеральных реформ и восстановления разрушенной ими социальной сферы (в первую очередь доступ-

ного здравоохранения и образования). Создание для детей человеческих условий требует искоренения хотя бы нищеты, то есть гарантирования государством реального (а не издевательски заниженного) прожиточного минимума.

Нормализация межнациональных отношений, прекращение вытеснения носителей русской культуры с рынка труда (а значит, и из жизни) дешевым трудом гастарбайтеров требует, как минимум, кардинального ограничения коррупции. Возвращение смысла жизни значительным массам россиян требует создания привлекательных рабочих мест и модернизации экономики. А это немыслимо без ограничения произвола монополий, разумного протекционизма (хотя бы на уровне Евросоюза, так как почти все, что мы делаем руками, Китай делает дешевле) и лишь затем — нужно проводить комплексную модернизацию всей технологической инфраструктуры. И лишь после этого (или, как минимум, на фоне этих преобразований) имеет смысл осуществлять целевые меры по повышению рождаемости и снижению преждевременной смертности.

Возможен ли перелом негативных демографических тенденций без смены государственного строя? Негативные демографические тенденции, как было показано выше, лишь в сравнительно небольшой степени обусловлены объективными тенденциями, связанными с формированием в России потребительского типа поведения, демографическими волнами и в целом «демографическим переходом». Неадекватная государственная политика вызвана не фатальным недостатком интеллекта либо организационных способностей, но глубоко порочным целеполаганием: подчинением государственной машины интересам, с одной стороны, глобального бизнеса (в рамках либеральной идеологической парадигмы), с другой стороны — коррупционным интересам во многом обслуживающей этот бизнес правящей тусовки.

Сложившаяся на этой основе совокупность доминирующих над российским обществом систем интересов является жесткой, целостной, внутренне непротиворечивой и не только не имеющей отношения к нуждам и потребностям российского общества, но и, насколько мы видим, в принципе не совместимой с самим его существованием.

Созданная для обслуживания этой совокупности интересов политико-административная система обладает достаточно высокой эффективностью, в критических для себя ситуациях способна проявлять гибкость, достаточно радикально трансформировать свою организационную структуру и даже обновлять ключевые кадры (как мы видели после дефолта 1998 года). Но она не поддается эволюционной переориента-

ции на обслуживание интересов российского общества, не нуждается в такой переориентации и, насколько можно судить в настоящее время, не способна на нее в принципе. Вместе с тем она достаточно рациональна, чтобы защитить себя от любых посягательств тех или иных субъективных факторов, как внешних, так и внутренних. Как всякий эффективный паразит, при инерционном развитии событий она будет существовать до полного исчерпания сил своей жертвы, после чего погибнет вместе с ней или чуть позже, выйдя из ее тела в чуждое ей окружающее пространство. (В эмиграции она не только не сохранится как система управления, но и, не будучи защищена своей политической властью над Россией, скорее всего падет жертвой антикоррупционных расследований.)

Для перелома негативных демографических тенденций необходимо прекратить уничтожение России при помощи либеральных реформ и начать активно проводить социально-экономическую политику, нацеленную на интересы не глобального бизнеса и коррумпированной правящей тусовки, но самого российского общества.

Это потребует изменения самой системы целеполагания российской государственности, что означает ее кардинальное оздоровление и преодоление ситуации, когда почти повсеместная и практически не скрывающаяся коррупция производит впечатление не преступления, но основы государственного строя.

Такое изменение представляется возможным в условиях системного кризиса, к которому данная управляющая система неминуемо приведет страну. Утратив управление в условиях развертывания нескольких из четырех базовых кризисов российского общества (нехватка средств из-за растущей коррупции, межнациональный кризис, разрушение технологического наследия советской цивилизации, внутрибюрократический межклановый конфликт), ключевая часть управляющей системы покинет страну, не желая рисковать интересами своих выведенных за рубеж активов. Это приведет к фактическому разрушению сложившейся системы и создаст условия для ее реформирования и переориентации на интересы российского общества. Всесторонняя подготовка к этому моменту должна быть главным делом всех ответственных сил и элементов современного российского общества.

РАССТРЕЛ

РОМАН-ДОЗНАНИЕ

Глава двадцать пятая

1

Идея использовать внешнее сходство барышень с самого начала брезжила в пылком воображении Воротынского. Теперь она обретала осязаемые черты. В Натали он был уверен, как в самом себе: ради спасения цесаревны пойдет на всё.

Удалась ли дерзкая рокировка?

Предположим, да, удалась, рассуждал Глеб. Что дальше? Дальше под именем Анастасии — с Ольгой, Татьяной и Алексеем — ее привозят в Екатеринбург, в Дом особого назначения. Романовы и люди из ближайшего окружения, оценив этот подвиг самопожертвования, окружают девушку особенной теплотой, на что обращает внимание, но не придает значения постоянно под градусом комендант Авдеев. Возможно, ничего не заметил и сменивший его Юровский.

И вот расстрел. Штык, добивший раненую Анастасию, навеки вписывает ее имя в мартиролог невинных жертв. Но если ее смерть добровольно приняла Натали, то что же случилось с Анастасией? Да что угодно.

Окончание. Начало в №9 за 2011 г.

ПРОЗА

Могла погибнуть в гражданскую, когда человеческая жизнь ничего не стоила. Могла быть репрессирована, могла умереть от голода, от сыпного тифа.

Но могла и выжить. Как в этом случае сложилась ее судьба? Где и с кем она прожила свой век?

А с кем, подумалось ему неожиданно, прожил жизнь мой дед Ерофей Павлович? По плану Воротынского он должен был доставить Анастасию в условленное место за городом. Оттуда штабс-капитан полагал уйти с нею в Абалакский Свято-Знаменский монастырь и там дожидаться прихода белых. По косвенным сведениям, штабс-капитан попал под облаву, может даже погиб. Ерофей бросить подопечную никак не мог. Если она и в самом деле Анастасия, то что ж тогда получается? Анастасия родила сына, назвали его Сергеем. Сергей родил меня, Глеба. Получается, что я ее внук и, следовательно, правнук Николая II...

?!!

Принц крови?

Великий князь?

Глебу стало жарко от этой мысли — настолько фантастичной она была. Он задумался о своей бабушке как о возможной наследнице рода Романовых. И вдруг привычный образ ее распался, как распадается на части отражение в зеркале, расколовшемся от удара. Скромная, тихая, безответная, вроде бы малограмотная старушка подчас выдавала словцо или оборот, никак не свойственное простолюдинке. Иногда странность проявлялась и в ее жестах, в неожиданной грации рук, поворота плеч...

Он вышел на крыльцо. Моросило; холодная струя с крыши пролилась на спину, но он этого не заметил. Сашка, обнажив отца, стоящего на дожде в майке и босиком, рассердился:

— Ты что, простудиться хочешь?!

— Привет, инфант... — рассеянно усмехнулся Глеб.

О том, что авантюра с подменой Анастасии не удалась, что Натали не смогла уломать княжну, как ни просила, ни умоляла, ни заклинала всеми угодниками, он еще не дознался и пребывал в неведении.

Над Тобольском нависла туча, готовая разразиться тяжелым снегом, застила белый свет. Под стать погоде было и настроение Натали. Из губернаторского дома она вышла, сжимая в руке подарок Великой княжны и едва удерживаясь от слез.

Ерофей уже ждал, как было приказано, в переулке, покурил в рукав шинели.

— Ты?! — оторопел он. — А где же Анас...

Натали разжала кулак — на ладони сверкнул серебряный медальончик.

— Это от нее. Идем, пожалуйста.

Она была в монастырском платье, в низко повязанном черном платке, с корзинкой на сгибе локтя.

Когда отошли подальше, девушка сообщила, что Анастасия бежать категорически отказалась.

— Вот как...

— Мне теперь надо спрятаться, Ерофей.

— Зачем тебе прятаться?

— Я ушла от родителей.

— Ну, так что, ушла и прекрасно. Разругалась, что ли?

Натали отрицательно покачала головой, объяснила:

— Красные обложили всех контрибуцией. Отец платить наотрез не хочет. Значит, не сегодня завтра за мной придут. У них ведь какой порядок: приходят, делают обыск; если находят деньги или там ценности — экспроприируют, а хозяина волочат в тюрьму. Если не находят, берут заложника и ждут, когда хозяин сам принесет. У Южалкиных сына шестнадцати лет забрали, у Фурдеевых дочь в заложницах. Домрачев заплатил, но все равно сидит. Пришли, обыскали, нашли, что надо и увели старого...

— Идем ко мне! — принял решение Ерофей.

— Нет, к тебе нельзя. Найдут. Кто-нибудь донесет.

Ерофей вынужден был признать ее правоту, потерял ус:

— Где же тебе укрыться-то?..

— С утра знала, а теперь нет, — ответила Натали.

В ту часть плана, в которой она под видом Анастасии должна была остаться в губернаторском доме, Ерофея не посвятили. Воротынский рассудил так: Натали готова пожертвовать своей жизнью, но навряд ли согласится с этим ее жених.

Утром девушка простилась с родителями, давши в утешенье слово, что замуж за стрелка-углана никогда не выйдет. Обещала искренне, не лукавя, — в тех обстоятельствах, в каких она должна была очутиться в скорейшем времени, места для Ерофея не было. Уложив в корзинку самое необходимое для княжны-беглянки, Натали покинула отчий дом.

И вовремя. Вечером нагрянул Руф с товарищами. После его визита в живых остался лишь маленький Филимон, сумевший спрятаться на конюшне. Трофима застрелили, Анфису Тихоновну забили прикладами. Власьевна померла сама.

— Пойду пока в Шанталык, в Ивановский монастырь! — сказала Натали и сдернула с головы платок, словно освобождаясь от сомнений и нерешительности. — У меня там

монашки знакомые, почти подружки. Продукты носили государю. Чуть ли не каждый день.

Ерофей долго не рассуждал:

— Я с тобой!

— Но ты ж на службе? Поймают, будут судить.

— Не поймают! И судить скоро будет некому. Служба моя, ежели разобрать по сути, кончилась. Как государя увезли, так и кончилась. Со дня на день отряд вообще распускают.

— Ну что ж, идем, женишок мой нареченный, — уже с обычной своей улыбочкой объявила девушка и сама не поняла, как очутилась в него на руках и почему он целует ее, а она даже не отбивается... — Не смей так больше! — приказала гневно, вывернувшись из его рук.

— А при родителях сама меня целовала...

— То была блажь девичья.

— А теперь прошла?

— А теперь... не знаю.

— Поговорили... — Ерофей скатил улыбку с лица, расстроился. — То целуй, то не смей... Не поймешь вас, баб.

Они пересекали проулком Малопосадскую как раз неподалеку от его дома. Ерофей предложил заскочить к отцу.

— Заскакивай, а я здесь подожду, — отказалась Натали.

Ерофей побежал домой. На двери висел амбарный замок. Взяла досада на старика:

— Где тебя черти носят...

Потом решил, что оно и к лучшему, не пришлось посвящать отца в свои новые обстоятельства. Не думал и не гадал, что дороги их разошлись навек. Написал крупно на столешнице чернильным карандашом: «Убыл по делам службы. Когда вернусь, не знаю. Сократись с вином. Ерофей».

— Что у тебя с губами? — нахмурилась Натали.

— А что у меня с губами?

— Синие, как у мертвеца.

— А, записку писал. Химическим карандашом.

Пришли на пристань к Денежкину причалу. Верховой ветер задрал край снеговой тучи, и Тобол заискрился под солнечными лучами. Беглецы тоже повеселели.

Однако в назначенный час Воротынский не появился.

— Что-то, видать, случилось, — встревожился Ерофей. — Штабс-капитан свое слово держит.

Ждали его до потемок, продрогли; не дождавшись, отправились в Шанталык.

2

Этот главный милиционер города выследил-таки Воротынского. Вечером пришел по его душу. С собою взял двух со-

трудников и военного комиссара Степана Заборова, напросившегося поучаствовать в захвате матерого беляка.

— Не твое это дело, — отговаривал Волокитин.

— Руки, Серега, чешутся! Я все-таки боевой офицер, хотя и унтер.

— Черт с тобой, — согласился нехотя Волокитин. Уже на подходе к дому приказал: — Стой у ворот. И нишкни!

Пока он барабанил в дверь и кричал «Откройте!», штабс-капитан успел высадить оконную раму и выпрыгнуть из квартиры. И ушел бы, если бы не Заборов, открывший стрельбу по мелькнувшей тени. Штабс-капитану понадобилось всего секунда, чтобы извлечь оружие из кармана полупальто. Не целясь, пальнул на вспышки, и тут же его заломали двое притаившихся милиционеров.

Единственный сделанный им выстрел оказался роковым для бывшего унтер-офицера. Заборов погиб на месте. Воротынского сволокли в участок. Избив на скорую руку, заперли до утра, и ушли продолжать облаву. Все это случилось за час до условленной встречи с Ерофеем и, как предполагалось, Анастасией...

Двор милиции освещался керосиновым фонарем. В окошко был виден стоптанный сапог часового, конские яблоки и еще какая-то дрянь, похожая на подмороженные помои.

Узник услышал перепалку своих охранников:

— Васька гад, сам наелся, напилси, а я ребром свисть?

— Но ить не околел же?

— Ты сказал, принесешь. И где оно?

В ответ раздался сытый смешок:

— В этой харчевне на вынос не подают.

— Вот же ты гад какой! Ище и надсмехаешься, паразит!

— Да ты чё, паря? Пошли, Кланька севодни добрая.

— А беляк?

— Да никуда твой беляк не денется...

Голоса удалились.

Выждав минут пятнадцать, Воротынский выдавил стекло в окошке, расшатал и вырвал ржавую, времен Ермака решетку. Высунул голову, осмотрелся. Путь был свободен.

На условленную встречу он опоздал. Когда окончательно рассвело, укрылся в тайге, в охотничьем балагане. Для подстраховки в следующую ночь снова пришел на пристань, но Ерофея с Анастасией не было. Оставалась надежда, что ушли в Абалак, в тамошний монастырь, вотчину епископа Гермона, всем известного ярого монархиста.

Воротынский отправился в Абалак.

На полпути находился Шанталыкский Иоанно-Введенский монастырь, в миру просто Ивановский. Он пришел туда

на рассвете. Надо было укрыться на день, чтобы ночью продолжить путь. Над воротами монастыря славянской вязью было начертано: «Праведные внидут в врата сии».

На его нетерпеливый стук выглянула испуганная привратница:

— Чего надоть?

— Приюта.

— Николи не возможно, батюшка!

— Мне бы только до вечера.

— Наша обитель женская. Не возможно николи!

Вот заладила, подумал он. Заверил:

— Уйду, как стемнеет.

Монахиня мялась в нерешительности.

— Вот вам крест! — дожимал ее Воротынский.

— Да вижу я, что хрещёный... Обожди туточки.

Дверь закрылась. Через несколько минут появилась игуменья, сухоощавая старуха с цепким молодым взглядом. Мгновенно расшифровав прищельца, вздохнула сочувственно:

— Нельзя к нам, батюшка офицер. Красный топор над нами. Помогали, чем могли, государевой семье, тем и провинились. Теперь с часу на час ждем нашествия комиссаров, верные люди предупредили.

— М-да, в Тобольске облавы уже идут...

— Ступайте на село, в ближней к монастырю избе спросите Ермолая. Приютит и укроет. Сказывайте, мол, от матери-настоятельницы. — Она хотела что-то еще сказать, что-то важное для него. Но продолжения не последовало.

— Ну что ж... И на том спасибо, — поблагодарил он.

— Спаси Господи раб твоих.

Ермолай, кряжистый бородач, одетый по-легкому, в одной рубахе, колот дрова; от трудов на спине проступили высолы. Молча, выслушав незнакомца, указал топором на входную дверь.

В полумраке избы суетились бабы, — одна у печи, ворочала чугуны ухватом, другая, сидя на лавке, сбивала масло, третья крутила ручную мельницу. На приветствие Воротынского все трое лишь оглянулись и безмолвно продолжали свою работу. Немые тут все, что ли, подумал он.

Из горницы вышла баба постарше, сказала строго:

— Чё встал? Разболокайся.

Воротынский скинул полупальто, неловко повесил на деревянный гвоздь.

На дощатом скобленном столе появились крынка с молоком и горячий ржаной калач. Он накинулся на него с жадностью.

— Шапку сними, нехристь.

Воротынский виновато стащил треух, перекрестился на красный угол. Стал жевать — степенно, не торопясь.

— Испей молочка-то.

Рядом с крынкой возникла кружка, расписанная синими петушками.

— Известно, оголодал в дороге, — оправдала хозяйка для себя или своих насельниц проявленное им неучливое поведение.

Обстановка степлилась. Бабы оказались вполне нормальными, переговаривались вполголоса, поглядывали украдкой на чужака.

Ермолай во дворе продолжал махать топором. Слышно было, как крякал перед ударом: кха! кха!..

Воротынский согрелся, осоловел.

— Э, да ты совсем сонной, — сказала хозяйка. Зыркнула на своих. — Чё расшаршились? Постелите Божьему страннику.

Едва Воротынский вытянулся на перинах, едва приклонил голову, как тотчас заснул и проспал до вечера.

Разбудили негромкие голоса:

— Про тех двоих-то сказывать, нет ли? — спрашивала хозяйка.

— Спросит — скажем, — отвечал Ермолай.

Воротынский догадался, о ком шла речь. Вскочив с лжанки, вышел на свет, обратился с прямым вопросом:

— К вам солдат с девицей не заходили?

— К нам — нет. В монастыре отметились. Матушка игуменья послала их в Абалак с келарницей. Уехали на подводе.

— Когда?!

— Вечор ишо.

— Вот досада...

Тем не менее сообщение обрадовало его — план, несмотря ни на что, сработал.

Ермолай проводил огородами до околицы:

— Держи на полуношную звезду. На дорогу не выходи, красные шныряют туды-суды.

— Спасибо! — Воротынский пожал его твердую, как топорище, руку.

— Храни тебя Бог, служивый.

Штабс-капитан кивнул и зашагал на север. Снег, хрупкий, в застругах, хрустел под ногами смачно, как огурец в молодых зубах. Белая с зеленцой заря указывала на вёдро.

3

В Тобольске начались обыски и аресты. После отъезда царской четы большевики зачищали город. Наипервейшим кан-

дидатом на изоляцию был Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский, в миру Георгий Ефремович Долганёв. Постриженный в монашество (с наречением имени достопочтенного освободителя Руси от поляков), святитель был яростным ненавистником новой власти и более того, не скрывал ненависти, публично и дерзостно обличая с соборной кафедры ее действия.

Взять епископа втихую не получалось. По отработанной схеме аресты производились ночью, — предупрежденный единомышленниками, Гермоген ночевал у верных ему мирян, всякий раз по новому адресу. Днем служил в соборе, где красным его было не достать из опасений религиозного возмущения. Накануне Вербного воскресенья он объявил пастве о крестном ходе и назначил его на двенадцать дней. Совдепу стало известно об этом поздно: все были заняты подготовкой к похоронам Степана Архиповича Заборова, почившего от пули классового врага. Похороны планировались пышные, с митингом и духовым оркестром, с торжественным погребением на центральной площади.

Из здания Совдепа как раз выносили гроб с его телом, когда на Софийском соборе ударил Большой колокол. Благовест подхватили малые колокола всех звонниц и били не умолкая. С иконами, хоругвями и песнопениями шествие двигалось в подгорную часть города, по пути обрастая толпами горожан. У церкви Архангела Михаила, где владыка отслужил молебен, паству окружили конные и пешие красногвардейцы, требуя немедленно разойтись.

В переговоры вступил настоятель Покровского храма протоирей Васильев:

— В чем дело, господа-товарищи? Почто мешаєте православию?

Командир отряда Руф Белоусов свесился с лошади, ухватил его за наперсный крест:

— Ваше гулянье не согласовано с Советом рабочих и солдатских депутатов!

— А мы не подвластны никаким рачьим и собачьим депутатам! Убери руки, нехристь!

В конфликт вмешался начальник милиции Волокитин.

— Спокойно, товарищи! Спокойно!

— Нашел товарищей, богохульник! — зароптали верующие. — С рогами тебе товарищи и с копытами!

— ...Сегодня мы провожаем в последний путь Степана Архиповича Заборова! — перекрыл Волокитин недовольные голоса. — Город в трауре! Никаких празднеств не предусмотрено! Просьба к вам спокойно разойтись по домам! Или принять участие в нашей торжественной церемонии.

— Как бы не так! — дружно ответили крестоходцы и продолжали путь, ведомые не дрогнувшим духовенством.

Наперерез им, со стороны Вознесенской улицы, надвигалась траурная процессия. Насупленные пролетарии несли кумачовый гроб, пели сурово, скорбно:

*Замучен тяжелой нево-о-лей
Ты славною смертью почи-ил...
В борьбе за рабочее де-е-е-ло-о-о
Ты голову че-есна сложил!*

Встреча враждебных идеологий приближалась неотвратимо. Столкнулись на перекрестке. Обе колонны сбились с шага, смешались, заволновались:

— Куда прете?!

— А вы куда?!

— Куда надо!

— Надо им, прутся как на буфет! Осади назад!!!

Гермоген, напрягши горло, громко вещал крамольное:

— По апостольской заповеди глаголю: пришел Антихрист и прельщает вас! Сей последний Князь Тьмы голову имеет лысую, глаза яко угли желтые и каркает по-вороньему!

Председатель исполкома Павел Данилович Хохряков ахнул:

— Ах, контра, это же он про нашего Ильича... Черных, Яковченко, взять сволоту!

Два свирепого вида милиционера налетели на крестный ход. Работая плечами и локтями, стали протискиваться к Гермогену. Монахини и монашки тотчас заступили его телами. Ропот, ругань, угрозы с обеих сторон, — казалось, рукопашной не избежать.

Кровопролитие предотвратил Волокитин:

— Черных! Яковченко! Отставить!

— Ты чего? — встрял возмущившийся Хохряков. — Брать надо этого мракобеса!

— Не смей! — бросил главный милиционер. И тут же смягчил резкость своего тона: — Возьмем по-тихому и попозже...

Архипастырь продолжал взывать к душам заблудших граждан:

— Опомнитесь! Аки стадо свиней, в коих вселились бесы, вы несетесь в погибельную пучину! Не преклоняйте колен пред идолом! Настанет час, и Господь воскреснет, и спросит с каждого: почто предал Мя?

Хохряков только скрипел зубами.

Митяй Смакотин, по указке Руфа пытающийся спровоцировать беспорядки, пребольно наступил на ногу монаху-хоругвеносцу:

— Ой, я нечаянно, извиняйте!
— Бог простит, — отвечал монах.
Митяй взбрындевел:
— Чё? Чё ты сказал?!
— Бог простит, говорю.
— Ты, долгогривый, за себя говори!!! Я ведь тебе на ногу наступил, не Богу!!!
— Да прощаю, прощаю, ирод! Чтoб она у тебя отсохла!
Спустя два года Митяй жалился собутыльникам:
— И ведь накаркал, сволочь! Ну, куда теперь без ноги?!

Судьба епископа Гермогена сложилась весьма трагично. Тем же вечером он был арестован и увезен в Екатеринбург. В конце июня зачем-то опять повезли назад, хотя могли бы расправиться и в Екатеринбурге. До Тобольска не довезли, утопили в Иртыше в виду Покровского. В начале июля прибрежные рыбаки нашли и захоронили тело. После прихода белых останки мученика перенесли в Тобольск в Иоанно-Златоустовский придел Софийского собора, на то самое место, где первоначально была могила святого Иоанна, митрополита Тобольского.

В 1981 году Русской Зарубежной Церковью преосвященный Гермоген был причислен к лику святых.

4

С тревогой и страхом ждали нашествия комиссаров и в Абалакском монастыре.

Дьякон, встретивший Воротынского, загудел в ухо:

— Опасно у нас, ваше благородие! Вертится тут какой-то, по всему видать, краснопузой масти. Вынюхивает, выглядывает, собачий нос. Да ишо отец эконом у нас сущий змий, прости меня, Господи. Просто аспид и василиск! Выдаст сождепкам всенепременно.

— А что Иринарх?

— Настоятель? О, это человек, а не обосерина, прости меня, Господи, если сможешь...

— Могу я его увидеть?

— Так нет его. К святителю Гермогену в Тобольск уехал.

— А солдат с девицей... они где сейчас?

— В надежном месте. На север ушли, в вогулам.

— Где, хоть примерно, искать-то их?

— Самому не сыскать. Эй, Пронька, иди-к сюды!

— Чего надобно, батюшка Филофей?

— Отведешь его благородие в Коржомкино зимовье.

Монашек испустил вздох, всем видом показывая, как ему не глянется предстоящее путешествие.

— Што ты здышишь? — построжал отец Филофей. — Не здыши, Прокопий, ты ишо молодой. Собери харчишек да оденься плотней, на холода пойдете. — Пока малый готовился к путешествию, дьякон рассказывал: — Живем по уставу Саровской пустыни, в трудах и молитвах. Имеем школу для детей инородцев. Обучаем не токмо Закону Божьему, но тоже и портняжить, и сапожничать, и кирпичи лепить...

Офицер с иноком шли два дня. Питались сибирскими подорожниками — запеченными в тесте яйцами. Ночевали в пустых станках-кормилицах, расположенных через каждые двадцать верст, оскудевших, брошенных по случаю революции.

К концу пути Воротынский еле передвигал ноги, Пронька, в шубе-барнаулке из голубой овчины, в кисах *, не зная устали, топал и топал резво, сердился на частые остановки. Не доходя до места, остановился:

— Дымок видите, ваше благородие?

— Нет...

— А собачек слышите?

Ветерок доносил тонкий, как из-под снега, собачий лай.

— Вот на их голоса и правьте. За этим бором избу увидите. Она и будет Коржомкина юрта. — Малый потянул носом. — Не иначе, мясо варит в великопостный день... Прости, Господи, его душу грешную.

— Спасибо тебе, Прокопий, — сказал Воротынский, вложив в его руку серебряную полтину.

Во дворике Коржомова зимовья его окружили лайки. Скакали, лапаясь, норовя лизнуть.

Штабс-капитан толкнулся в низкую дверь. Не поддалась: отворялась, по-видимому, наружу. И точно, потянул на себя — открылась. А если метель? — подумал он озадаченно. Занесет, не выберешься...

Внутри было тепло и остро пахло сырыми шкурами. В центре горел очаг, над очагом в черном, век не чищенном казане что-то булькало и ворчало. Хозяин помешивал варево плоско оструганной деревяшкой.

Ерофей и Натали, сидя на лавках поврозь друг друга, шурились на огонь. При появлении Воротынского, возникшего из клубов холодного воздуха, вскочили с радостными кликами и объятьями.

Штабс-капитан тоже был рад сердечно:

— Здравствуйте, здравствуйте, мои милые!

* Меховые, выше колен, сапоги. Пристегиваются к поясу.

— А уж мы чего только не передумали! Боже, какое счастье!
— А где же... Анастасия? — спохватился он. Услышав ответ, отвердел лицом. Враз навалилась усталость. — Вот, значит, как...

Коржом, бесстрастный азиат в малице с откинутым капюшоном, встал с корточек, поклонился гостю.

— Торово (*здравствуй*), начарник (*начальник*), проходи, пожаруста (*пожалуйста*), — сказал он, шепелявя и пришепетывая то ли из-за особенностей артикуляции, то ли еще по какой причине. Добавил, обнажив в улыбке прокуренные пеньки: — Кушать путем (*будем*), чай пить путем, карачун придет, помирать путем.

На другой день повалил снег — начались отзимки. Коржом ушел проверять силки. Штабс-капитан, не стесненный его присутствием, уже детально расспросил Натали о великой княжне и ее отказе бежать от красных. Потом долго сидел, уставившись в одну точку, — переживал крушение своего замысла.

5

Припозднившаяся весна набирала силу. Снега стремительно оседали, лед пошел зажорами-водоиминами, на взлобках вытаяла земля. Вешние воды, затопляя низины, лога и овраги, разлились морем. Зимовье превратилось в остров.

Коржом чинил сети, Натали ухаживала за домом, варила пищу и тоже была при деле, — Ерофей служил у нее подручным. Один Воротынский маялся от безделья. Коржом приспособил его конопатить лодку:

— Зачем зря живешь? Кедровку чини, сети кидать надо.

— Есть чинить! — повеселел штабс-капитан.

Под навесом на задах юрты висели низки сушеной рыбы, на земле, на чурках, брюхом вверх лежала большая, наборного теса лодка.

Воротынский извел всю смолу, всю паклю, но с задачей справился, лодка была готова к большому плаванью. А, окончив работу, засобирался в путь. Жить в неизвестности дольше стало невмоготу, честь офицера призывала к активным действиям.

Коржом его не удерживал. Что толку? — белый начальник всегда поступит по-своему. Жалко было кедровку, на ней бы еще бегать и бегать, но для мелких рыбацких нужд был у него легкий челнок-долбленка.

По навес к Воротынскому пришла решительно настроенная Натали. Князь оттирал песком испачканные смолой ладони.

— Князь, я пойду с вами, — сказала она, глядя ему в глаза. — Надеюсь, не надо объяснять почему?

Воротынский не отвечал, пристально разглядывая мозоли. Вдруг вскинул на нее отчаянные глаза:

— Вы боитесь за мою жизнь?

Натали кивнула:

— И это тоже.

— Но, Наталья Трофимовна, у вас уже есть человек, за жизнь которого вы должны бояться. Я всего лишь друг вам по... По обстоятельствам.

— Я вас люблю, Андрей!

— Та-ак... — тихо произнес он.

— И сердцем знаю, что вы... — Натали запнулась, подбирая слово, — равнодушно ко мне!

Ответное признание далось ему нелегко.

— Я вас тоже люблю, Наташа. Но не имею на это права.

— Кто вас лишает такого права?

— Моя совесть. Елахов для меня больше, чем друг.

— А вы для меня больше, чем жизнь! Вы... *mon raison d metre**!

— Но Ерофей Пальч...

— Да хотите, я его позову? Хотите?

И в следующее мгновение оба вздрогнули. Ерофей вышел из-за поленницы.

— Не надо меня звать! — Из распахнутых глаз его, как из открытой раны, сочилась боль. — Я здесь.

— Ерофей... — выдохнула в замешательстве Натали. Впрочем, сразу и справилась со своей слабостью. — Прости, так уж вышло! Ну не пара мы! Тебе баба нужна крепкая, здоровая, работающая... Чтобы детей рожала, хозяйство вела. А я, я совсем не то, чем тебе кажусь!

— Это последнее твоё слово?!

— Да. Я ухожу с Андреем.

Солдат не верил и не хотел верить в свое несчастье.

— А что скажет сам Андрей? — произнес он глухо.

— Я... вы... мы... — запутался Воротынский. — Пусть все решит Наталья Трофимовна.

— Я уже все решила, — сказала Натали. — Прости меня, Ерофей Павлович. — И поклонилась в пояс.

Ерофей рассмеялся раненым, кровоточащим смехом. Жар в груди резко пошел на убыль, оставляя после себя угли и головешки.

Больше к болезненной теме не возвращались. Вели себя так, словно не было этого разговора, — напротив, все трое

* Смысл моего существования (франц.).

стали подчеркнута внимательны и учтивы. Узнавши, что вместе с начальником в путь собралась и девушка, Кордом попробовал ее отговорить:

— Наташк, наш вода шибко злой. Упадешь — не отпустит.

Девушка рассмеялась:

— Вода как вода! Просто вы, вогулы, плавать не умеете...

Сборы были недолгими, прощание длилось дольше. Штабс-капитан все пытался оправдаться в глазах солдата, выгородить Натали. Но Ерофей отмалчивался, и он оборвал себя, осознав бессмысленность оправданий:

— Ерофей, обязательно найди меня, как поправишься! Что бы между нами ни было, присягу никто нам не отменял.

— Ваше благородие, дозволейте проститься с Натальей Трофимовной?

— Да-да, разумеется!

День был мозглый, пасмурный, ветер шоркал по глазам как рашпиль. Лапы угрюмых елей, будто руки в рваных, обвисающих рукавах, тянулись к югу, к солнцу, укрытому низкими облаками. Ерофей подошел к Натали вплотную, забрал в ладони ее лицо, троекратно поцеловал.

Щеки ее были холодны, как лед, словно уже набиты дождем ветром.

6

Ерофей маялся неприкаянно, размышлял о жизни без Натали. Приметно опал с лица, под глазами было черно. Коржом ему выговаривал:

— Совсем жрать перестал! Только табак куришь. Как твой здоровье терпит?

— Кряхтит да терпит! — отшучивался солдат. — Дак ты говоришь, пора уж и мне отчаливать?

Коржом поймал за кончик эхо своего голоса: ничего такого он вовсе не говорил. Вздыхнул про себя: «Однако прощай, облазок, привет сказывай кедровке-то...»

Но Ерофей отправился на своих двоих.

Талые воды уже сошли, ничего не напоминало о том, что еще на днях зимовье было островом. Все вокруг ударило в рост, все цвело и благоухало.

Против ожидания, к Иртышу он вышел много северней Абалака. На первой же пристани его подобрал катер, доставил в Тобольск, почитай, с комфортом.

Город был тот и уже не тот. Улицы оживились, всюду было полно военных: серая при Советах обывательская толпа сверкала золотыми пуговицами и погонами. С фасадов и крыш

облетел кумач, над домом Народного собрания развеялся трехцветный флаг. В центре открылись питейные заведения. Из горячительного давали денатурат, на закуску воблу, на десерт тыквенные парёнки.

У ресторана Соломона Шкиндера шумно, с поцелуями и заверениями в любви, толкалась компания офицеров. Все были пьяны изрядно, — кроме полковника, в котором Ерофеем признан Андрея Михайловича Воротынского. Бывший штабс-капитан, румяный, гладко выбритый, одетый в мундир с иголки, тоже был слегка подшофе, но в отличие от приятелей держался молодцевато. Как догадался Ерофей, князь отмечал новое назначение.

— Елахов! — вскричал он, увидев переминающегося с ноги на ногу Ерофея. — Ах, какой молодец, что меня нашел! Господа офицеры! — повернулся он к собутыльникам. — Предлагаю вам полного Георгиевского кавалера Ерофея Павловича Елахова!

Офицеры с криками «браво» заплодировали, чем вогнали в краску заробевшего Ерофея. Воротынский обнял его за плечи, отвел в сторонку:

— Как же я рад, дорогой ты мой! И главное, как ты вовремя! Завтра ты меня здесь уже не застал бы!

Ерофея прежде всего интересовала Натали.

— Наташа все время была со мной! — предугадывая вопрос, сообщил ему Воротынский. — Неделю назад венчались.

— Поздравляю... — выдавил из себя Ерофей. — Вы сказали была, где ж она сейчас?

Воротынский отвел глаза.

— Пойдешь ко мне в пулеметчики, Ерофей Павлович?

— Никак нет. Я ж разведчик...

— Ну, так что! Стрелять из пулемета не разучился?

— Не должен бы...

— Значит, решено!

— Андрей Михайлович! Где Наташа?

Будто не слыша, полковник открыл полевую сумку, достал блокнот, коротко написал что-то, вырвал страничку, вручил:

— Сейчас ступай в штаб, отдашь эту записку, пусть поставят на довольствие, оденут, обуют...

— Да я обут вроде... — Ерофей покосился на свои американские сапоги.

— Скажешь там, полковник зачислил в свой экипаж.

— Это как, на корабль, что ли?!

— На бронепоезд! Завтра отбываем в Тюмень получать паровоз и вооружение. Все ясно?

— Так точно, ваше благо... ваше высокоблагородие! — ответил Ерофей, как и полагается при обращении к высшему офицеру.

— Выполнять!

В Тюмени Воротынский получил бронепоезд «Свѣ. Георгій» и ушел на Восточный фронт.

За успешные бои с Красной армией Елахов получил чин прапорщика, перескочив предшествующие ступеньки, как в свое время и Воротынский. Натали, Наташа, Наталья Трофимовна служила поваром. Когда ее беременность стала заметной уже для всех, князь решил списать ее из команды и при первой же возможности переправить в тыл. Приказ был выполнен, когда он получил ранение, по диагнозу доктора, сугубо с жизнью несовместимое.

Во исполнение воли умирающего к Натали приставили Ерофея в качестве ординарца...

Глава двадцать шестая

1

Вопреки врачебному приговору, Агния Алексеевна прожила еще два с половиной месяца. Предчувствуя скорый конец, торопилась рассказать о том времени, когда Глеба еще не было или был еще слишком мал. Сашка принес диктофон, и он мог больше не напрягаться, записывая за ней, и лишь следил за тем, чтобы вовремя включать или отключать запись.

Мать говорила с большими паузами, с провалами в хронологии, особенно после инъекций наркотика, который приходилось вводить все чаще. Глеб слушал с раскрытым ртом, боясь пропустить хоть слово, кляня себя за то, что не удосужился расспросить ее раньше, — тогда ему казалось, что впереди еще уйма времени для расспросов и разговоров.

Оказывается, Агния Алексеевна долгие годы жила с клеймом классово чуждого элемента. Когда семнадцатилетней девушкой она поступала в педтехникум, мандатная комиссия разошлась во мнениях:

— Отец ее из высшей знати, хотя каторжник. При советской власти вел паразитический образ жизни, в строительстве социализма никакого участия не принимал якобы по болезни. Мать тоже неизвестно, из каких кружков выпала...

Вступился Пупонин, инспектор облнаробраза, историк и краевед:

— Ее отец был не каторжник, а политический каторжанин! Мать — сестра милосердия. В Тобольск сослана за хранение крамольной литературы.

Приняли под его ручательство. По той же причине, то есть из-за сомнительного происхождения родителей жены, Сергея Елахова не брали на действительную (срочную) службу в армию.

— ...призвали в августе 41-го, когда приперло. Ты родился в тот самый день, когда Сергей уходил на фронт. Больница располагалась там же, где и теперь, родильное отделение окнами выходило к железнодорожной станции. Перед отходом поезда с новобранцами Сереже удалось вырваться на минуту, и я показала тебя в окно. Он улыбнулся, выставил большой палец и прокричал что-то. И тут за ним прибежал военный, пинками погнал к вагону... Горько было смотреть на это. Может быть, где-то и были проводы с митингами и оркестрами, а у нас увозили на войну в бестолковой спешке, под рев и вопли... Сережа погиб на Волховском фронте в сорок втором году, мне в тот день исполнилось двадцать пять. С тех пор я не отмечала своих дней рождения...

Овдовев, Агния Алексеевна замуж больше не выходила. В школе было семнадцать учителей мужчин. С фронта пришел один, женатый, отец четверых детей. Других женихов не было.

С Сергеем она познакомилась в педучилище, там же и поженились. По окончании получили распределение в Юраши. Кто-то хотел в Тобольск, кто-то метил осесть в областном городе, — молодожены попросились в глухой поселок.

— ...Ерофей Павлович поселился в Юрашах в конце гражданской войны, пришел на пустое место с женой и сыном, — твоему отцу годика еще не было. По ту сторону железной дороги какие-то люди жили, а по эту — лес нетронутый, с полянами и озерами. За Ерофеем Павловичем, как он срубил избу да поставил кузничку, народ потянулся. Переезжали из окрестных деревень с домами. Раскатывали по бревнышку, везли на дровнях и ставили за его участком. За одну зиму целый рядок вырос. Потом еще и еще. Так и образовался поселок — со школой, больницей и всем, что положено. Вскоре учредилась *Дистанция службы пути* и при ней — железнодорожные мастерские. Ерофей Павлович в мастерских кузнечил, когда мы с Сергеем прибыли...

Рассказы матери оживляли его собственные детские воспоминания, почему-то все больше летние, с пышной зеленью, зноем и синим безбрежным небом. Вспомнилось, как после войны в доме появилась бабушка Фро — сестра деда Ефросинья Павловна.

— ...Тоже хлебнула горяшка. Руфа, мужа ее, казнили белые. В качестве палачей приставили двух его же отрядовцев,

переметнувшихся к атаману Дутову. Митяй Смакотин, земляк, к тому времени без одной ноги, ампутированной из-за гангрены, был очевиден казни. Рассказывал: когда Руфа подводили к виселице, один из них, сидя на перекладине, прокричал напарнику: «А ну-кась, Вань, ковырни его ножиком, потекёт из него свинец, аль нет?» — Ваня и ковырнул. — «Ну чё, текёт?» — «Не-а, одна кровиишша»...

Дом Ефросиньи Павловны в Паутовке сожгли не то белые, не то красные, не то сам сгорел от худой трубы. Старшая падчерица ушла с отцом в партизанский отряд, младшая, Зинка, тем летом утопла в речке, и Ефросинья осталась совсем одна, без крыши над головой. Митяй привел ее к себе. Жизнь с ним была хуже каторги: распускал руки, пил без просыху, тризнавал поминки по утраченной на гражданской войне ноге. Помощи от него не было никакой. Жили, в основном, с огорода да на ее копейную зарплату — работала уборщицей в сельсовете. «Давно бы ушла от Митьки, — рассказывала Ефросинья Павловна, — кабы не полы. Уж больно баские были, прямо светились, как выскоблишь голиком с печинной. Жаль до слез было бросать эту красоту...»

Помер Митяй в День Победы, сгорел от водки. Ефросинья уже разузнавшая адрес брата, отправилась в Юраши. Весь багаж ее был узелок с лепешками, печенными из отрубей, лебеды и дикого лука, — полевского, как называют его в Сибири. Лепешки были необыкновенно вкусные, и Глеб не понимал, отчего они вызывают у взрослых слезы. Он уплетал их за обе щеки.

В те часы, когда боль отпускала Агнию Алексеевну и она была в ясном разуме, речь ее обретала яркость и живописность. И одновременно — досадную непоследовательность и сумбур. Вдруг ни с того ни с сего мать стала рассказывать о Немко. Глеб помнил этого старика, часто натыкался на него в детстве. При встрече Немко всегда мычал что-то ласковое и совал то пряничек, то конфетку. Один раз угостил халвой, желтой, соевой, редкой по тем временам сладостью. Глеб пересердствовал: рвало полдня. С тех пор халву, и не только соевую, на дух не выносил...

Этот странный калека все больше занимал угасающее сознание Агнии Алексеевны. Порой являлся во снах — мычал жалобно, словно хотел сказать что-то, но что? — как ни мучилась, не могла понять и просыпалась в слезах. Вспомнила, как старик жестами пытался узнать: где ее муж, почему никогда не видно? А когда она показала ему похоронку, старик заплакал, и побрел прочь. Он не показывался полгода, и она

уж было решила — умер, но однажды разговорившись с продавщицей Фешей, узнала, что старик жив.

Феша была единственная в Юрашах, кто понимал его. Немко приходил в сельпо, показывал на винную полку, мычал: «Ны-ы». — «Ах ты сердешный, опять, значит, накатило...» Обычно такое бывало с ним только осенью, в листопад. Но тогда как раз было лето, все цвело, все наливалось соками. «Видать, какое-то лихо у него стряслось, Лексевна. Да ведь он не скажет».

Когда прибился он к Юрашам, толком никто не знал, говорили, будто бы в двадцатых или в тридцатых. Жил в Ёлочках, на краю поселка. Сложил там себе избушку из пластов дерна. Пласты нарезал с обочин лесных дорог, с нехожалых, поросших муравой тропок. Там дерн был прочней, сплоченней.

— ...Один ученик мой бывший служил в милиции. Так вот он рассказывал, как искали однажды беглого уголовника. Зашли, говорит, к Немко. Зашли просто передохнуть, дать ногам немного покоя. Я, говорит, поставил винтовку в угол. А Немко, как увидел ее, замаячил, дескать, дай, дай посмотреть. Я кивнул, пусть смотрит, не заряжено. И тут старик взял ее в руки, да так ловко, привычно передернул затвор, будто всю жизнь не выпускал из рук... Это нас заинтриговало: откуда у старика-калеки такие навыки? Но как узнаешь? — говорить не может, писать не может, да и неграмотный вроде бы...

Только теперь, на смертном одре, Агния Алексеевна стала сопоставлять факты и додумалась, что Немко был связан с семьей Елаховых, и, может быть даже, кровно. Уж очень ее Сережа был похож на него глазами, разлетом бровей, сложением...

В последние ночи она укрепилась в своей догадке. Совершенно очевидно, что Евдокия Меркурьевна была в какое-то время ему близка, имела от него ребенка, потом что-то ужасное их развело. Возможно, Немко пропал без вести, и она вышла замуж за Ерофея Павловича.

А Немко не пропал, выжил, и долгие годы скрывался под маской юродивого калеки. И, в конце концов, таковым и стал.

— ...мама (так Агния Алексеевна называла свою свекровь) как-то в баньке разоткровенничалась. «Сколько лет, — говорит, — с этим грехом живу, а ни разу не исповедалась, ни единой церкви в округе нет. Правда, была раз, батюшка-странничек сам забрел, в сорок втором, когда на Сережу похоронка пришла...» Тогда, видать, она тебя и окрестила, Глеб.

Батюшка ей сказал: «Признайся, какой грех на душе несешь, сниму и на путь наставлю». — «А у меня, — она говорит, — язык к небу присох, слова вымолвить не могу...» Попик спрашивает: «Но ты хотя бы раскаиваешься в содеянном?» А она плачет и головой мотает... «Ну, — говорит, — уж то хорошо, что плачешь. Господь милостив, авось простит и без покаяния». Я ее успокаиваю: «Мама, ты столько пережила, нет на тебе грехов». — «Есть, — говорит, — один. Это сыночек мой первенький, Сереженька ненаглядный»... И опять в слезы. Когда нарвелась досыта, подуспокоилась, шепчет: «Я ведь его не от Палыча понесла... Никому б не сказала, а тебе скажу, у тебя от Сережи сыночек растет, ты знать должна»...

— И кто же настоящий отец моего отца?

— Воротынский... Андрей... Михайлович. Слово давала Евдокии Меркурьевне, пока жива, никому этой тайны не открывать. Да теперь уж, видать, пора...

2

Агния Алексеевна таяла на глазах. Глеб с Сашкой выглядели тоже не лучшим образом, осунулись, почернели. Сашка из экономии времени перестал бриться и, по мере роста бороды, становился все больше похож на Глеба. Искорин, нервничая в Москве, названивал через день, настаивал на приезде с рукописью, пусть даже и незаконченной. Один раз Глеб сорвался и наорал на издателя:

— Витька! Я же ее живую не закопаю!?

Агния Алексеевна умерла в пять утра седьмого июня, в Петров пост.

Похоронили ее в той же оградке, где покоились Ерофей Павлович, Евдокия Меркурьевна и Ефросинья Павловна, под тремя березами, растущими из одного комля. Глебу подумалось, что места в оградке хватит и на него.

Поминки устроили в поселковой «чайной». Глеб ходил от столов на кухню, из кухни к столам, но все было предусмотрено Сашкой и его афганцами, и ничего не оставалось, как сесть за стол самому. Он сел к старым ветеранам-фронтовикам. Пил не закусывая, не пьянел. Сидел с неподвижным лицом, в груди не проходило ощущение тупой давящей тесноты. Заставлял себя слушать и понимать, что ему говорят и о чем спрашивают.

— ...Святая женщина была Алексеевна, — вздыхал старичок в очках; синяя изолента скрепляла седло оправы. — Хотя время выбрала неудачное, двадцать семь в тени.

— Вот теперь ты живешь в Москве, — заговорил еще один, смутно знакомый Глебу. Над карманом тенниски

висела военная юбилейная медаль. — Скажи, будет край этому бардаку в верхах?

— Все кончается. Рано или поздно.

— Во-во! Одна дурь кончится и начнется новая! Ишо лучше!

Разговор оживился.

— А весь раздор идет из-за престолонаследия. Мишка вдруг заявляют: хочу быть царем-президентом всея Руси. Когда, грит, в Свердловске царску семью расстреливали, царь Николай на стене знак оставил: в таком-де году к власти придет пока ишо не рожденный раб божий Михаил и будет помечен специальным тавром на лбу. Борька, как про то услыхал, дом этот со всемя знаками взял и снес. И очень просто, сел на бульдозер, разогнался и готово дело, сровнял, собака, заподлицо. Теперь сколь Мишка ни прыгай, а царско-го подтвержденья нету. И хрен чё докажешь!..

— А слышь, Сергеич, — ткнул старичок с медалью Глеба указательным пальцем. — Меня узнаешь аль нет? Ты у меня в какое-то лето молотобойцем робил.

— Кажется, узнаю, — улыбнулся Глеб. — Вы дядя Леша?

Старичок польщенно ощерил стальные зубы:

— Молодец, память ишо не пропил, как некоторые... Я ведь чё, я хотел мастера из тебя сделать, гонял нещадно, а ты вон чё, совсем по другой части определился. А чё в ней хорошего? Бумагу зазря изводишь, нервы треплешь себе и людям. На что бы лучше-то у наковальни...

Глеб его перебил:

— Дядя Леша, вы ведь коренной юрашинец?

— В одном году с дедком твоим, с Палычем, поселился.

— А помнишь, жил в Ёлочках инвалид убогий, звали его Немко?

— Почто не помнить. Высокий такой, нос с горбинкой, примерно как у тебя. Но салазки, по-научному челюсть нижняя, искалечены были жутко, он эту жуть бородой скрывал.

— Куда он делся, не знаете?

— Дак помер, поди.

— А где похоронен?

— Где не скажу. Знаю, что уехал вроде куда-то. И пропал.

— Я его в Кургане видел, — вступил в разговор старичок в очках с изолентой. — Еще в живность Сталина, году в пятьдесят втором, что ли... Загадочный был человек! Чё у него не спросишь, все пык да мык. Немтырь, одним словом. А там, дело на вокзале было, ведут его двое в шляпах, а он лопочет себе под нос, вроде как молится... Сколько лет прошло, а картину эту наизусть помню. Видать, сектант был запрещенный или еще что. На уголовника нисколько не нашибал.

— На уголовника не нашибал, — подтвердили собеседники единодушно. — Опять же, если сектант, где его секта? Жил в лесу, молился колесу.

— Значит, арестовали... — проговорил Глеб.

— Плевое дело, тогда это ничего не стоило. Схватят, увезут, и поминай как звали.

Прозвучала еще одна версия:

— Я так смекаю, ребята, был он сильно божественный. Почитай, святой. Взял закай молчать и молчал всю жизнь.

— А почто же заговорил, когда органы загребли?

— Дак он ведь не заговорил, он молился, Федя. Молиться — с Богом разговаривать. Это он с людьми, видать, молчал.

— А еще что-нибудь можете о нем сказать? — спросил Глеб, вставая: Сашка призывно махал ему от своего стола.

— Да только одно, — ответили старики, — хороший был человек. Плохого ни замшто ни прошто не арестуют...

— Бать, посиди с нами, — сказал Сашка. — А то смотрим, деды тебя зажали со всех сторон. Расслабься.

Глеб сел к нему и его товарищам по Афгану:

— Спасибо, парни. Ну что, помянем?

— Помянем. Царство небесное, вечный покой, — дружно пожелали парни. И так же дружно, как по команде, выпили.

— Она хорошо умерла, — выдохнув, сказал Сашка, — на обретенье главы крестителя Господня, Иоанна Предтечи.

— Ты, сын, как священник заговорил.

— Так ведь он в семинарию собрался, Глеб Сергеич, — выдал Сашкин секрет Иван. — Учиться на попа хочет.

— Ты это всерьез, сынок?!

— Да, батя.

Глеб заглянул в глаза:

— А кровь на твоих руках?

— Я ее своей кровью смыл.

3

Вернувшись с поминок, Глеб обнаружил в почтовом ящике письмо от Нины Васильевны, старинной подруги матери.

«Уважаемый Глеб Сергеевич, простите, что не смогла приехать на похороны, замучил радикулит, еле по дому ползаю. С вашей матушкой мы учились в пединституте и с той поры поддерживали дружеские отношения. Учились в тяжелые военные годы. Агния Алексеевна была немного постарше нас, а уже вдова. Говорила: мне, девчонки, очень учиться надо, ставить сына на ноги, стариков тянуть, они у меня старенькие. Мы думали, что она о родителях так печется, а уж потом узнали, что о свекрови со свекром. Очень их уважала. Мо-

жет, потому и замуж при них не вышла, а после уж поздно было... Жилось нам трудно. Стояли на частной квартире, четверо человека в комнате: Агуша, Тоня из Троицка и мы, две сестры курганские. Квартира была холодная, без удобств. Питались в институтской столовке один раз в день. Сдавали туда хлебные и продуктовые карточки, а потом каждая группа ходила в свои часы: в двенадцать, в час, в два и т.д. Сидим в столовой, ждем, когда суп принесут, тогда официантки разносили, а хлеб — 500 граммов — все убывает и убывает. Сами не замечая, отщипываем по крошечке и в рот. Остается граммов 100, 150, их уже ели с супом. А суп был кулеш жиденский, правда, каждому в тарелку чайную ложку масла плескали постного. Съедали этот кулеш и — до завтрашнего обеда.

...Еще помню День Победы. Мы уже в общежитии жили, впятером, Нюся еще была с нами, шадринская. Утром рано кто-то бежит по коридору и кричит: «Победа!» Мы повскакали с коек, ревим, нарадоваться не можем. Агуша покопалась в тумбочке, достала флакончик с медицинским спиртом, долила воды и говорит: давайте рюмки! Рюмок, конечно, не было. Взяли ложки, встали вокруг нее. Налилось как раз пять ложек. Выпили и захмелели, и плакали в один голос...»

Глава двадцать седьмая

1

Сашка оставался на какое-то время в Юрашах, надо было до отъезда на экзамены в семинарию что-то решить с домом, Глеб ехал в Москву, в полную неизвестность.

Он стоял у окна в вагоне, прощался взглядом с родным поселком. Нахлынули детские воспоминания. Любимым развлечением у его сверстников был печь картошку в горячих отвалах шлака. Горные хребты перегоревшего и остывающего угля тянулись вдоль железнодорожного полотна на добрые сотни метров. Позднее, в вводем электротяги, шлак пустили на кирпичи, и теперь ничто уж не напоминало о дымящихся углем и серой гигантских кучах. Теми же запахами натягивало сейчас из вагонной печки — проводница раскочегаривала титан.

Перед глазами проплывала старинная юрашинская водокачка. На круглой ее стене еще угадывались следы от пуль — память о случившейся здесь боевой схватке. По легенде, красные партизаны, вооруженные ружьями и гранатами, засели в верхнем ярусе водокачки. Когда бронепоезд «Свѣ. Георгій» поравнялся с нею, открыли беспорядочную стрельбу. Кто-то сумел забросить гранату в бойницу блиндированного ваго-

на. Бронепоезд, скрежеща колесами, остановился и в упор расстрелял засаду.

Проснулся Глеб поздним утром, голова была свежей, ясной, перед глазами отчетливо, как живые, стояли дорогие его сердцу люди. Конечно же, ключ к событиям тех далеких лет — это ранение Воротынского...

Так! Ранило его на окраине Юрашей. Осколок гранаты угодила в челюсть, изуродовав лицо и лишив речи. Доктор сказал, что с таким ранением жить полковнику осталось не больше часа...

А что ж Натали? Закрыть глаза любимому ей не дали, высадили в степи, в безопасном месте. Ерофей повел ее на восток, к белым. Добирались лесами, болотами; отошали, оборвались, как нищие. Пришел капут его диковинным сапогам.

После долгих блужданий и недолгого плена у партизан они снова выбрались на «железку». Подобрала их Дуня-путеобходчица, бездетная молоденькая солдатка. В ее путевой избушке Натали разродилась мальчиком. Имя дали Сергей — в память о Дунином убиенном на фронте муже. Настояла, да они и не возражали.

На разъезде прожили всего ничего. Как будто злой рок преследовал — Дуня свалилась с тифом. До поры до времени заболевание тлело скрытно, и вдруг полыхнуло жаром — бедная женщина вся пылала.

Когда проступили другие признаки, прогнала постояльцев. Была при этом то ли в бреду, то ли не в своем в разуме:

— Уходите... от греха... неровен час... сыночек мой Сереженька, заразится...

Долго ль голому собраться — только подпоясаться. Спеленали ребенка, подпоясались и пошли. Уже за порогом их догнал Дунин хрипящий голос:

— Наташка, возьми паспорт мой... Коли помру, без бумаг зарюют... А тебе надо...

Так Натали стала Евдокией Меркурьевной Карташовой.

Опять началась череда скитаний.

Вдосталь намыкавшиеся, с младенцем на руках, Натали и Ерофей вновь оказались на станции Юраши. Натали тянуло сюда неодолимо, втайне она надеялась, что Андрей поправился и теперь непременно ищет ее. А чтобы нашел, надо быть непременно там, где развела судьба.

Ерофей был уверен, что князь погиб, не верить врачу не было оснований.

Но врач ошибся. В Омске, провалявшись год на больничной койке, Воротынский заставил себя встать на ноги и тихой апрельской ночью покинул госпиталь. Ушел в никуда — еле живой, одинокий, проигравший свою войну...

Всюду уже была власть Советов, но никто теперь не признал бы в безобразном седом калеке белого офицера. В конце долгих поисков ему удалось выйти на след Ерофея и Натали. Стал жить подле них — неузнанно, не привлекая к себе внимания, и так проходили годы...

Натали коротала век хоть с крохотной, но надеждой. Мечта о встрече с любимым долгие годы теплилась в ее сердце, пока не угасла, перегорев и смешавшись с тленом ушедших лет. Она родила Ерофею двух сыновей и дочь и умерла, когда подрастали внуки.

У Воротынского не было ничего — ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Натали, его Натали, жила поблизости, всего в получасе ходьбы от его избышки, но была недоступна, недосыгаема, как за тремя морями. В этом враждебном мире им правили два инстинкта, один был: надо, другой: нельзя. Безусловно, надо было работать, и он работал, и был безотказен, когда звали вскапывать огород или пилить дрова. В снежные зимы убирал снег. Платили скудно, но он и тому был рад, а если еще покормят да поднесут стопочку, то и вовсе.

Нельзя было попадаться на глаза Ерофею и Натали, он и не попадался.

Иногда ясное сознание возвращалось к нему, и тогда накатывала тоска: жизнь уходит, надо что-то менять, что-то предпринимать, надо, надо, незамедлительно! Но что он мог в положении немого, бесправного, ни на что не годного инвалида...

2

Жарким июльским полднем на площади трех вокзалов Глеб размышлял, куда ему бросить бранные кости. Ехать к Филиппии не хотелось, хорошо помнил ее прощальную многообещающую записку. Девушка она, спору нет, красивая. И что приходится ему сестрой троюродной, не препятствие. Но вступать с нею в близкие отношения... пронеси Господи и помилуй. Во-первых, он вообще не собирался соединять жизнь с кем-либо, по крайней мере, пока не закончит книгу. Во-вторых, Филиппия стала подозрительно напоминать Валерию, а второй раз наступать на одни и те же грабли непозволительная роскошь в его-то годы. Однако появиться в Салтыковке было необходимо — хотя бы забрать пожитки.

Взвесил все и отложил до времени. Скрепя сердце, позвонил Зыскину.

Голос Доди был полон жизни:

— Алё! Кто это? Елахов?

— Я, Додик, привет! Какие новости?
— Прекрасные, Ньюмба ко мне вернулся!!!
— Поздравляю, — пробурчал Глеб и хотел уже дать отбой, но Доля опередил вопросом:
— Эй, ты собираешься забирать книжки?
— А что, мешают?
— Мне — нет.
— Так в чем вопрос?
— Да божжи тырят! Встретил одного с твоей книжкой у метро «Марксистская». Торговал, воруга.
— Да пусть тырят, — усмехнулся Глеб, от меня не убудет.
— Тогда пока!
— Пока, Додиан. Счастья в семейной жизни.
Поколебавшись, Глеб набрал домашний номер Искорина.
— Кто его спрашивает? — услышал он настороженный женский голос.
— Автор.
— Какой еще автор?
— Елахов моя фамилия.
— Не проживает здесь ваш Искорин!
— А что случилось?
— Это вы у него спросите!
В слове «спросите» женщина сделала ударение на первом слоге, но могла бы и на втором, смысл не изменился бы.
— Где его можно найти?
— Или в офисе... или под забором.
— Да что происходит? Может, все-таки объясните?
В ответ раздались гудки.
Первая заповедь бездомного литератора: если не знаешь, куда пойти, иди в клуб. Он отправился в ЦДЛ.
Гардероб не работал, Пестрый зал тоже, — Глеб спустился с вещами в нижний буфет. Тут было прохладно, сумрачно и пустынно, лишь за одним из столиков горбился над стаканом старик Юнковский.
— Садись, — пригласил он буднично, словно бы только вчера расстались. — Ты просто так зашел или на юбилей?
— Здравствуйте, Михал Владимырьч! Да я, собственно... — Глеб поставил чемодан и сел, отдуваясь. — А что за юбилей? У кого?
— У меня. Шестьдесят лет половой деятельности.
— Во сколько же лет вы ее начали? — улыбнулся Глеб.
— Как все полноценные мужики, в пятнадцать.
— Гм... Я, выходит, неполноценный. Стартовал в семнадцать.
— Бывает, — посочувствовал Михаил Владимирович. — Водку будешь?

— Дело хорошее. Но рановато вроде...

— Водку пить никогда не рано. Лучше всего с утра, и ни на что уж больше не отвлекаться.

Звук «р» выговаривал он нетвердо, и Глеб понял, что собеседник сидит с утра.

Он полагал, что старик как всегда извлечет из кармана фляжку, не менее знаменитую, чем он сам. Но старик встал и прошел к стойке. Вернулся со стопкой водки; бережно, чтобы не расплескать, поставил перед Глебом.

— Михал Владимирович, зачем же, право? Я бы и сам сходил!

— У кого юбилей? У меня или у тебя?

— Сдаюсь!

— Вот то-то же.

— А где же Кира? — ухмыльнулся Глеб. — Праздник-то вроде бы как семейный?

В глазах старика пробежало облачко.

— Кира больна... — не сразу ответил он, — рак крови.

— Да вы что?! Простите, пожалуйста... И конечно, в четвертой стадии?

— На ранних не умеют определять. — Старик всхлипнул, но остался верен себе, попытался придать лицу шутовское выражение: — Так что праздную старт и финиш.

— Вы меня расстроили, Михал Владимирович...

— Пьем, не чокаясь, — скорбно сказал поэт.

Из дальнейшего его рассказа выяснилось, что врачи давно подозревали рак, но окончательный диагноз поставили лишь вчера. Позвонили в Дом творчества «Перedelкино», где супруги снимали номер, и потребовали явиться.

— Лежит в онкологии, на Каширке... — Чтобы перебить мрачные мысли, он тряхнул седой головой, перешел на привычный брюзгливый тон. — Обидно, путевка, блин, пропадает! Оплатил два срока, а прожил только четыре дня. Не могли, коновалы, раньше-то сообщить, вогнали в такой расход...

— Ну, от путевки вы ведь можете отказаться.

— Каким образом?

— Подайте заявление, деньги вернут.

— Это раньше так было, при советской власти. А нынче уехал и черт с тобой.

— Это еще как сказать, — возразил Глеб.

— Да не буду я такой чепухой заниматься! Тьфу на эти путевки.

— Понимаю...

Глеб принес еще водки и бутербродов, и старика осенило:

— А давай-ка, мы тебя в мой номер поселим? Жить тебе негде, а там кум королю! Опять же уникальная геофизическая природа.

— Да неудобно как-то, — заколебался Глеб.

— Еще как удобно! — Старик вытащил из кармана пиджака изрядно потрепанный, с остатками золотых букв блокнот, полистал в поисках пустой странички. Нашел, стал старательно заполнять. — Держи! Предъявишь администрации.

Под типографским именованным титулом депутата Верховного Совета РСФСР, лауреата Государственной премии, члена Союза писателей СССР враскоряку бежали строчки:

Мандат.

Подателя сего Елахова Глеба Сергеевича считать Юнковским Михаилом Владимировичем на время отсутствия такового. Примечание: с обязательным проживанием в новом корпусе, № 102. Место в столовой № 9.

К сему: Мих. Юнковский.

— Хорошо бы заверить подпись, — заметил Глеб.

Поскольку никого с печатью в клубе не оказалось, скрепили и утвердили отдельным тостом.

В самую эту минуту в буфет заглянула дежурная:

— Елахов здесь? К телефону! Главный пост, красный аппарат.

Глеб, до крайности удивленный, поднялся в холл, взял трубку. Абонент, не назвавшись, настоятельно рекомендовал ему оставить работу над книгой о Николае II.

— Шутка дурацкая, — сказал он.

— А мы не шутим.

— Да пошли вы...

— Куда? — вкрадчиво справился аноним.

Глеб оглянулся, на всякий случай прикрыл рот ладонью и сообщил лаконичный адрес. За стол он вернулся взъерошенный, но довольный. Рассказал о звонке.

Старик встревожился:

— Мне кажется, кто-то очень не хочет, чтобы ты разрабатывал эту жилу...

— А нам, старателям, наплевать! — сказал бесшабашно Глеб.

Мэтр подкорректировал:

— Не старателям, а рудокопам. Старатели моют, а жилу роют. И что характерно, по диким степям Забайкалья.

По причине каникул буфет работал лишь до шести, и друзья, наступив на горло собственной песне, покинули помещение и отправились на угол Воровского и Кольца — ловить такси.

Машина для Юнковского словно бы уже ожидала их. Глеб усадил поэта. Напутствовал на прощанье:

— Вы уж держитесь, Михал Владимирович, врачи могут и ошибаться...

— Э-э, Глебушка... — Старик безнадежно махнул рукой.

Как только такси отъехало, место тотчас занял черный брудастый джип. Хромированная труба бампера оттопыривалась, как губа бульдога. Из салона вышли трое в спортивных болониевых костюмах, коротко стриженные, загорелые. Близнецы-тройняшки, мельком подумал Глеб и направил стопы к водителю: чем черт не шутит, авось отвезет на Киевский?

Мечты сбываются, но оказывается, не всегда. Один из троицы заступил дорогу:

— Елахов? Писатель?

— Я... — недоуменно подтвердил Глеб.

— Какая приятная встреча!

— Извините, автографов не даю. Интервью тоже.

Двое других заржали:

— Мы их сами кому хошь дадим!

Жара на улице уже спала, но солнце еще слепило, и Глеб, прикрывая глаза ладонью, пропустил удар. Ко второму сумел сгруппироваться и встретил в боевой стойке. Но как бы успешно ни уворачивался от мелькающих кулаков, перевес был на стороне противника, — и числом, и молодостью, и коварством. Пока он отмахивался от двоих, третий, оказавшийся за спиной, огрел его чем-то тяжелым по голове.

Очнувшись, Глеб обнаружил себя сидящим на корточках под стеной углового здания.

Голова трещала неимоверно. Потрогал ее и увидел на пальцах кровь. Струдом он поднялся на ноги, произвел инвентаризацию. Слава Богу, чемодан с машинкой и рукописью стоял на месте, сумка валялась рядом. Чуть подальше он увидел орудие нападения — обрезок трубы, обернутый «Комсомольской правдой». Ага, подумал он, встреча газеты с читателями состоялась...

По Кольцу с ревом и чадом пролетали автобусы, машины частные и служебные, в основном отечественного производства. Наконец один зачуханный «жигуленок» подвильнул к стоянке.

— Куда тебе?

— До Киевского!

— Садись!

До вокзала домчались мигом.

В вагоне электрички, следующей через станцию Переделкино, знакомых, по счастью, не было, а незнакомые, завидев кровь на его рубашке, опасливо сторонились. Ехал в полной изоляции, но зато сидя.

От станции Глеб пошел своим ходом, автобуса ждать не стал. Шел по тропинке, что вилась вдоль железнодорожного полотна, и уже миновал горбатенький мостик, когда землю, точно ладо-нюю, накрыла мгла. Все живое замерло, затаилось. Вдруг немо сверкнула молния, прогрехотал гром и хлынул обильный ливень.

Спрятаться было негде, — в Дом творчества он заявился вымокший до последней нитки. Зато промыло рану на голове, оставалось лишь правильно зачесать волосы. Что он и сделал. Во всякой неприятности есть и хорошие стороны, рассудил он. Как поет польская певица с немецкой фамили-ей, надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получить!..

Дежурила старушка Осиповна, знакомая по прежним его проживаниям в Доме творчества.

— Ну, делапу-ут, — протянула она неопределенно, дочитав мандат.

— Вы хотели сказать депутат? — Глеб решил, что старушка оговорила.

— Это он раньше был депутат, а теперь делапут и пьяница.

— Значит, — упал духом Глеб, — если я правильно понял...

От ворот поворот?

— Ой, да какая мне разница! Ты ли, Юнковский ли... Не до вас сейчас.

— А в чем дело, Осиповна? Ежели не секрет?

— Да тут такое творится... Какой-то новый Литфонд вы-лупился, тянет все на себя. Старый не поддается. И те, и эти трясут коллектив, как грушу. Чем эта свара кончится, неиз-вестно. В общем так, бери ключ и живи себе на здоровье.

— Спасибо, Осиповна! — Он потряс запиской. — А это-то куда?

— На стенку повесь. Да иди уж, сохни. Как бы простуду не подхватил...

Утром она позвала его к телефону.

Глеб взял трубку. Узнал вчерашний телефонный голос:

— Господин писатель? Головка не бо-бо? Будешь слушаться добрых советов, вчерашнее не повторится...

— Адрес я вам вчера назвал, — сквозь зубы процедил он. — Вот туда и спешите!

И выругался вполголоса, но с большим чувством.

3

Поселившись в номере, он навел порядок по своему вкусу. Письменный стол сдвинул ближе к окну, кровать переставил в угол. Кресло опять оказалось низким — пришлось, как в Ялте, надставлять ножки пробками от шампанского.

Верительную грамоту Михаила Владимировича он приколол на видном месте. Помозговав, вырезал паспарту (сгоди-лась обложка журнала «Юность») и поместил документ в него. Получилось на загляденье. Теперь можно было братья и за роман. Он и взялся, но тут позвонил кинодраматург Шавко с неожиданным предложением инсценировать его роман о последнем царе Романове.

— Простите, — насторожился Глеб. — Мы знакомы?

— Н-нет...

— Откуда же вам известно, над чем я работаю?

— От Цвиллинга, Арона Гершевича.

— А с моим издателем вы связывались?

— С Искориным?

— Да, с Виктором Дмитриевичем.

— Увы, нет. Арон говорит, у него какие-то заморочки. То ли прогорел, то ли продал издательство.

Глеб молчал, обдумывая услышанное. Связав себе руки издательским договором, он не имел ни времени, ни возможности заняться какой-либо боковой деятельностью и зарабатывать на хлеб насущный. Деньги таяли катастрофически, а тут какие-то замаячили, хотя бы и как аванс. Упускать их было бы неразумно. До скрипа в зубах, однако, не хотелось показывать незаконченную работу. А ничего не поделаешь, милый друг, подумал он о себе с ехидцей, впереди костлявая рука голода... Представил себе эту руку с черными обломанными ногтями, с бухенвальдским номером на запястье, и поежился.

— ...Мы с Ароном соседи, живем на одной площадке.

Глеб продолжал молчать.

— И, знаете, дружим семьями! — Шавко привел последнее, самое веское подтверждение близкого знакомства с Ароном Цвиллингом: — Он часто одалживается у меня... по мелочи.

— Ну и как он, пьет? — оторвался Глеб от своих меркантильных соображений.

— Вообще-то он собирается на пээмже в Израиль.

— Куда-куда?

— На историческую родину.

— Значит, пьет!

Пьющий наперекор судьбе коммунист-ленинец вызывал симпатию. Она простерлась и на Шавко.

— ...Ну, хорошо, думаю, мы договоримся. Но роман еще не закончен, — предупредил Глеб. — Вас это не останавливает?

— Меня вполне устроит синопсис недостающих глав. Когда я могу подъехать?

— Когда угодно. В первой половине дня я работаю. Впрочем, во второй тоже.

— Хорошо, я подъеду в третьей.

Глеб невольно улыбнулся:

— Добро пожаловать.

Шавко приехал на другой день.

— А вот и я! — объявился он на пороге. — Здравствуйте!

— Здравствуйте... — проговорил Глеб. — Вот вы какой, м-м...

— Какой? — Сценарист кокетливо склонил голову.

Глеб затруднился с ответом. Странные вещи происходили с ним в Доме творчества. В чьем бы обществе он ни находился, внимание его ни с того ни с сего вдруг рассеивалось, и перед глазами осязаемо, как живые, вставали портреты тех, о ком он сосредоточенно размышлял. Вот и сейчас гладкое лицо гостя неожиданно обросло усиками и бородкой, волосы на голове отъехали на затылок, уступая место обширной лысине. В довершение образа глаза полыхнули желтым. Глеб чуть было не отшатнулся: вот только вождя тут неоставало, свят, свят... проморгавшись, увидел, как у гостя округлились и без того выпуклые глаза, нос вздернулся и выдвинул пяточок с ноздрями. Волосы же, вернувшиеся на лоб, взвихрились коком. Новое обличье пришлось ему в аккурат, получился вылитый Петрушка Шмаков. Ну, этот куда ни шло, подумалось с облегчением, даже вон фамилиями созвучны...

— Вы мне напомнили одного... знакомого.

— Знаете, я бы сразу хотел приступить к делу, — заявил Шавко.

— Тогда садитесь за стол, пожалуйста. — Глеб положил перед гостем картонную папку с рукописью, развязал тесемки. — Здесь не хватает нескольких глав. Не написаны сцены вывоза царских детей из Тобольска и воссоединения семьи в Екатеринбурге. Нет и финальной части романа...

Гость с воодушевлением перебил:

— Не страшно! Доскажете своими словами!

Глеб кивнул, оценив шутку.

— Если потребуется синопсис, — сказал он веселому драмателю, — его напишу при вас. И прошу никаких пометок, чтобы мне после не перебеливать. Будут вопросы и замечания, выписывайте на отдельный листок. Бумага вот, на столе. Да, еще. Там в папке есть наброски о людях, так или иначе связанных с семьей Романовых. Их читать необязательно.

— Договорились! — сказал Шавко.

Усадив сценариста, Глеб ушел во двор. Ночью опять был ливень, и на асфальтированные дорожки повылазили дождевые черви. За их спасение он и взялся, — бережно подни-

мал с асфальта и переносил на открытый грунт. Филиппия бы мой гордилась, подумал он. Червяков оказалась масса, и он настолько увлекся своим благородным делом, что пропустил обед. А к ужину гость дочитал рукопись, — пришлось пропустить и ужин.

— Знаете, — сказал киносценарист, — как ни странно, меня захватила не столько царская семья, сколько одна ваша героиня, Натали Угарова. Любопытно, что всякий раз, появляясь в тексте, она иная! Как будто совсем другой человек! И вместе с тем натура цельная, прожившая столько жизней! Знаете, как мы назовем наш фильм? Н а т а л и!

— Нужно подумать.

— И думать нечего! А лейтмотивом положим французский романс «Ностальжи»! Помните, там шансонье поет: «Натали, Натали, я потерял тебя в бескрайних русских снегах...» Примерно так. А припев на мелодию «Очи черные»!

— Знаете, не будем загадывать! — улыбнулся Глеб. — Это уж как режиссер решит.

— Да, вы правы... — Гость увял, засобиравшись на электричку.

Перед уходом он опять восхищался материалом, тряс руку. В глаза, однако же, не смотрел, — Глеб зафиксировал это крайем сознания.

Перелистывая рукопись, он обнаружил, что Шавко, конечно же, влез в наброски. Просмотрел их с точки зрения сценариста и не понял, зачем тому понадобились эти не прописанные до конца сцены. Одна была объяснением Ерофея и Натали, — с младенцем Сергеем они только-только поселились на станции Юраши. Сцена кончалась постелью. Несмотря на физическую близость, Ерофей понимал, что сердце Натали принадлежит другому, и этот другой был князь Воротынский. Глеб не включил эту сцену в текст, но и не выбросил, сохранил. Интуиция подсказывала, что без нее история совместной жизни Ерофея и Натали будет выглядеть слишком куце. По инерции он перечитал набросок, машинально внес кое-какую правку и вложил на место. Клубнички, что ли, ему захотелось, с недоумением подумал он о Шавко.

Человек этот исчез бесследно. Когда через несколько дней Глеб сам решил ему позвонить, оказалось, номер не существует, о чем извещал механический телефонный голос. Он отнес исчезновение несостоявшегося соавтора к гримасам времени, не ведая, что гипотетический киносценарий — только предлог получить доступ к рукописи романа, узнать, до чего докопался автор в своем дознании.

Он и представить себе не мог, что Шавко приезжал отнюдь не ради сценария. Цель у него была иная: выяснить, верно

ли, что Глеб Елахов внук Великой княжны Анастасии, то есть правнук императора Николая II? Другими словами, является ли Глеб Елахов наследником романовских вкладов за рубежом?

Кто-то еще надеялся завладеть царскими депозитами; по распространенному заблуждению, они представляли собой громадные суммы франков, дойчмарок и фунтов стерлингов, не говоря о долларах США. Из рукописи и набросков к роману явствовало, что Елахов всего лишь потомок царского офицера и, стало быть, не наследник, не соперник, не конкурент. Этот установленный сценаристом факт и отвел от него беду.

Деньги у Глеба появились через неделю. Привез абитуриент Московской духовной семинарии Елахов Александр Глебович, сумевший продать юрашинский дом за миллион двести тысяч обесцененных, девальвированных рублей.

— Мне они не нужны, — объявил он, опрастывая рюкзак, — а тебе, может, хватит, пока не закончишь книгу. Я буду на всем готовом. Если поступлю, конечно. Надеюсь, на армейские привилегии.

— Ну, спасибо... — растроганно сказал Глеб.

Конечно, вряд ли всех этих денег хватит на целый год, цены росли с пугающей быстротой. Но ему нужен был именно еще год, чтобы довести рукопись до ума. Один год жизни без суеты, без заботы о куске хлеба. Он был благодарен Сашке. Только бы его приняли в семинарию. Не то и вправду уйдет в монастырь, как заявил давеча...

Сын делился переживаниями:

— За церковное пение я спокоен, спою на пять. За русский язык тоже — наследственное от тебя. А вот экзамен по основам веры, увы и ах...

— А что еще?

— Еще церковная история и церковно-славянский язык.

— По церковной истории я тебе что-нибудь накопаю, — сказал Глеб, — а вот с церковно-славянским дело обстоит хуже. У нас в институте его не преподавали.

— Жалко. Я в нем не очень, — огорчился Сашка. — Ладно, авось сдам как-нибудь с Божьей помощью. Будем надеяться и уповать.

Время было обеденное, и Глеб повел его на обед.

За столом посадочное место № 11 оказалось свободным, — критик Лев Гушин с утра укатил в Москву.

— Глеб Сергеевич, — сказала его супруга, — пусть ваш гость сядет сюда, на Левушкин стул. Смелее, молодой человек!

— Меня зовут Александр, — представился молодой человек.

— Очень рада. А я Вера Гушина. Можно просто Никитична.

— Весьма польщен, — галантно ответил Сашка.

Дама фыркнула, перевела взгляд на Глеба, затем опять на него:

— Ну, просто одно лицо! Вы, должно быть, родственники?

— Александр мой сын, — не без тщеславия отвечал Глеб.

— Для такого взрослого сына вы неправдоподобно молоды, Глеб Сергеевич!

— Диета, — со значением сказал он.

Обед протекал, что называется, в теплой дружеской обстановке. Веру Никитичну живо интересовали Сашкины перспективы. К концу застолья она, как сценарист по древнерусской литературе, вызвалась натаскать его в церковнославянском языке. Глеб обещал полагающиеся бурсаку черный китель и черные же штаны.

— Ну вот, — подвел итоги абитуриент, — осталось всего ничего, только сбрить бороду и усы.

Вера Никитична удивилась:

— А этого тоже устав требует?

— Никакой растительности на лице, — подтвердил Сашка.

— И бровей? — уточнил отец.

— И ресниц, — невозмутимо ответил сын.

— Ужас какой... — содрогнулась Вера Никитична.

К ее большому неудовольствию Сашка сбрил растительность в тот же день. Обращаясь к нему за ужином, Вера Никитична избегала смотреть на него неприлично обнажившееся лицо.

4

В который без счету раз Глеб позвонил Искорину. О, радость, Виктор Дмитриевич оказался в офисе. Впрочем, это был уже не его офис, — и зашел он туда по какой-то сторонней надобности.

Связь была отвратительная, Глеб предложил встретиться.

— Давай в ЦДЛ? — прокричал он в трубку.

— Давай... — отозвался тот после недолгого размышления.

Собственно, они хотели посидеть в прохладе и тишине писательского буфета, а очутились, по выражению Искорина, на толкучке. Народу набилось много, — демократы учреждали новое сепаратное объединение. Пришли, однако, и представители других течений. Водораздел проходил у окна раздачи. В правом рукаве очереди толпились сепаратисты, в левом — их политические противники. Барменша обслуживала вперемешку и тех и этих.

— Господа! Прошу всех в Малый зал! — раздался зычный призыв дамы-распорядительницы. — Время дорого, оплачено только до трех часов.

— Пойдем посмотрим? — предложил Глеб.

— А что я там не видал? — возразил Искорин, однако же уступил. Снова он был раздражен, неряшлив. Стрелок на брюках больше не существовало, рубашка — явно не первой свежести.

— Интересно взглянуть на это новое кожное образование, — сказал Глеб. — В Москве до сего дня существовали два союза: Союз писателей России и Союз российских писателей...

— А не один ли хрен?

Глеб ответил фразой из анекдота:

— Вот и я примерно то же самое учительнице сказал, а она отправила за родителями.

— Ты-то в каком числишься?

— Убей Бог, не знаю.

— Но членские взносы куда-то вносишь?

— Давно уже не вношу.

Они вошли в зал последними, встали между портьерами у входных дверей. Все места были заняты, участники и их незванные, нежелательные соглядатаи невольно перемешались и теперь одинаково бликовали лысынами.

— Virtuozы подтекста! Эзопы... — шипел Искорин. — Цензуры нет, и писать сразу стало не о чем. Создают себе фонды, биржи, ассоциации, заседают...

Председательствующий встал за столом президиума, зачитал повестку дня: выборы руководства, утверждение названия и устава.

Руководящий орган привычно выбрали и привычно назвали секретариатом, затем приступили к главному — к названию нового объединения. Какой-то мухомор весь в старческой пигментации предложил назвать Обществом независимых литераторов, сокращенно ОНЛ.

— Кто за данное предложение? Прошу голосовать!

С места выкрикнули с сарказмом:

— Лучше НЛО!

— Будьте проще: НЛ! Незвестные литераторы!

Глумление продолжил еще один из незванных:

— А лучше всего подойдет ННЛ! Незвестные неопознанные литераторы!

Председатель переждал шум, сделал соответствующее лицо.

— Попрошу покинуть зал всех икономыслящих. Извините, оговорился. Всех инакомыслящих!

— А ведь он не оговорился! — вскричал один из оппозиционеров. — Но если и так, то это оговорка по Фрейду!

— Мужики! — воззвал другой возмущенный голос. — Идем прочь с этого шабаша! Тут всё провоняло серой!

Началось брожение с исходом икономыслящих.

На лестнице между буфетом и туалетом Глеба остановил благоухающий парфюмом и коньяком прозаик Рудольф Пыляев:

— Глеб, ты-то каким ветром тут?

— Да вот, сквозняком втянуло, — ответил Глеб. — А ты почему не в зале?

— Я, брат, создаю свой союз. Альтернативный. Что мне эти старперы! Пойдешь ко мне?

— Нет, — честно ответил Глеб.

— Почему?

— Орлы стаями не летают.

Пыляев захохотал:

— Обязательно где-нибудь использую!

И отошел, призывно помахав кому-то рукой.

— Это кто? — хмуро поинтересовался Искорин.

— Это, брат, автор романа «Криминальное шоу».

— Пыляев?! О, познакомь!

— Рудик! — окликнул коллегу Глеб, — можно тебя на минутку?

— Взаймы не даю, — с ходу предупредил тот.

— Да я и не прошу, сам могу тебе одолжить.

— Давай, — моментально сориентировался Пыляев.

Глеб достал из кармана штанов бумажник:

— Сколько тебе?

— Пятьдесят. Сам понимаешь, штук.

— Пожалуйста, — сказал Глеб. — Пятьдесят тысяч.

— Спасибо, — сказал Пыляев. — Учти, долги я не возвращаю. Ты что хотел-то?

— Хочу представить тебе моего товарища, Виктора Дмитриевича Искорина. Он издатель.

— Да-а? Очень приятно!

— Взаимно, — сказал Искорин. — Внимательно слежу за вашим творчеством.

— Вот как? Слушаю вас, Виктор?

Искорин преобразился; важно откинул голову и смежил ресницы. Теперь он снова был успешный книгоиздатель.

— У меня к вам конкретное предложение, господин Пыляев. Хочу издать ваш новый роман.

— Даже так? Когда приносить рукопись?

— Чем скорее, тем лучше.

— Через три недели. Устраивает?

— Вполне, — удивился Искорин. — Вы, очевидно, завершаете какую-то вещь?

— Зачем, буду писать с нуля.

— Вы хотите сказать, что за двадцать один день напишете книгу?!

— И за восемь писывали! — гордо сказал Пыляев. — Я не Елахов. Мне оттачивать каждую фразу некогда.

Искорин склонил голову:

— Да вы гений...

— Что есть, то есть!

Они обменялись визитными карточками, и приятели спустились наконец в буфет.

— Я заметил, — сказал по дороге Глеб, — на твоей визитке одна строчка титула зачеркнута и что-то вписано от руки. У тебя какие-то изменения?

— Да как сказать... Пока ты торчал в Сибири, на меня наехали. Пришлось продать издательство. Принудительно-добровольно.

— Кому?

— Издательскому центру ВАК, то есть Всероссийской Ассоциации Книги. Еще расшифровывается как Всеядные Акулы Капитализма.

— А что они издают?

— Триллеры, фэнтези, любовные романы с крутым сексом. Как говорит их главный: бесцелеры.

Глеб помрачнел:

— А ездит он, часом, не на «Фольксвагене»?

— Во-во. Только он не ездит, а ездит.

— И где ж ты теперь?

— Да у них же. Менеджером по экшен-жанрам.

— Мда. Что же будет с моими Романовыми...

— Что-что... Расстреляют! Я зачем тебя торопил, бестолочь? Месяц бы еще назад сдал рукопись, я бы успел запустить ее в производство. Кстати, много еще работы?

— Примерно на год.

— Вряд ли за год что-нибудь переменится, — сказал Искорин. — Пиши в стол! Как всякий уважающий себя классик.

— Спасибо, утешил.

Бросить лишенный издательской перспективы труд и в голову не пришло. Для Елахова роман стал делом чести, Искорин понимал это как никто другой. От коньяка он расслабился, загрузил:

— Понимаешь, все больше чувствую себя нежеланным гостем! Причем в какой-то в чужой стране. Эта новая власть...

— Что происходит с твоей женой? — перебил Глеб. Не хотелось ему политики.

— Расстались. Не поверишь, последний год сам себе стирал и гладил!.. Питался черт знает чем. На меня времени у нее не стало. То шопинг, видите ли, то пирсинг..

— Таков жизнинг, Витя, — заметил Глеб.

Искорин покосился на него, но ничего не сказал. Исподняя сторона коллизии была в его внезапной любви к свояченице. В тот роковой день, когда в офис к нему ввалились суехваты во главе с неистовым Червяченко, он увидел Октябрину в новом необычайном свете и воспылал страстью.

— Где ты теперь живешь-то? — посочувствовал Глеб.

— В Салтыковке.

— У Филиппии?!

Искорин утвердительно опустил веки. Повисшая пауза вобрала в себя унижительные подробности, как Искорин оказался под открытым небом, как, отчаявшись, вспомнил про родственницу жены и умолил ее пустить к себе на постой, в комнату Глеба. В паузе подразумевалась также длительная осада, пока цитадель не пала и они ни оказались в одной постели.

— Ну, Ваше степенство, вы меня фраппировали... — вымолвил наконец Глеб. — То есть, все так далеко зашло?!

Искорин кротко потупил взор.

Глава двадцать восьмая

1

Страну сотрясала приватизация. Экономика второй по значению мировой державы свелась к лоскутку бумаги под названием *ваучер* или приватизационный чек. Номинальная стоимость его составляла десять тысяч рублей. На эти деньги, по уверениям приватизаторов, можно приобрести две «Волги». Вот только где их приобрести — умалчивалось. Доверчивые граждане металась в надежде сдать свой чек под будущие проценты и везде утыкались в глухую стенку. Кому бить челом? Всенародно избранному!

Но младореформаторы окружили президента таким неприступным валом личных связей и круговой поруки, что пробиться к нему не ангажированному человеку сделалось невозможно. Даже прилетевшее на гастроль американское черно-белое чудо-юдо Джексон не удостоился этой чести.

Где-то тайно, за спинами простодушных чекодержателей проходили аукционы, телевидение то и дело показывало счастливых, успешно вложивших ваучеры в акции процветающих предприятий.

Большинство населения отдавало куда возьмут, — каждый день на свет божий вылуплялись все новые и новые фонды, фирмы и посреднические конторы. Реально один ваучер шел за бутылку водки, и такой обмен считался более чем успешным. Однако после распития дармовой бутылки общественное раздражение не проходило, напротив, росло, набирало силы, и к середине года оформилось в два противоборствующих лагеря — правительство и парламент. Правительство гнуло свою линию на капитализацию экономики и культуры, парламент аккумулировал в своих рядах не согласных с нею. Парламент назывался Верховным Советом Российской Федерации и по определению обязан был защищать интересы электората.

С января 1992 года правительство объявило *шоковую терапию*, подсказанную американскими экономистами: другими словами, с наскоку, сабельной атакой перевести платное хозяйство страны на рыночные основы. В результате производство скатилось на уровень стран третьего мира.

Еще немного, подумал Глеб, и станем страной четвертого измерения...

И верно, экономика усохла более чем наполовину. Вклады сберегательных касс были разорены, остальное доделала стремительная инфляция. По стране побрели нищие и бездомные, покатались волны самоубийств, средняя продолжительность жизни сократилась до пятидесяти восьми лет.

Деньги обесценились, в ход пошли доллары США. Бенджамин Франклин улыбался с зеленых купюр загадочно, как Мона Лиза, с портретов других именитых американцев взидало холодное равнодушие.

Противостояние Верховного Совета и ельцинского правительства нарастало. Сами по себе, оказавшись по разные стороны демаркационной линии, они ничего друг против друга в принципе не имели. Правда, ходили слухи, что председатель ВС рассерчал на президента РФ за то, что тот не предложил ему кресло премьер-министра, предпочтя неведомого завлаба. Новый премьер-министр завлабом никогда не был, а был всего лишь сотрудником линейного журнала КПСС, то есть мелким партийным функционером, да и пост свой получил с приставкой и.о., но сути дела это уже никоим образом не меняло.

Газеты в Переделкино приходили нерегулярно, источником информации был телевизор, смотреть который по вечерам сходились все обитатели Дома творчества. Какие-то политологи, публицисты и деятели культуры как будто соревновались между собой, кто гуще измажет грязью советский

строй, а заодно и народ, просуществовавший при этом строе семьдесят с лишним лет. Под шумок подвергали ревизии и охулке вообще всю историю Российского государства.

Каждый день глядеть на эти физиономии, слушать откровенную ложь и спокойно воспринимать услышанное было невыносимо. Глеб плевался и уходил. Когда ребенок кусает грудь матери — это нормально, это режутся зубки, но когда взрослый дядя грызет грудь своей матери-страны, имевшей несчастье его родить, тогда это чудовище, нелюдь, выродок...

Книжные прилавки заполонила сексуально-криминальная беллетристика. Ярко-красочные обложки, примитивные тексты с жуткими, словно преднамеренными ошибками, нецензурная лексика, — все вызывало протест и стыд. Искусство соцреализма, подводил Глеб неутешительные итоги, строилось на конфликте прекрасного с превосходным, нынешнее — на конфликте мерзкого с омерзительным. А ведь был когда-то золотой век, был серебряный. Какой на дворе сегодня? Деревянный? Как нынешние рубли?..

2

Незаметно пришла весна и принесла новые испытания. Из Дома творчества его недвусмысленно попросили: и так зажился, будь любезен, освободи помещение для других.

Некоторое время он еще ночевал в номерах друзей, питался тем, что они приносили с обеденного стола. Наконец друзья дали понять: дальнейшее его присутствие нежелательно, к одному должна вот-вот подъехать жена, к другому редактор книги. Обращаться к третьему не насмелился.

Некое подобное унижение он пережил в юности. После семилетки поступал в техникум. Город, где находилось учебное заведение, назывался тогда Свердловском и был грязным, тесным, недружелюбным, словно бы грех царубийства все еще витал над ним. Общежитие поступающим не предоставлялось за недостатком свободных мест. У Веньки Дранкина был брат, третьекурсник Гена. Брат жил в общеаге и нелегально поселил у себя и Веньку. Глеб сбил ноги в поисках хоть какого-нибудь угла, но все было занято более удачливыми абитуриентами, приехавшими заранее. Обратился к Веньке, не сможет ли Гена приютить и его до конца экзаменов. Гена смог, тем более, что одна койка в его комнате пустовала.

На новоселье Глеб купил большую бутылку вермута. Распили, и он лег на указанную кровать, и мгновенно уснул, как умер. Ближе к полночи вернулись с танцев его комнатные соседи, и он не услышал, как они договариваются устроить себе потеху.

Староста комнаты с деланым испугом растолкал Глеба:

— Комендантский обход! Скорее прячься!

— Куда? — заметался Глеб. Порядки в общежитии были строгие, и он не хотел подводить ребят.

— Лезь под койку! — приказал староста.

Глеб забился под койку, в вековую пыль. Снаружи его за-баррикадировали коробками и каким-то хламом.

Лежал, не дыша, коменданта не было. Он опять уснул, и опять его разбудили. Кто-то принес известие, что особенно бдительно комендант шмонает как раз под койками. Лица парней выражали ужас. Кто-то сказал:

— А если спрятать его на кухне?

Глеб на цыпочках прокрался в кухню. Спрятаться там было некуда абсолютно, разве что в кухонном столе-тумбе.

— Не помещусь, — с сомнением сказал он.

Сопровождающие велели лезть:

— Хочешь, чтоб нас из общаги выперли?!

Невероятно, но в стол он втиснулся. Дверцы за ним закрыли на вертушок, а чтобы плечами не выдавил ненароком крышку, поставили сверху титан с водой. Когда он, задыхающийся, скорченный в три погибели, совсем изнемог в неудобной позе, его извлекли оттуда, с напускной таинственностью провели в туалет, и спрятали под цинковое корыто. Лежал на цементном полу, не смея пошевелиться — проклятое корыто скрежетало при малейшем телодвижении. Вдруг послышался звук, похожий на тот, какой бывает, когда пилят фанерный лист. Кто-то спросонья мочился мимо жёлоба-писсуара.

— Эй, — придушенно крикнул он. — Перестань...

Фанеру продолжали пилить. Сейчас под меня полетит, обреченно подумал он. Охватило отчаянье: да черт с ним, с этой проверкой! Не расстреляют же в конце концов? Вскочил, сбросив с себя корыто, отлетевшее с невозможным грохотом.

В туалете, в дверях, в коридоре стояли и держались за животы законные обитатели общежития. Громче всех ржали Венька и Гена Дранкины.

Ссутулившись, ни на кого не глядя, он протолкался сквозь строй придурков, вышел вон и бесцельно побрел по улице.

Поселок Химмаша спал. Лишь в некоторых окнах еще горел свет, и за столами сидели угрюмые работяги, ужинали после смены. Полуподвальные, бедно обставленные их жилища в ту ночь показались ему палатами. Особенно поражала роскошь горбатых оранжевых абажуров. Глеб шел по ночному городу и укреплялся в мысли, что жить и учиться он

здесь не будет. И вообще на кой ему это машиностроение, душа никогда не лежала к тангенсам.

Поезд, остановившийся в Юрашах, уходил из Свердловска вечером, и все оставшееся время он слонялся в центре и на Химмаше. В эти дни по решению верховной власти расконвоировали немецких военнопленных. Аккуратно одетые в непривычные глазу курточки и пилотки, они бродили по городу, как экскурсанты, шумно выражали эмоции, должно быть, радовались свободе. Глеб увязался за одной группой, ходил хвостом, пока его не отпугнул высокий костлявый немец.

— Тебе тшево, малтшик? — спросил он недружелюбно.

— Ничего... я так.

— До сфитання.

Немец ощерил зубы из нержавеющей стали, что-то сказал своим. Те настороженно оглянулись, прибавили шагу и скрылись за поворотом.

На их бывший лагерь он набрел часа через два. Лагерь представлял собою брошенную, как при паническом отступлении, территорию. Двери в бараке были сорваны или висели на одной петле, окна выбиты. На земле валялись музыкальные инструменты: пробитые ломом духовые трубы, сплюснутые губные гармошки, скрипки с подпиленными грифами и выломанными колками...

В тот летний далекий день он побывал еще и на улице Карла Либнехта, в доме, принадлежавшем некогда отставному военному инженеру, предпринимателю Николаю Николаевичу Ипатьеву. Про этот дом рассказал случайный сосед по залу ожидания, мужичок, отъезжающий на курорт. По-видимому, поезд его опаздывал, и он коротал время за разговором с любознательным пареньком. Нынче, рассказывал он Глебу, в этом доме располагается Управление культуры, охраны нет, вход свободный. А в восемнадцатом охранялся пуше глаза — самого царя стерегли...

Глеб немедленно отправился на экскурсию, благо дом находился от вокзала рукой подать.

То была, наверно, рука судьбы: свела с разговорчивым отпусником, а в доме Ипатьева — с доброжелательным местным служащим. Самое удивительное, что чиновник легко согласился стать Глебу проводником и сводил в комнату, где расстреливали царя. Показал на обведенные чьим-то карандашом кружочки, где под обоями, по его словам, сохранились следы от пуль. В подтверждение своих слов надорвал загнутый край обоев, и Глеб собственными глазами увидел исторические щербины.

В 1977 году дом снесли под предлогом уличной реконструкции. Место пустовало тринадцать лет, пока горсовет не отдал его под строительство Храма-на-Крови в честь Всех Святых, в земле российской просиявших.

3

В Москве Глеб сразу проехал до Курского, сдал поклажу в камеру-автомат и вышел к пригородным поездом. Где-то надо было пристроиться, пока не закончит книгу. Снимать хоть какое-нибудь жилье в Москве было не по карману, и он решил съездить к Искорину и Филиппии в Салтыковку. Лелеял надежду, что комнатуха его не занята, и он поживет в ней какое-то время, пока не договорится с Валерией о размене. Он был реалист и отдавал отчет себе, что быстро дело не выгорит, что Валерия будет отвергать предлагаемые варианты, игнорировать судебные заседания и решения, то есть всячески тянуть время, которого у него не было. О том, что их брак расторгнут, он узнал еще в Юрашах — Валерия оповестила о том Искорина, а Искорин сообщил ему во время очередных телефонных переговоров.

С этими невеселыми размышлениями Глеб доехал до Салтыковки.

С ними же и уехал. Комнату Филиппия, войдя во вкус, сдала еще прошлой осенью, и теперь в ней жили строители-молдаване.

Встретила его Филиппия более чем прохладно.

— Приехал... — сказала, завидев его в калитке. — Ну, привет!

Устроенная личная жизнь ей явно пошла на пользу. Теперь это была не та экзальтированная девица, с которой он расстался около года тому назад, а дама с округлыми движениями и зрелой статью.

— Вот, решил заглянуть, — сказал Глеб неуверенно.

— За архивами или просто так?

— И за ними тоже.

— Торика еще нет, на работе.

— Делает книжный бизнес?

— Бизнес у нас отняли. И вообще выдавили из издательства.

— Где ж он трудится?

— Продает газеты на станции. Не сидеть же на моей шее.

— Мда-а.

— Его тент с маркизами на южном конце платформы.

Глеб топтался на крыльце, ожидая приглашения в дом, но в дом его отчего-то не приглашали.

— Вас можно поздравить, Филя? — сказал он, помолчав. — Виктор Дмитриевич неплохая партия...

— Вы ж меня бросили...

— Не огорчайтесь. Вы ведь хотели соединить, если можно так выразиться, в нашем лице Ерофея и Натали? Так вот, представляете, они, как оказалось, соединились. И прожили вместе пятьдесят лет.

— Вот как? Это по сюжету или по жизни?

— По жизни, конечно же.

— Нам, значит, было не суждено, — заключила Филиппия, и Глеб не понял, чего в ее голосе было больше: мечты или сожаления.

Искорина он отыскал на станции. Тщательно выбритый, в наглаженных брюках и в начищенной обуви, выглядел приятель почти как прежде, в годы преуспевания. Если бы не бегающие глаза. Глаза были как у тонущего купальщика, метались словно бы от волны к волне, искали спасательный круг и не находили, и наполнялись ужасом. Его тент-раковину трепало ветром, газеты и журналы были прижаты к прилавку кусками щебня.

— Глеб... — сказал Искорин. — Как ты меня нашел?

— Нашел! Ну, здорово... Торик. — Глеб обнял его. Раньше этого он никогда не делал. Пряча под грубоватостью тона сочувствие и жалость, спросил: — Ну, как делишки?

Искорин вздернул плечо, словно бы стряхнул неприятный груз.

— Может, выпьем со встречи? — несмело предложил он. — Такой повод, Филя пилить не станет... пожалуй что.

— Надеюсь, ты счастлив с ней?

— Донельзя! — вырвалось у Искорина. — По самое не могу! Поменял шило на мыло...

Глеб вздохнул:

— Что ж нам так не везет с женами?

— А! — безнадежно сказал Искорин.

Он оставил товар на соседку, торгующую бижутерией, повел к винному павильону.

Взяли водки, по бутерброду с сыром.

Искорин выпил, скривился:

— Как ее мой Ароша пьет...

— В Тель-Авиве-то?

— Нет, в Хайфе он.

— Да, не очень, поди, пьется там на жару.

Искорин прислушался к пищеводу:

— А ведь хорошо!

— А то! — сказал Глеб.

Узнав, что приятель вынужден за каждую копейку отчитываться перед супругницей, достал кошелек, выдал на личные расходы:

— Заначь. Больше не могу, извини.

— А ты как же? — замылся Искорин. Деньги, однако, взял. — Как роман-то? Конец виден?

— Виден.

— Удачи тебе, Елахов.

— Взаимно.

Простились; Глеб поехал в Москву.

Кроме Зыскина, податься было решительно некуда. В конце концов, там лежат его книжки, а значит, и сам он имеет право, пускай и зыбкое, находиться там же.

Нагруженный багажом, он доехал до станции «Серп и молот». На Таганку пошел пешком.

В зыскинском доме внимание Глеба привлек плакат:

Не курить!
Не сорить!
Не гадить!

Глеб поднялся на грузовом лифте, вышел на нежилую лестницу. На двери, ведущей в чердачные помещения, висел замок. Но где спрятан ключ, он знал.

На двери, ведущей непосредственно в мастерскую, нашел адресованную себе записку:

«Глеб, ты, возможно, придешь за книгами. Кроме двух-трех пачек, все на месте. Мы с Н. махнули в Сочи погреться на южном солнце. Будем в начале мая. Д.З.».

Глеб вздохнул, прошел в подсобное помещение.

В боксе, где были складированы его книги, на подстилке из распечатанных упаковок лежал небритый мужик в камуфляжной форме. У его изголовья оплывал воском свечной огарок, он и освещал это глухое безглазое помещение.

Мужик спал. На груди распласталась книга. Глеб присмотрелся, узнал свой изрядно потрепанный том рассказов. Почуввав постороннего, мужик проснулся, предложил с ходу, без предисловий:

— Чифиря замутим?

Глеб опешил:

— Вы, вообще-то, что здесь делаете?

— А проживаю, — отвечал неизвестный, по-видимому, тот самый бож, что, по словам Зыскина, торгует его книжками у метро.

— Ну, и как жизнь? — спросил Глеб.

— Слоями! А вы кто будете?

— Глеб Елахов. Автор книжки, которую вы читаете.

— Ну, ты скажи... — Бомж раззявил в улыбке щербатый рот. — А я все думаю, вот бы с автором покалякать! Разрешите представиться? Ким Иваныч, прапорщик по последнему образованию. Очень рад!

— Не скажу, что тоже, но тем не менее, — усмехнулся Глеб. — Так что вы про цифирь говорили-то?

Бомж вскочил, засуетился:

— Цифирь не цифирь, а крепенького сварганим!

Вскоре в литровой стеклянной банке забулькала вода, согретая устройством из двух бритвенных лезвий. Ким Иванович щедро всыпал в нее заварки, достал пачку сахара, вместо чашек выставил две не очень стерильные баночки из-под майонеза.

Так в жизни Глеба началась новая полоса. Днем он слонялся в парке, под вечер шел на чердак в общество неунывающего бомжа.

Киму Ивановичу очень нравилось имя писателя. Вворачивал где надо и где не надо. К своему же относился пренебрежительно:

— А! Совковое! Означает Коммунистический Интернационал Молодежи. Хотел поменять, да начальник части, корец, не разрешил.

Еще он любил вернуть в разговоре нелепый оборот собственного изобретения: визуально говоря. «Визуально говоря, — рассказывал он, — в четвертом классе я написал «карова» вместо «коровы». Учитель приказал написать это слово сто раз. Я написал девяносто восемь. Учитель пересчитал, взъялся: «А-а-а, так ты и считать не умеешь?! Перепиши двести десять раз!»

— А почему именно двести десять?

— А черт его знает. Самодур был. По два года в каждом классе держал. Так что образование у меня, в основном, кроссвордное.

Действительно, любой кроссворд Ким Иванович разгадывал за считанные минуты.

— ...а также, — рассказывал он охотно, — получал информацию непосредственно от людей. Один одно расскажет, другой другое, а в целом складывается обширная панорама жизни.

Возвращаясь с дневного промысла, Ким Иванович обычно приветствовал его фразой:

— Маска, маска, я тебя знаю!

Глеб, поддерживая игру, спрашивал:

— Простите, вы не поручик Ржевский?

Однажды услышал отзыв:

— Визуально говоря, я король Таганки! Бомжуаны утром короновали. Знаки отличия замечаешь?

Знаки были: под глазом наплывала свежая гематома.

На чердаке Ким Иванович обосновался в прошлом еще году. Сперва свил гнездо из книжек Глеба Елахова, а однажды на сон грядущий решил-таки почитать. Прочитал трижды. Отдельные места выучил наизусть.

— ... Вот ты в предисловии написал: у народа единая кровеносная система. Плохо одному, плохо всем. Но возьмем, к примеру, меня. Мне, допустим, нынче очень нехорошо. А деткам моим ништяк! Визуально говоря, процветают. Ездят на обтекаемой легковушке, квартира трехкомнатная в центре города, дача на рыбном озере...

— Это где?

— Город Вятлов, может, слышал?

— Нет. Большой город?

— Большой-ой. Не мегаполис, конечно, но и не деревушка.

— Что ж уехал-то?

— Визуально говоря, охота к перемене мест.

Но причина была самая прозаическая. На складе воинской части, где он служил, стряслась нехватка строительных материалов. А как ей не стрястись, когда начальник склада машинами вывозил? Дом себе строил, жулик... Особой вины Ким Иванович за собой не видел. Конечно, подворовывал помаленьку, не без того, как говорится, у хлебушка не без крошек. Зятёк, однако, посоветовал делать ноги, не дожидаясь конца процесса. Дочка поплакала, собрала в дорогу, зятёк посадил на поезд. И не скрывал, с какой радостью провожает.

Из областного города Ким Иванович передислоцировался в Москву. Помыкавшись по подвалам и чердакам, оброс, завшивел и органично вписался в отряд бомжей. По легенде, документы у него украли, а сам он беженец из Чечни.

Делился опытом:

— Нашему брату, Глеб, надо следить за внешностью. Возьми любого солидного человека. Хоть того же Ельцина. Личность самая статуарная, а вот окарябай ему носяру, и выйдет дурак дураком. А если вдобавок фонарь навесить, от нашего брата не отличишь, как ни всматривайся в черты лица.

Тема президента с оцарапанным носом прямиком вела на соседнюю, политическую:

— Вот же гадство какое, Глеб! Ну что ты будешь делать, отгадали народ, отчубайсили, и ведь цветут и пахнут... Нет, ты скажи, как такое мы допустили?!

Бывшего прапорщика волновало все: и курс доллара, и криминальные новости, и международная обстановка. Не выбрасывал ни одной бумажки с печатным текстом, пока не прочтет насквозь.

Приобщал и Глеба:

— О! Опять о русской идее пишут. Что хоть она такое, Глеб?

— Да то же самое, что китайская, африканская или индейская. Сохранение национальной аутентичности.

— Чего-чего?

— Культуры, языка, традиций. Видишь ли, когда нравственные табу рушатся, обязательно начинается пандемия пошлости, мракобесия и невежества...

— ...и конец народу! Визуально сказать, кирдык. Вот я давеча говорю ему: друг, я первым этот пакет накнокал, поимей совесть! А он скалится. Совесть, говорит, слово иностранное, на русский не переводится!

Удивительным образом в нем уживались алчность и бескорыстие. То готов был отдать последнее, то бился насмерть с конкурентами-побирушками. И ко всему, лицо его, продубленное зноем, стужей и московским смогом, выражало всегдашнюю готовность к сотрудничеству.

Глеб послал его на разведку: узнать, по-прежнему ли Валерия живет с грузином, или уже одна.

Когда-то давным-давно Валерия была тоненькой хрупкой девочкой. В тот злополучный день у бедняги выкрали кошелек с немалой для нее суммой — стипендией за два месяца. Стояла в стеклянном тамбуре магазина и молча роняла слезы. Худенькие плечи вздрагивали.

— Что с тобой? — участливо спросил Глеб.

— Идите куда идете! — прорыдала она.

Глеб, однако, не уходил. Он только что получил гонорар за повесть и был искренне рад помочь хорошенькой девочке в ее горе.

— Верну все до копейки, — не сразу согласилась она на его помощь. — Заработаю на каникулах и верну!

И прежде, чем взять деньги, потребовала данные его паспорта. Глеб вручил ей свою визитку...

Теперь, думая о Валерии, он старался представить ее той трогательной девочкой-одуванчиком, что оказалась один на один с ветром. Иногда удавалось, но чаще нет.

— ...Все сделал, как ты велел, — докладывал Ким Иванович, воротясь с задания. — Позвонил, вышла какая-то фря с полным лифчиком холодца. Надо было спросить хозяина, а я спросил Глеб Сергеича. Она в крик. На шум прибежал геннацвале в плаваках. Мохнатый, как шмель. В общем, проводили пенделем.

В ЦДЛ знакомые его, как сговорившись, приветствовали на один лад:

— Отлично выглядишь, старина!

— Чем хуже я себя чувствую, тем лучше выгляжу, — отвечал он бодро. А теперь, добавлял про себя, худо-бедно достиг гармонии: и чувствую и выгляжу отвратительно...

И все же он не выглядел опустившимся и больным, может быть, за счет постоянного внутреннего горения.

Все время Глеб записывал какие-то фразы, диалоги и путные размышления. Делал это, где наступала мысль: в Пестром зале, в Таганском парке, на чердаке у Зыскина. Писал на всем, что попадалось под руку, — на буфетных салфетках, на распотрошенных пачках от сигарет, на иных случайных клочках бумаги. Записки росли, накапливались, ждали своего часа.

Он сидел в Пестром зале, в углу, за пустым столом, гнал скоропись на обороте листовки с рекламой сникерсов:

«На станции Екатеринбург. Комиссар Заславский, в недавнем прошлом фельдшер-акушер, садится в пролетку с Ольгой, старшей дочерью Николая. Едут вместе с прочими в Дом особого назначения.

Ольга в упор посмотрела ему в глаза:

— Вам знакома такая абстракция как любовь к ближнему?

— А вы, мамзель, — с издевкой ответил тот, — знаете, что такое унижение нищетою?

— Увы. — Она хотела сказать, что это чувство ей незнакомо, но что истинно верующего человека нельзя унижить. Однако вспомнила декларацию комиссара об атеизме большевиков и в продолжение его тирады об унижениях, каковым триста лет Романовы подвергали народ, не проронила ни слова...»

— Старый, коньячку припьёшь?

Предлагал романист Пыляев.

— Спасибо, Рудик, не откажусь. И возьми еще какой-нибудь бутербродик.

— Жрать — дело скотское! — Лицо преуспевающего Рудольфа лоснилось от съеденных в ресторане котлет по-киевски. — Выпить — другое дело! Ты вот лучше лимончиком закуси!

Пришлось закусить лимончиком.

Рудик журчал утробно:

— Три романа в ВАК запендюрил! А? Знай наших!

— Рад за тебя и ваших, — поздравил Глеб.

Через пару дней опять встретились в Пестром зале. Глеб мялся у стойки, прикидывая, что можно взять на имеющие-

ся копейки. Пыляев на этот раз заказывал только кофе. Буфетчица Анна Ивановна приняла у него заказ, обратилась к Глебу:

— Вам?

— Чайку покрепче и без заварки.

— Что, опять на мели? — вздохнула Анна Ивановна.

— Типа того...

— Налейте ему сто пятьдесят! — захохотал Пыляев. — Я оплачиваю.

Верный своей доктрине, про одолженные пятьдесят тысяч не вспоминал.

Знакомых в зале было полно, а сесть, выходило, не к кому. Глеб чувствовал, что его сторонятся и, наверное, были бы вообще не прочь, если бы исчез вовсе, не мозолил очи успешным людям.

Глеб обвел взглядом галдящий зал, подошел к столику, где маялся в одиночестве поэт Рошиц. Поставил перед ним стакан:

— Выпей. За мое здоровье.

— А сам-то что?

— Видишь ли, чем больше я пью за свое здоровье, тем оно хуже и хуже.

— Так за мое выпей, — логично рассудил поэт.

Глеб отрицательно покачал головой, и Рошиц со вкусом выпил. Переведя дух, поднял глаза на непонятно с чего расщедрившегося прозаика, но того уже рядом не было.

Ким Иванович поджидал его на скамеечке у подъезда.

— Туда нельзя!

— Почему?

— Приехал хозяин с негром. Повесили замок на наши апартаменты. Соседи, видимо, настучали.

— Может, сломать замок?

— Ты что, засекут...

Встречаться с Зыскиным не хотелось. Не та была ситуация, чтобы встречаться с ним и его супругом.

— Что же делать-то, черт возьми? — сказал Глеб, просчитав возможные варианты и не найдя подходящего.

— Поедем в гости.

— К кому?

— К Зёме, дружку моему. Срочную службу тащили вместе, потом он дембельнулся, а я застрял на семнадцать лет.

Зёма, производное от слова земляк, сообразил Глеб.

— ...Мужик — во, родом из Питера, а Питер, сам понимаешь, люлька трех революций.

— Ты, значит, тоже питерский?

— Не, я пскопской.

Путь предстоял не близкий: с Павелецкого вокзала на электричке. По пути купили для Зёмы три батона белого хлеба и квадратную канистру питьевой воды.

— Может, что-нибудь посушественней? — предложил Глеб.

— Да все у него есть, проблемы только с водой и хлебом.

Прибыли на вокзал. Нужный поезд уходил через два часа. В здание вокзала их не пустили: вход только по проездным билетам либо за отдельную плату вокзальному постовому. В конце концов, устроились в скверике у паровоза Ленина. Час был поздний, клевали носом и задремали.

Разбудил патрульный милиционер:

— Эй, хорошо вам, голуби? — окликнул, поигрывая дубинкой.

— Так хорошо, что хуже да некуда, командир! — вскочив, бойко отрапортовал Ким Иванович.

— Будет еще хуже, если не уберетесь.

Убрались, бесцельно бродили вокруг да около.

Ким Иванович делился подслушанной информацией:

— Власти грозятся турникеты у платформ выставить, как в метро. Тогда вообще к поезду не подступишься.

— Наш народ лазейку всегда найдет.

Под покровом темноты они пробрались на электропоезд. Ехали с ветерком — стекла в тамбуре были выбиты.

На место приехали на рассвете. От платформы долго плелись пешком, устали, несколько раз садились на обочине отдохнуть.

Из утреннего тумана величаво выплыл черный угрюмый холм с плоской, подобной плато, поверхностью. Он был обширен, но невысок. Правильность формы указывала на рукотворность происхождения.

— Что это... — опешил Глеб.

— Санитарный полигон! Визуально говоря, свалка мусора. Но при Зёме свалкой не называй, обидится. Для него она дом родной, все равно как для нас Таганка.

Над полигоном с визгливым хохотом бесновались чайки.

Путники подошли ближе. Вблизи очертания его уже не были геометрически совершенными, как казалось издали. Гигантские кучи разного рода хлама, сплоченные и спланированные ножом бульдозера.

Дохнуло смрадом, как из собачьей пасти.

— В Москве в подворотнях еще и не так воняет, — заметил Ким Иванович оправдательно. — А тут будто как грибной супчик пролили...

— Хорош супчик...

— О! Вон и Зёма!

Из лачуги, построенной из утильсырья, вылез человек в шляпе, в полосатой пижаме, в галстукe. Ким Иванович засвистел Соловьём-разбойником. Человек вздрогнул, рванулся с места и запетлял между мусорными завалами.

— Зёма, это я, Кимырсен! — заорал Ким Иванович. — Стоять!

Человек высунулся из-за укрытия:

— Ким, ты, что ли?

— Так точно!

— А кто с тобой?

— Глеб Елахов... сержант запаса!

Зёма вышел, приветственно приподнял шляпу:

— Ну, здравствуйте, коль не шутите.

— Ты чего побежал-то? Не признал, что ли? — сердито спросил Ким Иванович.

— Да, это самое... Излишки адреналина или недостаток серого вещества, — ответил Зёма, чуть заикаясь и смешно прищелкивая губами.

— Оно у тебя где?

— Где у всех, под корой головного мозга.

— Дровесина у тебя под ней, — пришел к выводу Ким Иванович.

— Ну, вот что, — деловито сказал хозяин. — В помещение не приглашаю, не прибрано. Поляну накроем здесь, на свежем воздухе.

Он подвел гостей к столику, вкопанному на относительно ровном пятачке у хижины.

— На воздухе так воздухе, — сказал Ким Иванович, выкладывая гостинцы. — Мы вроде уже принялись.

— Практически, да, — с отвращением подтвердил Глеб.

За воду Зёма чинно поблагодарил, хлебу обрадовался необычайно:

— Люди чего только не выбрасывают! А хлеб — ни разу не попадался. Редко когда черствый кусок найдешь. Оно и понятно, ценят хлебушек, наголодались за годы исторического развития.

Еще один философ, хмыкнул про себя Глеб. Поинтересовался:

— А как вы сюда попали?

— О, это долгая песня, друг. Как говорится, от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

— А от рюмы? — прищурился Ким Иванович.

Зёма с негодованием отмел вопрос:

— Ну-у, это ваше кошунство!

Ким Иванович торжественно вытащил поллитровку.

Хозяин и гости уселись вокруг стола, выпили, завели неспешные разговоры.

Зёма настойчиво угощал икрой:

— У нас тут добра этого завались! Видеть уже не можем. Три недели на одной икре. Это же рекорд Гиннеса!

Глеба взяло сомнение:

— А не отравимся?

— Да что ты, сержант, эта баночка свежая, позавчера только срок вышел. Глянь, не выпуклая, не вогнутая! — Зёма повертел перед ним баночку. — Герметичная со всех сторон.

Песня его непутевой жизни была и долгая и короткая. После армии мотался по комсомольским стройкам, объехал полстраны, два раза сидел за драку, в результате чего потерял семью и питерскую прописку. Здесь работал утилизатором. Как-то приехал с грузом на полигон. Мусоровоз сломался, всю ночь чинили двигатель. Поутру водила уехал, а он остался, да так и прижился, прикипел душой и живет уже третий год.

Ким Иванович, рассуждая об общем устройстве жизни и о личных просчетах в ней, сказал с застарелой болью:

— Говорила мать, учись на бугактера! Не послушал, остался служить сверхсрочно. Сидел бы сейчас в банке, подсчитывал барыши...

— А ты оставайся, Ким! — предложил Зёма. — Фазенду тебе отгрохаем, моей не хуже. Провианта навалом, в три горла ешь. Одежки всякой, как в ГУМе, век не износишь... — Рассуждая так, он потерял спиной о пирамиду ящиков, пожаловался между делом: — Второй день чешется, спасу нет!

— Это хорошо, — рассеянно обронил Ким Иванович, оглядывая его владения. — Это у тебя крылья растут. Кстати, о крыльях... Я бы к тебе переехал, да птички твои смущают. Вон как орут, сволочи, кто глухой — еще раз оглохнет.

Из вавилонов мусора выглянули туземные черноголовые существа.

— А, — сказал Зёма, — не обращайтесь внимания. Генералы песчаных карьеров.

— Кто-кто?

— Соседи мои, беженцы из Молдовы.

— Что ж им в Молдове-то не жилось?

— Известное дело, рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Это раньше им жилось припеваючи. Когда Советский Союз был.

Вечером Глеб уехал, Ким Иванович остался гостить еще. Расставались весело, с шутивными обещаниями писать письма.

4

Стоял на редкость сухой июнь.

Пару ночей Глеб провел в зале ожидания дежурной зуболебницы у метро «Красносельская». На третью засекала вах-

терша и не пустила. Оставались вокзалы, куда попасть было тоже проблематично, и уже обжитый им парк Таганский.

За день Глеб нагулялся вволю, выпил на троих с местными алкашами и отправился на ночлег. Вечерело. В парке он выбрал скамейку в укромном месте, расстелил газеты и лег враспяжку, с большим удобством. Засыпая, поиграл словами: рванина в nirване... Ему привиделся Ким Иванович, склонившийся с грустной миной. «И что мне с тобой делать, Глеб, — вздыхал беглый прапорщик, — видать, без бутылки не разберешься...» — «А при чем бутылка-то?!» — «А она всегда при закуске, милый!»

— Милый, вставай!

Глеб с сожалением оторвался от сновидения. Перед ним, опираясь на метлу, как на посох, стояла маленькая востроносовая женщина лет тридцати с чем-нибудь, неуловимо похожая на синицу. Поверх кофты и джинсов на ней была долгополая оранжевая накидка со стертой аббревиатурой, голова закутана платком по исламской моде. Незнакомка смотрела на него черными угольками живых любопытных глаз, улыбалась.

— Надо уходить, да? — проговорил Глеб хриплым с похмелья голосом.

— Негоже на лавке-то, — кивнула она озабоченно. — Человек должен в постели спать.

— Хм, — сказал Глеб, — вы в этом убеждены?

— Ну вот, так и думала, что ботаник. Где твои очки-то, горе?

— Я не ношу очков.

— Ну и слава Богу. Хоть зрение сохранил. Давай, давай, подымайся, пошли отсюда.

Глеб окончательно проснулся, посмотрел на женщину с недоумением:

— Куда?

— Узнаешь. Я давно тебя наблюдаю, приметный ты, — сказала она, — неприкаянный. Сильно пьешь-то?

— С чего вы взяли?

— Раз под открытым небом ночуешь, значит, квартиру пропил. Вон перегаром несет.

Она спрятала инструмент в кустах, взяла его под руку, повела с собой.

— Кто вы, женщина? — уперся он.

— Тихо, не шебуриши...

На воротах маячил сторож — знакомка вывела его через лаз. Обогнув бывшую крепостную стену, они подошли к парку с внешней его стороны, миновал ворота и спустились за га-

ражи. Тут стояла брошенная строителями бытовка. Дверка была с торца, под нею висела лесенка, железная, в три ступеньки. Незнакомка взошла на лесенку, сунула ключ в замок. Дверка открылась легко, без скрипа. Приглашающе поманив рукой, женщина прошмыгнула внутрь. Глеб неуклюже поднялся следом.

В чреве вагончика было темно, затхло, сыро. Женщина притворила дверь, заперла на крюк и щелкнула выключателем. Лампочка под потолком высветила столик у окошка, запечатанного плотным фанерным ставнем, топчан и шкаф. В углу, пробочкой вниз, висел пластиковый баллон с водой, служивший, по-видимому, рукомошкой. Это же подтверждал и подставленный под него табурет с тазом.

— Сейчас Ташкент будет, — сказала она и включила электрообогреватель, расположенный под топчаном. Вскоре в вагончике действительно потеплело.

— Вы снимите хиджаб-то, — посоветовал он хозяйке.

— Стесняюсь, — сказала она, — у меня голова лысая. Подожди, пока волосы отрастут.

— Вы, очевидно, переболели корью? — вспомнил он о болезни царевых дочек.

Женщина прыснула. Сказала, прикрывая ладошкой рот:

— Корью я в детстве переболела...

С волосами она рассталась в сознательном уже возрасте, назад два месяца. После кончины мужа, тоже дворника, заболела педикулёзом. «Вши ведь в большинстве своем появляются не от грязи, а от тоски, — пояснила она, — никакие средства не помогли, пришлось окорнаться наголо...»

Женщину звали Катя, а ее покойного мужа Толик. Приехали из Тамбова, работали по контракту с ДЭЗом. Детки уже большие, мелкому пятый год пошел, дочке восемь, живут в деревне у стариков.

— Мы на радостях, что устроились, нахватили себе участков. Как дураки, трудились с утра до ночи. У Толика сердце слабое, не выдержал физической перегрузки. Да иначе и быть не могло, поубирай-ка такие площади... Жили в общежитии, неподалеку. Может, видал четырехэтажку? Ну вот, я там и теперь живу. Правда, на койку Толика подселили девушку с Украины. Ничего деваха, только на передок слабая. Иной раз приходится из-за нее ночевать здесь.

— Что за вагончик-то?

— Да Толик его присмотрел, строители оставили и забыли. Парк считает, вагончик принадлежит ДЭЗу, а ДЭЗ — наоборот, парку. Ну, Толик его и приватизировал. Страсть у него какая-то появилась, собирал, как Плюшкин, все, что жиль-

цы выбрасывают. Тут складировал. После, как схоронила, две недели барахло это по ночам вытаскивала. Хорошо, что помойный контейнер рядом...

Катя застелила ему топчан плоским, как блин, матрасиком, достала подушку и серое суконное одеяло.

— Рефлектор на ночь-то отключи, не дай Бог пожар.

— Само собой, — обязался Глеб. Сам знал, что такие балки сгорают за пять минут.

Прежде, чем уйти, Катя предупредила:

— Живи, как мышка. Не шуми, никому не открывай. Если я приду, постучу вот этак. — Она постучала пять раз костяшками пальцев и, через интервал, еще дважды. — Запомнил? Повтори.

Глеб повторил.

— Громко не пой. Так, вполголоса, чтоб с улицы не слышать.

— С чего вы взяли, что я собираюсь петь? — удивился Глеб.

— Как с чего? Выпил, и захотелось. Толик всегда так делал. Ну, я пошла, милый, закрывайся. — Она достала из кармана накидки яблоко.

— Вот скушай, чтоб цыган не снился...

Надо было начинать жизнь, и он начал ее как всегда с осмотра и обустройства. Переставлять на свой вкус было нечего, столик был прибит к стене, топчан стоял, где ему и положено, шкаф казенный, встроенный, перемещению не подлежал; электроплитка и умывальник тоже находились на своих местах. Плюсов было немало, но были и минусы, и, прежде всего, вопрос, где брать воду. Второй жизненно важный вопрос: где справлять нужду? В парке имелся ветхий, загаженный туалет. Однажды Глеб посетил его и наперед закачался. Но — деться некуда, придется пользоваться этим ужасом. Надо было думать о вещах более серьезных: на что жить, где взять денег. Из наличности — всего пятьдесят рублей, из имущества пишущая машинка, да и та на чердаке у Зыскина. Как, впрочем, рукопись и архив.

Насколько же проще поэтам, подумал с завистью, сейчас они тетрадочку на коленку, мгновенье, и стихи свободно потекли...

Вечером он пошел к Зыскину, дождавшись, когда в окне мастерской загорится свет.

Не сказать, чтобы там обрадовались его приходу. Ньюмба молча поднялся на антресоли, Зыскин припал к мольберту.

Глеб попросил разрешения позвонить.

— Звони, — рассеянно разрешил Зыскин.

Глеб набрал телефон Валерии. Она оказалась дома.

— Але, — игриво сказала она, сняв трубку.
— Это Глеб.
— Тьфу, чтоб тебя! Чего надо?
— Давай договариваться насчет квартиры.
— Какой квартиры?
— Из которой ты со мной разговариваешь! — разозлился Глеб.
— И что ты хочешь?
— Хочу ее разменять. Как никак я ответственный квартиросъемщик.
— Был! А теперь ты никто, лицевой счет я переоформила на себя. А тебя, изверга, не сегодня завтра из нее выпишут.
— Это еще почему?
— Потому. Два года не платил, не появлялся и потерял права.
— Квартира кооперативная, я внес за нее семь тысяч.
— Господи, да отдам я твои семь тысяч, подавись!
И Валерия отключилась.
Глеб набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание, выдохнул и нажал кнопку повтора:
— Послушай, Лера...
— Ничего не желаю слушать!
В трубке раздались приглушенные восклицания, как если бы микрофон зажали ладонью, затем раздался мужской басовитый, с акцентом, голос:
— Слушай, ты! прекрати хулиганит!
Опять глухая возня, и опять Валерия:
— Алло! Елахов? Слушай сюда, если ты...
— Кто это был? — перебил он начатый ультиматум. Вариант совместного проживания отпадал напрочь.
— Это был Рустам, мой законный муж, майор внутренних дел. А деньги свои можешь получить хоть завтра!
По убитому виду гостя Зыскин догадался, о чем и с кем тот разговаривал и с каким успехом. Оглянувшись на антресоли, шепотом предложил денег. Глеб отказался. Попросил только:
— А можно, Додя, книжки еще полежат?
— Да пусть лежат, есть не просят. О, чуть не забыл! Тебя Сашка какой-то вызванивал.
— Это мой сын! — встрепенулся Глеб. — Что он тебе сказал?
— Сказал, что все у него нормально. Учится на одни пятерки.
— А ты ему?
— Что ты здесь давно уже не живешь.
Забрав с чердака вещи, поплелся к себе в бытовку.
Катя пришла, когда он, готовясь ко сну, уже раскатал тюфячок.

— Это тебе подарок на новоселье, — сказала она с улыбкой.

И вынула из сумки ночной горшок.

Глава двадцать девятая

1

Вознесенский проспект, где стоял ипатьевский особняк, в 1919 году был переименован в улицу Карла Либнехта. Задний фасад дома выходил в Вознесенский же переулок. Утром 30 апреля 1918 года сюда прикатили два открытых автомобиля. Из первого вышли Николай, Александра Федоровна и Мария; из второго — Белобородов, Дидковский и Голошкекин. Вокруг суетилась многочисленная охрана.

— Приехали, граждане! — объявил бывший конторщик, теперь же председатель Уралсовета Александр Белобородов, нескладный малый, по виду лет тридцати с чем-нибудь, в кожаной тужурке и полувоенных бриджах.

Авдеев тоже Александр или просто Шурка, слесарь, с сего дня комендант Дома особого назначения, приглашающе распахнул двери. Как всегда навеселе, с болтающейся через плечо казачьей шашкой, он почитал себя за старого ветерана-революционера, поскольку, бывая в Питере, четыре раза за пьяный дебош отсидел в кутузке.

— Милости просим! — проговорил он с ухмылкой на рябой, плохо выбритой физиономии.

Шая Голошкекин как военком губернии выдерживал подобающую моменту строгость. Оправил густые усы, одернул взглядом неуместно расшалившихся товарищей, произнес прокурорским тоном:

— Граждане Романовы! С этой минуты вы переведены на тюремное положение. Согласно постановлению ЦИК вы помещаетесь в этот дом и поступаете под юрисдикцию Уралсовета.

— И надолго? — спросил Николай, оглядывая строение.

— Вплоть до суда, — отчеканил Шая.

— Here so news *, — сказала негромко Александра Федоровна.

Она переменялась в лице, на щеках проступили пятна: какой суд?!

Николай, сжав ей локоть, шепнул что-то успокоительное. Что именно, напрягшие слух красные комиссары не разобрали, да и не могли разобрать по незнанию английского языка.

* Вот так новости (англ.).

Ближе всех стоявший к царской чете Дидковский, подручный Белобородова, предположил:

— Вроде что-то про Херсонес! Дескать, не худо бы поселиться там.

Шурка Авдеев хахакнул:

— Хотели в Крым, попали в рым!

Глубоко сидящие под скошенным лбом глаза Голощекина сверкнули недобрым светом:

— Пусть скажут спасибо, что не в Нарым.

Между тем у дома собралась толпа любопытствующих горожан. Обнаружив это, он устрашающе заорал:

— Рразойдись! Чрезвычайка! Нечего тут глазеть!

Народ рассеялся, едва слышал о Чрезвычайке. В рассеянии участвовала и охрана.

Шурка Авдеев на правах коменданта повел во внутренние покои. Поднялись на второй этаж. Узников поместили в угловую комнату окнами на два света — на площадь и в переулок. По скудости мебели Марию определили спать на полу. Слуг и доктора Боткина разместили в соседних комнатах. Нижний этаж целиком заняла охрана.

Воссоединение Семьи состоялось спустя четыре недели страха и неизвестности. Детей, прислугу и приближенных вывозили из Тобольска на пароходе «Русь», памятном по прошлому году, когда все царскосельцы еще были вместе и не испытывали утеснений уральского заключения.

По воде ехали до Тюмени и далее поездом до Екатеринбурга. Сопровождал самолично председатель Тобольского Совдепа Павел Данилович Хохряков. Встречал комиссар Заславский, незадачливый предводитель уральского спецотряда, с позором изгнанный из Тобольска. Теперь он был хозяином положений и наслаждался властью, как то: распахивал вновь прибывших по пролеткам, рассыпал команды, покрикивал на извозчиков. С Хохряковым, затаив обиду, не разговаривал.

Матрос дымил себе самокруткой, наблюдал его суету, плевался: вот же хорек плешивый... Докурив, затоптал окурочек. На этом его миссия в качестве экспедитора и закончилась*. Запаренный, в мыле, Заславский, столкнувшись с государем в передней Дома особого назначения, не удержал себя от язвительного вопроса:

— Что, гражданин Романов? Глория-то мунди транзитом на фиг?

Лицо Николая сохраняло бесстрастное выражение.

— О, о! Их Величество нами брезгают!

* Как и вся тобольская эпопея. Создал Особый экспедиционный отряд, воевал с белыми на реках Иртыш, Тура. Погиб в августе 1918 в бою за станцию Крутиха под Екатеринбургом.

— Ты бы полегче, Лейба... — Даже Шурка Авдеев почувствовал за него неловкость.

Дом оказался тесен; по прибытию второй партии место нашлось лишь детям. Даже пользовавшийся цесаревича доктор Деревенко поселился на съемной квартире в городе. Вне Дома разместились камердинер Сидней Гиббс и гувернер цесаревича Пьер Жильяр. Швейцарец горячо настаивал на вселении к своему питомцу:

— У мальчик пробелы в изучении французского языка. Нельзя прерывать занятий!

Военком Шая, на прием к которому настырный месье пробылся, долго разглядывал его пышные мопассановские усы, мысленно сравнивал со своими. Сравнение выходило в пользу Франции и Швейцарии. Прискучив этим занятием, спросил с зевотой:

— Вы хорошо подумали, месье Пьер?

— Согласно русской поговорке, одна домашняя птичка так долго обдумывала, как ей избежать встречи с поваром, что не заметила, когда и как очутилась в его в кастрюльке.

— Это вы про индюка, что ли? — догадался Шая.

— Уи! Он много думал и проиграл.

— Чтобы и вам не проиграть, поскорей уносите отсюда ноги.

Этим советом, поданным в приказном тоне, Жильяр, естественно, не воспользовался. Рассказывая об аудиенции мистру Гиббсу, в отчаянье заламывал руки:

— Как славно жилось в Царском Селе! Ах, если бы не этот, подскажите, ну, что в марте прошлого года... этот, *кудэта*!

Педантичный англичанин счел нужным его поправить:

— *Кудэта*, так есть *on French* **. А по-русски *куета* и нишего болше!

— Вот как? Непременно внесу в словарчик...

Много новых интересных терминов узнал швейцарский подданный, проживая под брань и окрики путевых рабочих. Он уютился вместе с Гиббсом в вагоне IV класса, который, оказывается, имеет своим названием народный неологизм *тьеплушка*. Слово это было едва ли не единственным из услышанных, каковое можно произносить при дамах.

2

Особняк обнесли высоким двойным заплотом. Уличная стража дежурила в трех сторожевых будках и стояла цепью по всей усадьбе. Посты внутренней охраны расположились

* *Coup d'Etat* — государственный переворот (*франц.*).

** По-французски (*англ.*).

в нижних комнатах, на лестнице и у дверей комнат верхнего этажа, где содержались узники. Ближний к дому забор был ниже, что давало возможность уличному часовому Файке Сафонову оседлать его, заглянуть в царские окна и прогорланить:

*По Расее слух прошел,
Николай с ума сошел:
Пляшет голый на дороге,
Знамо, денежку нашел!*

Другие его частушки были не столь невинны. Стражники внутренних постов, напротив, предпочитали хор. Пели, главным образом, песни беспощадного революционного содержания.

Как-то раз цесаревич Алексей, заслушавшись пением «Смело, товарищи, в ногу», с детской непосредственностью попросил ее исполнителей списать слова. Александра Федоровна отчитала сына:

— It is disgusting song, Alexis! It was composed by those who has killed your grandfather*.

По настоянию государя Семья и прислуга столовались вместе, хотя с посудой были большие трудности. Ипатьев, освобождая дом, вывез все до последней чашки, а царский багаж из Тобольска еще не прибыл, поэтому есть приходилось из общей миски, вилками, ложками и ножами пользовались по очереди. Поскольку Ипатьев вывез практически и всю мебель, великим княжнам пришлось спать на полу и лишь спустя время, по получении багажа, на походных койках. Глеб представил себе эти козлы с брезентовыми ремнями — таковы были старинные раскладушки — и по достоинству оценил воспитание царских дочек, безропотно переносивших тяготы заточения. При всем при том они были с тюремщиками неизменно вежливы, по прихоти последних играли на фортепьяно, а кого-то даже учили азам игры.

В обстановке неусыпного подозрительного внимания жизнь Семьи становилась все более невыносима. И без того короткие прогулки в дворовом садике были сокращены до двадцати минут. Николай тосковал без физического труда — начальство и слушать об этом не пожелало.

Принудительное безделье скрашивалось отчасти книгами, отчасти пением псалмов и Херувимской песни.

Но была в их репертуаре и светская песня «Умер бедняга в больнице военной», особенно трогательно исполняемая княж-

* Это гадкая песня, Алексей. Ее сочинили убийцы твоего дедушки (англ.).

нами. Услыхав ее, Авдеев оскорбился до глубины души. Гнев сорвал на подвернувшемся камердинере Чемодурове, выказавшись в том смысле, что песня это всецело народная, и посягать на нее ни царь, ни его отроки не имеют права, да к тому же перевернуть слова.

— Прошу прощения, господин хороший, — отвечал старик, — слов оне несколько не искажают и поют в полном согласии со стихами. А стихи сложил, Царство ему небесное, покойный дядюшка Государя нашего Николая Александровича...

— Поговори мне! — цыкнул на него Шурка.

— ...почитаемый всей Россией поэт К.Р.! — тем не менее продолжал слуга. И отставив ногу, как лицеист на экзамене по словесности, с чувством продекламировал:

*Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Старым его уж считали солдатом,
Был он любимцем полка,
В этом измайловце молодцеватом
Кто бы признал мужика...*

Комендант оборвал его:

— Не морочь мозги, эту песню сложил народ!

— Никак нет! Великий князь, Константин Романов, дядя Его величества, государя нашего Николая...

— Ты, царский прихвостень, видать, по тюрьме скучаешь? Да как я окажу содействие...

И оказал. 24 мая Терентия Ивановича, а заодно и Нагорного, дядьку цесаревича, увезли в тюрьму — по обвинению в монархической пропаганде. Действительная же причина заключалась в том, что оба слишком рьяно оберегали хозяйское добро, уличали нечистых на руку сторожей, тащивших все — от бытовой мелочи до золотых цацек. Словом, надоели до смерти и сделались неуютны. Шурка Авдеев и Шурка Мошкин, начальник внутренней караульной службы, настояли на их аресте. Но и сами на хлебном месте не удержались. Чрезвычайке стали известны факты беспардонного воровства и пьянства. Мошкин попал под суд, прочих жизнелюбов и kleптоманов, набранных на заводе братьев Злоказовых, удалили вон. Комендатуру Дома особого назначения возглавил чекист Юровский.

Этот начал с того, что составил опись царским наличным ценностям и вынес все, кроме двух браслетов, которые Алек-

сандра Федоровна не смогла снять. К ее тайной радости, он не догадывался, что царские дочери прячут большую часть золота и камней в нижнем белье, — иначе без эксцессов не обошлось бы.

На другой день коробка с драгоценностями, опечатанная сургучом, была возвращена, но в приказном тоне было оговорено, что комендант или его помощник будут по утрам проверять печати. Держать коробку под присмотром императрицы он посчитал надежней, чем в комендантской комнате, куда нечистым на руку соратникам был свободный доступ.

Сын вора, сосланного по приговору суда в город Каинск* Томской губернии, он был с детства лишен самых зародышевых понятий о человечности. Учился Юровский в школе при синагоге. Не кончив курса, поступил учеником к томскому часовщику, овладел профессией и в начале 90-х открыл собственную часоремонтную мастерскую. В заваруху 1905 года откочевал в Германию и год прожил в Берлине. В Россию приехал таинственным образом разбогатевший, сменивший веру на лютеранство. Должно быть, немецкая разведка не брала на службу иудаистов.

В Томске Юровский завел часовой магазин и, по уверениям брата, имел товару на десять тысяч. В качестве подработки оказывал услуги большевикам, за что был привлечен к судебной ответственности и выслан в Екатеринбург. (Каким же проклятым местом считался Екатеринбург, если в него ссылали на поселение из Сибири, подумал Глеб). Здесь он открыл фотосалон — дело много прибыльнее часов. Этим промыслом занимался вплоть до призыва в армию в 1914-м. На передовую ему, естественно, не хотелось, а потому пристроился в школу военных фельдшеров. Окончив ее, служил в екатеринбургском тыловом госпитале. После Октябрьских событий в скором времени был избран в члены Уралсовета и УралЧК. Головокружительной карьерой обязан был не столько революционному красноречию, когда, к примеру, призывал солдат к истреблению офицеров, сколько манипуляциями дойч-агентов из числа большевистских лидеров.

В описании очевидцев это был субъект лет сорока с гаком, коренастый, с глубоко посаженными глазами, неряшливой бородой и сальными волосами, зачесанными назад. Речь имел медлительную, преисполненную значительности.

Юровский привел с собой команду австро-венгерских пленных, поступивших на службу к красным. Пятеро из них порусски не понимали вовсе, и он общался с ними на идише.

* Ныне г. Куйбышев Новосибирской области.

Этих австрийцев, мадьяр и мадьяризированных немцев (по выражению следователя Соколова) русские камрады огулом числили латышами. Любопытно, что одного из них звали Имре Надь. Но это был не тот Имре Надь, что после Второй мировой войны стал премьер-министром Венгерской Народной Республики, а затем возглавил мятеж 1956-го и был повешен в 1958-м за государственную измену. Нет, летом 1918-го будущий премьер и висельник пребывал в Забайкалье, за тысячи километров от дома особого назначения и физически не мог участвовать в расстреле семьи Романовых. То был его полный тезка и соотечественник с удивительно схожими данными биографии (плен, служба в ЧК). Личность, бесследно растворившаяся во времени...

Таким образом, внутреннюю охрану несли теперь десять хмурых блондинов под предводительством неприятного цыганистого брюнета. Наружную — полсотни отбившихся от зидательного труда рыжих, русых, чернявых и пегих выходцев с Злоказовского завода. Но был и один чужак, бывший лейб-гвардеец Алексей Кабанов. В охрану он попал по протекции брата, начальника городской тюрьмы. Обладавший незаурядной зрительной памятью Николай тотчас узнал его:

— Вы служили в моем Конном полку!

— Так точно, — усмешливо отвечал Кабанов. — И теперь при вас! А если какие просьбы, то это уж к коменданту.

Николай посмотрел ему в глаза кротким проникновенным взглядом:

— Просьба у меня к вам лично. Когда прикажут в меня стрелять, будьте прилежны, не промахнитесь.

И перекрестил гвардейца, как бы скрепляя просьбу.

Кабанова передернуло. Словно уворачиваясь от креста, он попятился, ступил одной ногой на крутую лестницу и, потеряв равновесие, едва не загремел вниз.

Невольный свидетель их разговора боец Якимов сглотнул застрявший в горле комок. Позже, в руках у белых, так объяснил свое тогдашнее состояние: «От моих мыслей прежних (...) ничего не осталось. Раньше, как поступил в охрану, я, не видя их и не зная их, тоже и сам перед ними несколько виноват. Поют, бывало, Авдеев с товарищами революционные песни, ну и я маленько подтяну. А как я разобрался, бросил я все это, и все мы, если не все, то многие, Авдеева за это осуждали...»*

Истинные чекисты не знают жалости. Каждое утро Юровский и его помощник, ясноглазый, улыбчивый Гриня (Аку-

* Из показаний, снятых следователем Соколовым.

лов по партийному псевдониму) пересчитывали узников и проверяли сохранность печатей на коробке с Семейными драгоценностями.

3

Прежде чем пойти к Валерии, Глеб долго приводил себя в божеский вид, чистил одежду, подстригал бороду и усы. Накануне Катя натаскала горячей воды из бойлерной, — помылся и почувствовал себя увереннее. Конечно, видок был несколько бомжеватый, особенно куртка и порванные кроссовки, но так бомжегато выглядело и большинство сограждан.

Отправляясь к бывшей супруге, ничего хорошего он не ждал. Такого, однако, не мог и предположить. Валерия, расплывшаяся, в розовом пеньюаре, вышла на порог, протянула конверт с семью (!) тысячами рублей.

— Получай свое и уматывай!

Из-за ее плеча выдвинулась небритая физиономия, по всей вероятности принадлежащая обрусевшему гоминиду:

— Кито там, Лэри?

— Да Елахов!

— Совладелец квартиры, — подсказал Глеб.

— Ты совладэлиц? Пашел пирочь, бомжара!

— И правда что бомжара...

Валерия брезгливо сморщила носик, некогда очень миленький, теперь безнадежно потерявшийся между щек, с силой захлопнула клацнувшую замками дверь. С надеждами на мирное разрешение квартирного вопроса было кончено. Предстояло решить. Продолжать ли борьбу за свои права или завершить книгу.

...Итак, последние дни Романовых были отравлены перепиской с подложными, не существующими в природе освободителями. Никакого монархического подполья в Екатеринбурге не было, Воротынский и его бронепоезд «Свѣ. Георгій» в эти дни поддерживал огнем наступление белочехов.

Первое, донельзя взволновавшее царскую чету послание пришло в горлышке бутылки с молоком, что приносили новотихвинские монахины. Заметив, что затычка скручена из газеты, Николай тотчас развернул ее. Он вообще радовался любому клочку газеты: хоть какая-то связь с внешним миром. Выписать газеты он не имел возможности, хотя такая льгота была декларирована местной властью. Элементарно не было денег. Царскую наличность вез с собою гофмаршал Валя Долгоруков, прямиком с вокзала отконвоированный в тюрьму...

В пробочный рулик была закатана коротенькая записка на плохом французском:

«Ваше Величество. Мы, группа офицеров русской армии, приняли решение освободить Вас. Дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбург. Да поможет нам Всемогущий Бог.

Готовый умереть за Вас офицер русской армии».

В следующем письме (вновь по-французски) офицер писал: *«Ваше Величество, мы Вас не информируем детально насчет нашей группы по причине, которую Вы хорошо понимаете. По этой же причине просим вернуть наши записки. Как это сделать, известим».*

Владимир Николаевич Деревенько, приват-доцент Военно-медицинской академии, с 1912 года служивший при цесаревиче Алексее, не бросивший его ни в Царском Селе, ни в Тобольске, был разлучен с ним в Екатеринбурге, но имел право на посещение. Провокаторы задействовали его втемную. Во время литургии в Вознесенской церкви к нему подошел субъект с подвязанной для маскировки челюстью, встал рядом.

— Здравствуйте, Деревенько... — беззвучно сказал субъект.

— Кто вы? — отшатнулся доктор.

— Я из Питера. От верных людей. — Незнакомец показал перстень со свастикой, древнеиндийским символом солнца-ворота, любимым знаком императрицы.

— Слушаю вас, — иным, благожелательным тоном произнес доктор.

— Передайте Его Величеству. Если он получил письма от офицера, пусть отзовется и делает это через вас.

— Хорошо... Где я вас увижу?

— Здесь же, в это же время, завтра.

И незнакомец исчез в толпе.

Николай подтвердил получение первых писем, тем что вернул их через доктора Деревенько. В новом послании Офицера, кроме патетики, следовали практические указания: «С Божьей помощью и Вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы вы могли его открыть; я прошу точно указать мне окно. В случае, если маленький царевич не может идти, дело сильно осложнится. Напишите, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли на 1 или 2 часа на это время усыпить царевича каким-нибудь наркотиком? Пусть это решит Д. Будьте надежны, мы не предпримем ничего, не будучи уверены в удаче заранее. Даем это торжественное обещание перед лицом Бога, истории, перед собственной совестью».

По настоянию Александры Федоровны государь ответил, хотя и почувствовал какой-то подвох в странной бутылочной переписке.

Кто же так жестоко насмеялся над ними, поманив надеждой?..

В гостинице, прозываемой американской (то ли по хозяину, имеющему какое-то отношение к Северо-Американским Штатам, то ли из-за иностранной вывески — подлинного названия Глеб в источниках не нашел), в штаб-квартире УралЧК шло закрытое заседание. Участвовали трое: военный комиссар Шая Голошекин (партийный псевдоним *Филипп*), далее начальник снабжения области Пинхус Войков по прозвищу Интеллигент и Ёся Родзинский, рядовой чекист, приглашенный в качестве писца за красивый почерк.

Интеллигент читал и тут же переводил с французского на русский ответ государя: «Второе окно от угла, выходящего на площадь, открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7 и 8 около главного входа тоже открыты всегда. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Комендант и его помощник входят к нам, когда захотят. Дежурный делает обход ночью два раза в час. На балконе стоит один пулемет, под балконом другой — на случай тревоги. Напротив наших окон на той стороне улицы помещается стража в маленьком доме. Она состоит из 50 человек. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту, в помещение охраны и в другие пункты»...

— Это все? — подозрительно спросил военком.

— Еще он спрашивает, можно ли взять с собой прислугу.

— А много при них прислуги? — поинтересовался Ёся.

— Сейчас четверо. Доктор Боткин, горничная Демидова, повар Харитонов и лакей Трупп.

— А пускай берут! — сказал Войков и одарил товарищей каламбуром. — Тем более, что лакей сам по себе уже Трупп...

— Да и остальные не велика потеря, — согласился Голошекин.

— А Боткин? — засомневался Ёся. — Как-никак Лейб-медик.

— Подумаешь, Лейб-медик! Кроме геморроя лечить ни черта не может, — пренебрежительно сказал Войков.

— Ликвидировать будем всех, — прервал Голошекин ненужное зубоскальство. — Наши записки от имени Офицера и вот это письмо царя — неопровержимые улики заговора. Ввиду наступающих белочехов — расстрел будет мерой оправданной и своевременной.

— Согласен! Ну, что напишем Его Величеству? Диктуйте, я буду переводить. — Выпускник Женевского университета Войков неплохо владел французским.

Родзинский, владевший французским хуже, но зато обладавший замечательной каллиграфией, с готовностью умакнул стило.

— Ваше Величество. Час освобождения приближается, дни узурпаторов сочтены, — начал военный комиссар.

— Но, Шая, мы это уже писали!

— Я здесь не Шая, а товарищ Филипп. И запомни, Интеллигент: повторение — мать внушения... Так. Теперь слегка припугнем. Переводи: не забывайте, что большевики в последний момент будут готовы на всякие преступления. Этот момент настал... Нужно действовать! Ждите свистка к полуночи, к двенадцати часам ночи — это и будет нашим сигналом...

— Ага! Когда рак на горе свистнет! — загоготал Родзинский, проявив таким образом не только способность к чистописанию, но также и умение подражать гусям.

Компромат был собран — достаточный для объяснений с немцами и мировой общественностью, приемлемый также и для собственного народа. Голошкеин поехал в Москву к Свердлову. Санкция на ликвидацию Семьи была получена, детали оговорены — вплоть до способа уничтожения мертвых тел.

— Шая, сам не очень там выставляйся, — напутствовал председатель ЦИКа. — Пусть Белобородов и местные дурачки светятся. Понял, о чем я?

— Да понял, понял, Яша.

— И озадачь Юровского, пусть приглядит за романовским золотишком.

— Это как водится! Ни грамма, ни грана не пропадет! — заверил Шая, подумав про себя: ну разве что мелочь какая сама к рукам прилипнет...

Вернувшись в Екатеринбург, 12 июля он собрал президиум исполкома Уралсовета, объявил позицию Центра.

Заседали недолго, особо не рассусоливая.

Решение о расстреле августейшей семьи было единодушно одобрено и единогласно принято.

Глава тридцатая

1

Должно быть, Президент России посчитал, что дольше сдерживаться не стоит. Душа его, взыскав единовластия, исторгла Указ № 1400 о реформе действующей Конституции. Ночное интимное окружение с восторгом додумало и отредактировало

рескрипт. С 21 сентября все ветви власти, то есть исполнительная, законодательная и судебная, принадлежали самопровозглашенному царю. Съезду народных депутатов и Верховному Совету РФ вменялось не мешкая складывать полномочия и пожитки, а чтобы несогласные поскорее очистили помещение, в Думе Советов отключили связь, воду, электричество и тепло. По периметру территории выставили милицейское оцепление.

В тот же день в соответствии со статьей 121-6 Конституции РФ Верховный Совет объявил Ельцина вне закона и поручил исполнение его обязанностей вице-президенту Руцкому. Съезд большинством голосов утвердил решение.

В ответ противная сторона обнесла «Белый Дом» колючкой — сталистой зубчатой канителью, так называемой спиралью Бруно, запрещенной Постановлением Лиги Наций еще до Второй мировой войны. Это коварное противопехотное ограждение вцеплялось в одежду всякого зазевавшегося человека и втягивало его в игольчатые объятия, не оставляя ни малейшего шанса вырваться.

На защиту парламента повалил народ. От Москвы до самых до окраин поднялись защитники поправленной конституции. Именно в эти дни опухший от пьянства Ельцин и его плюгавый министр внутренних дел сложились в сознании масс в единый образ полицейского держиморды.

В Москву нагнеталась бронетехника и живая сила, сгонялся ОМОН из республик и областей. Началась локальная уличная война. Любое скопление людей в центре города разгоняли дубинками и пинками. Особой свирепостью отличался отряд екатеринбургских омовцев, верных традициям своих предшественников из УралЧК.

...В один из дней под стены парламента выкатился присадистый БТР, окрашенный в желтый цвет. Два его громогласных рупора взывали назойливо:

— Сдавайтесь! Гарантируем вам свободу и личную неприкосновенность!

За цвет и речёвки БТР получил прозвище «желтый Геббельс».

Сидящий в нем кремлевский агитатор, утомясь талдычить одно и то же, включил проигрыватель, и тогда над стихийным лагерем конституционалистов, над многотысячной их толпой, как горчичный газ, расползлся жизнерадостный козельтон:

*Путана, путана, путана,
Ночная бабочка, но кто же виноват?
Путана, путана, путана,
Огни отелей так заманчиво горят!*

Парламентарии работали при свечах, в выстуженных осенними холодами залах и кабинетах. Принимали законы, в том числе Закон о свободе совести, призванный ограничить деятельность иностранных проповедников, наводнивших эфир ересью; писали обращения к народу и мировой общественности, встречались с посланцами регионов и с представителями конфессий — со всеми, кого еще пропускали за оцепление. В Доме открылась полевая церковь, и в ней крестились и причащались умудренные жизнью женщины и мужчины. Шли молебны и литургии.

С благословения Патриарха в Свято-Даниловом монастыре велись неустанные, но, увы, бесплодные, переговоры с кремлевскими парламентарями. Несмотря на увещевания о Кирилла, обе стороны оставались на своих позициях. Перебежчик Сергей Филатов, представляющий теперь камарилью Ельцина, требовал от Верховного Совета — как главное условие замирения — немедленно (!) сдать оружие. Представители Верховного Совета беспомощно разводили руками: «Какое оружие?! Кроме табельного, никакого другого оружия в нашем доме нет!» — «Есть!» — упорно твердил Филатов.

24 сентября из Кремля поступило официальное уведомление о штурме «Белого Дома» в случае отказа его обитателей добровольно сложить оружие и покинуть здание.

Густо запахло порохом. И — выхлопными газами боевых машин. Съезд принимает решение об одновременных перевыборах президента и депутатов. Этот нулевой вариант выдвигался и раньше, но не прошел голосование и был отложен. Теперь его поддержали, помимо большинства делегатов Съезда, шестьдесят два субъекта Российской Федерации. Решающее заседание было намечено на 3 октября. Президент рвал и метал.

Территория вокруг парламента, отделенная от города милицейским двойным кордоном, бронетехникой и спиралью Бруно, все больше приобретала черты Освенцима. Жестокие дела творились и в ее окрестностях. Кремлевская держиморда нагоняла страху на всех и вся. Пьяные опричники в милицейской форме хватали правых и виноватых, загоняли в специальные, предоставленные градоначальником автобусы и «воронки». Там людей забивали до смерти, иных достреливали и выбрасывали в глухих местах.

2

Патруль остановил Глеба недалеко от станции «Баррикадная», когда он пытался пробраться к «Белому Дому».

— Ты, чмо, кто такой?

— Елахов... Глеб Сергеевич... Я писатель...

— Писа-атель?! А ну, дыхни!

Глеб дыхнул. Патрульный был выпивши либо вообще лишен обоняния, но запаха алкоголя он не учуял и подозвал товарища:

— Охрименко, пойдь сюда!

— Ну? — подошел тот.

— Нюхни, чем от него пахнет?

Охрименко втянул воздух в широкие, с кисточками волос ноздри, установил:

— Бомжом!

— А говорит, что книги пишет!

— Письменник, что ли?

— Да, это так.

— Полетуха! — поставил диагноз Охрименко. — И до лепилы* ходить не надо.

— Как вы сказали? — не разобрал Глеб.

— Полетуха — не белочка, по-вашему, по-москальски. А научно по-украински, горячка белая.

Подошел майор, коротко оглядел задержанного, приказал:

— На процедуры!

Глеба втолкнули в крытый автомобиль. В кузове вдоль бортов жались какие-то люди. На полу безжизненный грудой валялся бывший прапорщик Ким Иванович.

— Ким Иваныч, ты?! — Глеб присел подле него на корточках.

— Я.. Вот... под раздачу попал... — через силу просипел тот. — Здравствуй, брат...

— Здравствуй... — Глеб подавил подступившие к горлу слезы.

— Надо ж, где привелось свидеться... Я тебя искал, как от Зёмы приехал... не нашел, куда податься... попал к танкистам... ну это, под люком, в коллекторе поселился... а что, хорошо там, сухо, от труб теплынь... куда лучше нашего чердака... коллектив опять же... а нонче утром бич один... полезем, говорит, наверх... я, мол, вчера у высотки мешок бутыльков собрал... — Ким Иванович закашлялся, раздышался, заговорил снова. — Ну, полезли, два дурака... я первым вылазию... что такое, все бегут, как наскипидаренные... мне бы тоже бежать, а я замешкался... эти в брниках... в забралах рыцарских... наскикивают с дубинками... начали нас месить, я ору: сынки, это что, учения у вас такие?.. в общем, я спроста, а меня с хвоста... — Ким Иванович попробовал улыбнуться, но вместо улыбки лицо его, и без того страшное, исказила гримаса боли. Он надолго умолк и вдруг взмолился: — Сергеич! Христом Богом тебя прошу! Отвези ты меня к Зёме на полигон!..

* К врачу (уголовный жаргон).

— Отвезу, отвезу, Иваныч...

Ким Иванович отключился и пришел в себя, когда грузовик уже тронулся и поехал.

— Неужто едем, Сергеич?..

— Едем, Иваныч, едем.

— К Зёме?!

— К Зёме, Иваныч, к Зёме...

— Вот спасибо так спасибо... Счастье-то какое, Глеб... — Ким Иванович с усилием растянул губы. — Ах ты ж, свалочка моя родненькая, зачем я тебя спокинул...

— Эй! — цыкнул сопровождающий милиционер, сидя враскоряку на заднем борту. — Заткнитесь там!

Ким Иванович замолчал, умиротворенно закрыл глаза.

И, кажется, перестал дышать.

— Иваныч! Ты чего? — всполошился Глеб.

Ким Иванович не отвечал, изо рта вытекла струйка крови.

— Человек умирает! — закричал Глеб.

— Где тут человека увидел? — выскочил конвоир. — Вот эта кучка дерьма?

— Ему врач нужен! Я вас умоляю, пожалуйста, отпустите нас!

— Сидеть!

— Сержант! Он умирает! Вот, возьмите! — Глеб сорвал с запястья браслет с часами, протянул милиционеру. — Больше у меня ничего нет, но они хорошие, возьмите, не пожалеете!

Конвоир, не глядя, сунул часы в карман, нагнул голову к нагрудной рации:

— Восьмой, ответь, я Десятый.

— Что у тебя? — проскрежетало в трубке.

— Один доходяга ласты склеивает. Какие будут указания?

— Выкинь.

— Понял, Восьмой.

Машина остановилась.

— Слазь, — буркнул милиционер, — забирай своего жмура.

Глеб вытащил бездыханное тело друга, осторожно опустил на землю. Грузовик рыкнул и, обдав ядовитым выхлопом, покотился дальше. В полумраке кузова блеснули глаза онемевших от ужаса пассажиров. Глеб проводил их взглядом, запоминая впрок. Два дрожащих подростка и пожилой мужчина с орденовской планкой на рваной куртке.

Оглянулся: пустырь, примыкающий к промышленному забору. Он посадил Кима Ивановича спиной к бетонной панели.

— Что, уже приехали? — ожил вдруг Ким Иванович.

— Приехали...

Ким Иванович, не открывая глаз, всхлипнул радостно:

— Зёма-а... встречай гостей...

Наверное, он хотел это прокричать, но из разбитых губ вышел невнятный хрип. Поперхнулся, дернулся и затих.

В конце концов Глебу неслыханно повезло — остановилась «Скорая», заплутавшая в краснопресненских переулках.

— Человеку плохо! — бросился он к кабине. — Нужна помощь!

— Да ни хрена ему не нужно уже, — отбивался врач.

Глеб схватил его руку, поцеловал униженно:

— Я прошу вас, доктор...

Доктор оторопел:

— Вы что? Вы чего? Нет, что он творит?!

Но Кима Ивановича, скрепя сердце, взял.

...Бывают в истории времена, когда огромная страна сужается до размера городской площади, а многомиллионный народ — до нескольких сотен простых людей, подвижных инстинктом правды и справедливости.

Такой страной, населенной таким народом, стала в эти дни площадь у Дома Советов. В девяносто первом, после провала ГКЧП, она получила гордое звание Площади Свободной России. Многие из тех, кто стоял здесь в августе девяносто первого, пришли сюда в сентябре девяносто третьего. И снова строили баррикады и жгли костры, снова в смертной истоме каждую ночь ждали атак спецназа.

Глеба, проникшего за оцепление, не покидало, как это уже не раз случалось с ним, ощущение дежавю.

Но было и нечто новое. Кроме красных флагов и транспарантов, хоругви и монархические знамена. Неподалеку от палаток и шалашей был сооружен полевой алтарь, под которым стояли столы с иконами, свечами и фотографиями семьи Романовых.

Было тут множество пожилых женщин. Домовито, без указаний они поддерживали огонь в кострах, кипятили чай, убирали мусор. Много было и молодежи, и людей среднего возраста, представителей всех политических направлений — от коммунистов до анархистов.

Глеб увидел знакомое лицо, поразившее его своей трагической красотой. Бледный, с потными висками, поэт Рошниц рвал гитарные струны:

Я прошу, господа, прекл-л-оните колени!

Затеплите поболе свечей!

Государь Николай этой ночью расстрелян,

Наша Родина снова в руках палачей!

*Уштурвала пират, и пираты с ухмылкой
Вас, осл-л-епших, бросают за борт!
И гл-лумятся над нашей любовью пылкой,
И уводят корабль в трижды проклятый порт!*

Глеб увидел его глаза, белые от сжигающего внутренности огня, помахал рукой. Рожиц кивнул, но похоже, что не узнал.
В другой стороне вдруг грянуло:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Ближе к 20-му подъезду в окружении густой толпы зрителей и слушателей рывкнули приднестровские казаки:

— Эх, любо!

И выдали песняка — с гиканьем, свистом, с чечеточным переплясом:

*Мало, братцы, мало
Кровь моя бежала!
Стремена — за шпоры
Да руками по стерне,
В лоскуты — рубаха,
Под кусты — папаха!
Скоро конь буланый
Позабудет обо мне...
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим атаманом
Не приходится тужить!
Не забудем, братцы,
Присягнувши вере,
Терских да кубанских
Наших братьев во Христе!
То иуда Ельцин,
То паскуда Ерин
Распинают, падлы,
Мать-Россию на кресте!*

Толпа отозвалась бурными аплодисментами.

— Эх, еще б Гайдара с Бурбулисом продернуть! Кстати, вы знаете, что означает «бурбулис»?

— Нет, а что? — улыбнулся Глеб.

— Пузырь по-литовски!

— А по-английски — *бормотун*, — засмеялась симпатичная девушка, по внешности студентка-гуманитарий.

— *Бормотолог*, — уточнил ее взлохмаченный кавалер, тоже, по всей видимости, студент. — Пошли, Анька, там хлеб дают!

Глеб, сразу почувствовав острый голод, пошел за ними.

Действительно, две молодые женщины раздавали батоны с ручной тележки. Постоял, помялся, глотая слюну, и не решился протянуть руку. Студентка и ее парень взяли без колебаний; отошли от очереди и стали есть, вонзая крепкие белые зубы в духовитый поджаристый бок батона.

3

Это утро в Доме особого назначения, как всегда, началось с молитвы.

Комендант Юровский, пересчитав узников, разрешил утреннюю прогулку и увел поваренка Седнева, очень в последнее время сдружившегося с Алексеем. Поваренок при этом плакал и упирался — комендант молча тащил за руку. Александра Федоровна, встревоженная инцидентом, призвала к себе доктора Боткина:

— Евгений Сергеевич, узнайте, пожалуйста: куда этот черный утащил Лёньку? Бэби без него скучает и очень расстроился.

Боткин, целуя руку Александре Федоровне, удержал ее чуть дольше обыкновения, отметил тахикардию.

— Ваше Величество, не стоит все так близко принимать к сердцу. Вам нельзя волноваться.

— Так вы узнаете?

— Разумеется! Уверен, что причина какая-нибудь самая пустяковая.

— Я хотела бы ее знать.

Боткин вышел и через четверть часа доложил, что к Лёньке якобы приехал дядя, и что после свидания с ним мальчик непременно вернется к цесаревичу. Александра Федоровна не поверила, сердце сжалось в недобром предчувствии.

В последнее время условия содержания ужесточились. В монастырских приношениях молока и сыра было отказано. На окно, единственное распечатанное после зимы на этаже Романовых, насадили железную, тюремного образца решетку.

И уже который день к цесаревичу не пускали доктора Деревенько...

Николай и дочери, прогуливаясь в маленьком палисаднике, радовались направившейся погоде. На рассвете моросил дождь, было тоскливо, пасмурно, а теперь вот разыгралось солнышко, и природа будто преобразилась. Татьяна с Мари-

ей захотели сфотографироваться, даже попросили камеру, изъятую у них по приезду в Екатеринбург, но Юровский рассердился и отказал. Он вел себя вполне естественно, как всякий мелкий тиран: если есть возможность запретить что-либо, почему бы не запретить?..

«Какая все-таки сволочь», — подумал Глеб и хотел закури́ть с досады, но оказалось, что спичек нет, в коробке гремели одни горелые.

Чтобы разжиться спичками, надо было выйти из вагончика и при этом не засветиться. Не тут-то было. По случаю выходного дня вокруг сновали жильцы из ближней многоэтажки, кто-то возился у гаражей. И еще косяком шли бездельники, правя в чахлые кущи парка, где можно достойно, без мирской суеты, выпить и закусить.

Глеб клял себя за легкомыслие и незапасливость, видел же, что коробок пустеет, и не завел новый. И Катя не придет как обычно под вечер, укатила в Тамбов к детишкам.

А день все не кончался. Глеб метался в бытовке, пока наконец не вспомнил, как добывал огонь в юрашинском детстве. Он брал тогда деревянную ученическую ручку, нанизывал на кончик перышка уголек и совал в электропатрон. Короткая вспышка, и уголек наливался жаром. Глеб подносил бумажку, раздувал пламя и совал в печь. Растопкой обыкновенно ему служили лучинки или береста, но шли в дело и скомканные газеты. А прикуривать можно было, наверно, напрямую — от уголька на перышке.

Но вот незадача, в бытовке не было ни уголька, ни перышка...

Что ж, вместо ручки-вставочки сгодится вот этот самодельный ножик — обломок ножовочного полотна, с одного конца обмотанный черной изоляционной лентой.

За неимением уголька Глеб придумал использовать хлебный мякиш. Скатав шарик нужной величины, он насадил его на кончик ножика. Вывинтил лампочку, перекрестился и сунул в патрон импровизированное огниво.

Вспышка, хлопок, короткое замыкание.

Контакты в долю секунды выгорели, почернели, кончик ножа оплавился. Отгоняя мысли о возможных последствиях неудачи, ввинтил лампочку. Не загорелась.

Масштаб катастрофы он оценил тотчас же. Оцепенев в конспиративной тиши вагончика, обнаружил, что из-под топчана нейдет привычный шмелиный гуд.

Боже, сгорел рефлектор.

Выходит, он лишился не только света... Набежала мысль о том, что невольно оказался в положении осажденных обита-

телей «Белого Дома». Ну что же, усмехнулся он, писатель должен жить жизнью своего народа! Слава Богу, что вокруг бытовки не намотана спираль Бруно и не стоят цепью грачевские и еринские молодчики...

Наконец стемнело. Крадучись, он выбрался из вагончика.

В очереди ларьков, расположенных у метро «Марксистская», не сразу нашелся тот, где можно было купить свечу. Там же он купил и коробок спичек.

Захотелось тут же и закурить, но некстати ударил дождь, и негде было укрыться от его секущих холодных струй. Пришлось терпеть, зря только загубил хорошую сигарету...

На обратном пути он промок до нитки.

В вагончике снял расквашенные кроссовки, стащил одежду, закутался в Катино суконное одеяльце. Кое-как раскурив сигарету, засветил свечку и сел к машинке.

Пальцы заоченели, не попадали в клавиши; чтобы согреться, он стал прыгать и приседать. Не согревшись, пал на топчан без сил, ничком, даже не раскатав тюфяк. Сколько он пролежал так, сказать не смог бы, вообще потеряв счет времени. Пришло блаженное забытье. Казалось, что в вагончике потеплело, что пальцы послушно бегают по клавиатуре, и на бумагу ложатся совершенные в своей графической красоте строки.

4

Тревога витала в воздухе, но никто из одиннадцати обреченных не подозревал, что за стенами Дома вовсю идут приготовления к уничтожению их трупов. Снабженец Войков выписывал со склада серную кислоту, Юровский с местным жителем Ермаковым рыскали по окрестностям Екатеринбургa, подыскивая место под тайное погребение. В гараже исполкома Уралсовета подбирали подходящий автомобиль для увоза трупов.

В исполкоме Уралсовета их считали уже покойниками. Уже и расписано было, кому и в кого стрелять в решительную минуту. В государя — Ермакову, заслуженному каторжанину, хотя и отбывавшему каторгу за уголовное преступление, в государыню — самому Юровскому, в детей и челядь — чекистам пониже рангом.

Одиннадцать расстрельщиков — по числу жертв.

Но пока что приговоренные были живы и думали о живом. Вечером собрались на традиционное чаепитие.

Николай весь день ощущал нечеловеческую усталость, словно каждая минута прожитой жизни обрела массу и высокий удельный вес.

У Глеба начался сильнейший жар. Он валялся на голых досках и сам был голый, а мнилось, что по-прежнему занят делом, стучит по клавишам, торопясь завершить роман. Физическим естеством он маялся в этой выстуженной бытовке, а душой был в Доме особого назначения, и душа обмирала, срывалась в бездну. В сцене было одиннадцать смертей, и он должен был пережить и описать каждую. Нельзя отнимать у людей последние часы жизни, какими бы страшными они ни были...

Задыхающийся. Сотрясаемый крупной дрожью, он кое-как натянул на себя одежду, сырую, стылую, неимоверно потяжелевшую. Всунул в хлопотающие кроссовки. «В аптеку, — твердил он про себя, — нужен какой-нибудь аспириин...»

Круглосуточная аптека находилась в доме Зыскина на Таганской улице. Поднявшись на крутые ее ступеньки, он нажал кнопку вызова. В выносном репродукторе прозвучал хриплый спросонья голос дежурной провизорши:

— Что вам?

— Пожалуйста, помогите... лекарство... у меня высокая температура, — проговорил Глеб. На уточняющие вопросы он ответить уже не смог, рухнул под дверь аптеки.

Дежурная позвонила в «скорую» и в милицию. В милиции ей посоветовали подождать утра, «скорая» обещала выехать. И часа полтора спустя обещание свое сдержала.

Все это время Глеб сидел, привалясь к двери, неловко подвернув голову и раскинув ноги.

— ...Пневмония! — дошло до него извне. — Кажется, двухсторонняя.

— Берем?

— Куда ж мы денемся...

...Юровский вошел в комнату Николая и Александры Федоровны, откашлялся и включил свет.

— Извините, что потревожил, граждане, но я вынужден просить вас встать и одеться.

— What occurs*?! — проворчала Александра Федоровна.

— Случилось что-то? — спросил встревоженно Николай.

— Нами получены сведения, что этой ночью на особняк будет совершен налет. Цель злодеев — похитить вас, возможно даже убить. Прошу пройти в нижний этаж, в более безопасное от стрельбы место.

Фраза далась легко, несколько раз Юровский прокручивал ее про себя, репетируя перед зеркалом.

— Прошу одеться, я приду через четверть часа.

*Что происходит? (англ.).

Узники собрались через полчаса. Ведомые комендантом спустились вниз.

Первый этаж по самые окна заглоблялся в холм. Окно полуподвальной комнаты, выбранной для расстрела, было зарешечено еще при хозяине. Сама комната, довольно просторная, освещалась единственной тусклой лампочкой.

Охрану усилили дополнительно. Пулеметчики и стрелки были сдержанны и подтянуты. Не каждый день доводится расстреливать императоров.

Сосредоточен был и Юровский. Весь день ломал голову, каким образом разместить всех так, чтобы убить каждого без помех. Наверное, надо выстроить их в шеренгу, размышлял он, фронтально к входу. Расстрельная команда встанет в дверях за моей спиной и откроет огонь — всяк по своей цели.

Как их выстроить, не вызвав ненужной паники? Можно предложить им сфотографироваться. Но при таком освещении фотографировать невозможно, необходима магниевая вспышка. Таковой он не располагал. Просто сымитировать фотосъемки тоже было нельзя: и Николай, и Алиса, и барышни — все знают толк в световыдержке, все имели прежде фотоаппараты. Стало быть, номер сей не пройдет...

Однако зря он напрягал мозги, все превосходно устроилось само собою. Члены семейства встали в одну линию как по заказу. Так они вели себя при визитах Керенского в Александровском дворце, так же было и при знакомстве с тобольским комиссаром Панкратовым.

По просьбе Александры Федоровны принесли два стула. На один, подложив подушечку, села сама Александра Федоровна, на другой — Алексей. Николай встал позади него, положив руки на спинку стула. Доктор со слугами оказался по краям строя. В правом углу Боткин и Харитонов, в левом Трупп и Аня Демидова.

Юровский достал из внутреннего кармана листок бумаги; погоняв желваки, прочел:

— Приговор.

— О, мой Боже... — прошептала Александра Федоровна.

— В связи с вновь открывшимися обстоятельствами все вы приговариваетесь к расстрелу!

— Что-что? — всем корпусом подался к нему Николай. Сердце стеснилось предчувствием скорой развязки.

— А вот что!

Наган Юровского изрыгнул пулю. Началась беспорядочная пальба.

(Но кто это, кто? Чья тень проскользнула между столпившимися в дверном проеме стрелками?!

«Натали», — озарило Глеба. Так вот где она пропадала с 16 на 17 июля! Что это — мистика или сон?! Или я схожу с ума?! Откинув капюшон, девушка встала лицом к убийцам.

— Не смей!

И раскинув руки, заслонила Романовых своим телом.

Но пули летят и летят, не причиняя ей никакого вреда, и рязят обреченных. Они падают, как снопы, и лишь Алеша все пытается встать, но больная нога не слушается, и он стонет жалобно, призывая мать.

— Пощадите мальчика! — кричит пронзительно Натали, и бросается на убийц. — Он-то чем виноват? Не берите грех на душу! Ради ваших детей...

Юровский стряхивает с себя ее бесплотные руки.)

5

Четвертого октября в девять часов утра по верхним этажам Дома Советов ударили танковые орудия. Из окон выплеснулся огонь и повалил дым.

Снаряды были кумулятивные, не оставляющие в зоне поражения ничего живого. Горячий металл взрывался внутри закрытого помещения, превращая в крошево все, что было создано человеческими руками, и самих людей. По неполным данным, было взорвано, расстреляно и забито 1400 человек. Как раз по одному на каждую единицу номера пре-словутого ельцинского Указа...

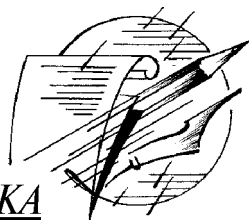
Как ни оболванивали народ, как ни двулична была политика партии и ее правительства, идеалы народовластия вошли в плоть и кровь нескольких поколений. С первым танковым выстрелом они разлетелись вдребезги.

К власти триумфально шествовал буржуа.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

ВВЕДЕНИЕ

Будущее России вызывало в прошлом, вызывает ныне и всегда будет вызывать неослабевающий интерес не только в нашей стране, но и во всём мыслящем человечестве. Причины этого — в неоценимом вкладе России в мировую культуру и в той первостепенной роли, какую наша страна играла в XX веке и, надо надеяться, ещё сыграет в будущем в политической, социальной, экономической и духовной истории планеты. Поэтому прогнозов относительно судьбы и будущего развития России существует множество. Среди них есть оптимистические и крайне пессимистические. Одни разрабатывались друзьями, другие врагами нашей страны. Реже встречались прогнозы, составленные объективными зарубежными исследователями, подходившими к проблеме без предвзятости. Однако работ, которые освещали бы наше будущее в связи с общемировыми тенденциями развития и в то же время с русскими народными идеалами, да ещё и увязывали бы его с конкретным анализом современного положения страны, её внутренней и внешней политики, почти нет.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В нынешней России наиболее яростные споры ведутся между либералами и государственниками, и чаще всего предметом дискуссии оказывается вопрос: пойдёт ли наша страна по пути дальнейших либеральных реформ, чтобы стать «нормальной» капиталистической страной и войти в сообщество «цивилизованных» наций, или же вернётся в той или иной форме к прежнему советскому строю? Вопрос, хотя и поставлен не совсем корректно, всё же не праздный, обсуждаемый не только в СМИ, но и в повседневных разговорах в разных аудиториях, и даже в семейном кругу. И на него необходимо дать ответ.

В 2005 году вышла моя книга «Капитализму в России не бывать!» (сначала опубликованная в журнале «Молодая гвардия»). Я там показывал, что, несмотря на наличие внешних признаков капитализма (частная собственность на средства производства, банки, биржи и пр.), капитализма в России не было, нет и не будет. Не стану тут приводить свою аргументацию, отмечу лишь, что капитализм, при всех его известных пороках, всё же строй производительный. Капиталист производит какие-то материальные блага и получает от этого прибыль, он старается совершенствовать своё производство, чтобы получать прибыль и впредь, по возможности большую. В России же почти все крупные предприятия были захвачены олигархами на залоговых аукционах, по сути, обманным путём и даром. Новые хозяева предприятий стремятся лишь выжать из доставшегося им практически бесплатно всё возможное. А потом, когда выжимать из них будет уже нечего, — бросить их и уехать на Запад, куда эти хозяева переводят свои деньги, куда уже отправили свои семьи и где обзавелись уютными гнёздышками в виде вилл или бывших герцогских замков. Никакого усовершенствования своего производства они не осуществляют, зная, что рано или поздно за наворочанное у народа тем, кто не успеет убежать, придётся отвечать. Прибыль они пускают не на модернизацию производства, а на личное, преимущественно паразитическое потребление. Значит, у нас утвердился не капитализм, а буржуазный строй, ориентированный не на производство, а на непроизводительное потребление. И перспектив его преобразования в производительный капитализм не существует. А это громадный социальный регресс, откат вниз не только от социализма, но даже и от «нормального» капитализма, во многом — путь в Средневековье.

Естественно, у многих читателей возник вопрос: «А что же будет с Россией?». В самом деле, в XX веке мы привыкли к тому, что в современном мире в развитых странах есть только

две общественно-политические системы — капитализм и социализм. Если России вернуться в хорошо знакомый нам социализм советского типа невозможно (как вообще нельзя вернуть отжившее и прошедшее), а капитализму в ней не бывать, то какой же строй в ней установится?

Я отвечаю, что развитие России пойдёт по совершенно новому пути. А то, что учёные, прогнозисты и футурологи не видят этого пути, в значительной мере объясняется зашоренностью их взглядов. Мировая общественная наука по-прежнему оперирует понятиями «капитализм» и «социализм», давно уже утратившими когда-то бывшее в них реальное содержание. Но каким же будет этот новый путь?

На этот вопрос я попытался ответить в другой моей книге «От лжекапитализма — к тоталитаризму!», вышедшей в свет в 2008 году. (Она также сначала появилась в журнале «Молодая гвардия».) Я поставил под сомнение принятую и в СССР, и в постсоветской России характеристику XX века как эпоху борьбы лагеря социализма и лагеря капитализма. И доказал, что это была эпоха возникновения и развития корпоративных и тоталитарных государств, которые уже перестали быть капиталистическими, но не стали и социалистическими. А XXI век, как показывают серьёзные исследования, будет таковым в ещё большей степени. Это не просто новый тип государственности и общественно-политического строя, а совершенно новая эпоха в развитии человечества. Это открытие имеет мировое значение, хотя оно, по ряду причин (в том числе из-за малого тиража книги), осталось незамеченным.

В корпоративном государстве были сняты противоречия между владельцами предприятий и работниками. Те и другие образуют единый трудовой коллектив, работающий в интересах государства, хотя у каждой стороны есть свои права и обязанности. Но работники участвуют в управлении предприятием (в разных странах формы этого участия различны), их представители могли входить в состав совета директоров, контролировать финансы предприятия, иметь его акции и пр.

Если слова «корпоративное государство» ещё воспринимаются нашими интеллигентами более или менее терпимо (может быть, потому, что некоторым из них доводится порой участвовать в «корпоративах» — вечеринках за счёт крупного бизнеса), то выражение «тоталитарное государство» воспринимается ими как воплощение ужаса. Сразу же начинаются разговоры о миллионах жертв массовых репрессий, о мрачных буднях ГУЛага и пр. Между тем, тоталитарный строй — это не те страшилки, какие рассказывают о нём ли-

бералы. Тоталитаризм означает целостность народа, его единение вокруг великой идеи. СССР на рубеже 1930 — 40-х годов был ещё полукорпоративным, полутоталитарным государством. Но не будь во время Великой Отечественной войны в СССР ещё несовершенно, но всё же, хоть и только наполовину тоталитарного строя, не видать бы нам Великой Победы как своих ушей. А в идеале это — строй, при котором общество едино, каждый гражданин причастен к судьбам государства и участвует в управлении этим государством (в известной степени и через соответствующие процедуры), а с другой стороны — является предметом заботы со стороны государства от рождения до смерти. Это не общество всеобщего равенства и справедливости (такое вообще невозможно), но наибольшее реальное приближение к нему. Действительно тоталитарных государств в истории пока не было, но попытки его создания, несовершенные и не обеспечивающие достойного существования всем гражданам, всё же выявили громадный положительный потенциал этой формы общественного устройства.

В названной книге был впервые дан анализ этого явления и обобщён **мировой опыт развития корпоративных и тоталитарных государств**. Начало процессу образования корпоративных государств положил СССР (ещё называвшийся РСФСР) в 1918 году, при национализации промышленности. Нередко бывшие владельцы предприятий становились их директорами и вместе с работниками восстанавливали работу фабрик и заводов в условиях разрыва хозяйственных связей, нехватки сырья и утраты рынков сбыта продукции. Так, хозяин «Трёхгорной мануфактуры» в Москве Иван Николаевич Прохоров «был оставлен после национализации Мануфактуры консультантом-содиректором, поскольку без него она не могла функционировать: он был крупнейшим специалистом, сведущим во всех делах производства».

Но затем Гражданская война, разруха, НЭП (то есть во многом возврат к капитализму), необходимость срочной индустриализации в условиях нехватки ресурсов и существования страны во вражеском окружении помешали развитию этого процесса. Вместо принципа демократического централизма, который составляет сущность подлинно корпоративного или тоталитарного государства, утвердился жёсткий централизм, с полным подчинением «низов» на местах указаниям «верхов» в центре. Лишь с начала 1950-х годов в СССР начинается процесс возрождения корпоративных начал в организации экономики и социальной жизни. Однако даже в период полного господства централизма в экономическом

и государственном строительстве в СССР между директором предприятия и работниками никогда не существовало отношений эксплуатации, господства и подчинения, какие были характерны для капиталистических стран. Обращение их друг к другу «товарищ» не было просто данью формальности. Да и любой директор знал: сегодня он начальник, а завтра... Бог знает, что будет завтра, ибо в СССР спрос с руководящих кадров был очень строгим, за провал порученного дела начальник отвечал головой.

Так или иначе, но эстафету построения корпоративных государств в 1920 — начале 1930-х годов перенял Запад. Наиболее успешными (хотя и без покушения на самые основы капиталистического строя) были опыты Бенито Муссолини в Италии и Франклина Рузвельта в США. Частная собственность на средства производства в корпоративном государстве не отменяется, но она во многом уже перестаёт быть частной. Ибо она подлежит столь строгому государственному регулированию, что частный собственник во многом превращается в подобие государственного служащего. Предприятия объединяются в крупные корпорации, чаще всего по отраслям производства, обладающие довольно широкой самостоятельностью. Это, с одной стороны, способствует развитию инициативы снизу, а с другой — освобождает высшие органы управления от повседневной текучки и позволяет им сосредоточиться на решении стратегических задач. Речь идёт не о создании идеального государственного устройства, каковое на земле невозможно по определению (да и сами корпорации порождают трудные проблемы, достаточно вспомнить такие отрицательные явления из советской жизни, как ведомственность и местничество), а о тех его формах, которые позволяют решать самые главные задачи, какие ставит перед страной эпоха. В большинстве случаев корпоративные государства, особенно в странах, бедных природными ресурсами, возникали в связи с необходимостью вырваться из нищеты и разрухи, обеспечить свою независимость и занять достойное место в ряду развитых держав. Так обстояло дело в Италии, которая по итогам 1-й Мировой войны хотя и была в лагере стран-победительниц, мало что от этого получила, а людские потери и разруха привели миллионы жителей к крайней нищете. В США обстановка была иной, и всё же Великая депрессия рубежа 1920 — 30-х годов поставила под вопрос само существование государства, и многие предсказывали там социальный взрыв, даже социалистическую революцию.

Но дело, конечно, не в одном лишь изменении отношений работников и хозяев. Преобразовывались быт и иные сферы

общественной жизни. В странах, где победил корпоративизм, возникало множество народных театров, домов культурного досуга, кружков художественной самодеятельности и спортивных секций, устраивались коллективные экскурсии работников с целью расширения их кругозора и приобщения к высшим достижениям отечественной и мировой культуры. Поощрялись многодетные семьи, проявлялась особая забота о материнстве и детстве, полицейские отдавали честь беременным женщинам. Вряд ли можно назвать хотя бы одно государство, будь оно хоть самым демократическим, где весной каждый ребёнок проходил медицинскую комиссию, которая определяла, куда его лучше летом отправить для поправки здоровья — в горы или на море. А в корпоративной Италии это было правилом.

Государство стремилось обеспечить свою продовольственную безопасность и потому проводило мелиорацию земель. осушались болота, обводнялись засушливые районы. В самые глухие уголки страны пришли радио и телефонная связь. Ранее бывшую хронической безработицу удавалось в короткий срок ликвидировать, право на труд не всегда провозглашалось, но в большинстве случаев обеспечивалось на деле. Отсюда становится понятен трудовой энтузиазм, охватывающий большинство взрослого и трудоспособного населения, оптимистический настрой большинства народа.

Поскольку корпоративному государству надо было быть способным к защите своих достижений от нападения извне, многие стороны его жизни (такие, как развитие спорта, патриотическое воспитание населения и пр.) имели своей целью и укрепление обороны. Вообще развитие экономики часто носило характер её милитаризации. Но это сокращало возможности быстрого роста жизненного уровня народа. В период особенно напряжённой внешнеполитической ситуации экономика вообще становилась мобилизационной. Однако обороной корпоративные и тоталитарные государства часто не ограничивались. Маниакальной идеей Муссолини было воссоздание римской империи и перевоспитание итальянцев в древних римлян, живших стремлением превратить Рим во владыку мира. И он развязал войну с Абиссинией, которая была им завоёвана. Гитлер вообще мечтал о мировом господстве Германии (хотя здесь всё не так просто, о чём речь пойдёт в дальнейшем). Испания и Португалия были колониальными империями и до последней возможности отстаивали господство над своими колониями.

Но главное было всё же в ином. За формой корпоративного государства скрывались глубочайшие перемены в идео-

логии и мировоззрении. Идеологи корпоративного государства объявили врагами человечества капитализм и безродный интернациональный коммунизм советского типа, марксизм и либерализм. Они возродили культ героев и подняли рядового трудящегося человека, который впервые почувствовал себя творцом Истории. Естественно, и тем вызвали враждебное отношение к себе со стороны самых разных общественных сил как внутри своих стран, так и вовне. Хотя корпоративные государства Запада оставались национальными, их идеологи мечтали о распространении этого строя на всю планету, почитали себя мессиями, перед которыми стоит задача изменить весь мир. А эти идеи воспринимались миллионами людей, потому что только что прошла невыносимо кровавая мировая война (её ещё не называли Первой, ибо людям тогда казалось, что второй раз допустить такое варварство невозможно).

Такое положение было возможно лишь при условии, что всеми сторонами жизни государства руководит одна правящая партия во главе с харизматическим лидером. Эта партия, в отличие от аморфных партий демократических стран, партий, нацеленных в основном на завоевание большинства мест в парламенте, а в промежутках между выборами впадающих в подобие спячки, построена (во всяком случае, её руководящее ядро) по принципу ордена. Существование других партий либо не допускается, либо они не играют политической роли, представляя собой, по сути, или объединения по профессиям, или клубы по интересам.

Естественно, в корпоративном государстве совсем иное понимание и демократии, и прав человека, чем в демократических странах. Гомосексуалистам, например, и в голову не могла прийти мысль устроить свой «парад». Со свободой слова в различных корпоративных государствах дело обстояло по-разному. В одних негласно действовал принцип: «болтай у себя на кухне, что хочешь, но поступай, как надо». В других за всеми разговорам следили, и нежелательные для режима высказывания, мягко выражаясь, не поощрялись. Репрессии в отношении политических противников, например, в Италии, казавшиеся современникам ужасными, в наши дни надо признать весьма мягкими. Это — ссылка на отдалённые острова, где репрессированным предоставлялась полная свобода занятий, требовалось лишь являться в органы охраны правопорядка и отмечаться там. Ссылным выплачивалось пособие, достаточное для скромного проживания, получали пособия и их семьи. Убиты были в общей численности несколько тысяч противников режима. А в Испании, где

корпоративный строй установился после ожесточённой трёх-летней гражданской войны, победители производили массовые расстрелы побеждённых.

Часто великим считают человека, который лишь на историческом переломе оказался в нужном месте и в нужное время. Муссолини был демагог и любитель женщин, он часто менял свои взгляды в зависимости от изменений политической конъюнктуры, но именно он оказался создателем учения о корпоративном государстве. И попал, что называется, в десятку.

Мировая финансовая олигархия в первые годы после мировой войны пребывала в состоянии растерянности. Превжний капитализм свободной конкуренции, анализу которого посвятил большую часть своего «Капитала» Карл Маркс, изжил себя уже давно. Маркс предсказал порождение монополий капитализма на базе свободной конкуренции, а Гильфердинг выделили империализм как характерную черту мироустройства рубежа XIX — XX веков. Ленин на основании трудов Гильфердинга и других авторов написал свою работу «Империализм как высшая стадия развития капитализма». В ней было много ценного для русокого читателя, но представление империализма как очередной стадии развития капитализма было теоретической ошибкой. Империализм — это самостоятельная общественно-экономическая формация. А идеи Муссолини открыли поиск «третьего пути» между капитализмом и социализмом, на что мировая финансовая олигархия первоначально не обратила должного внимания. Больше всего её беспокоило влияние Великой Октябрьской революции в России, искры от этого очага социализма разлетались по всему миру, так что, казалось, следующий пожар может разгореться где угодно. Теория и практика Муссолини беспокоили её куда меньше, чем события в России (тем более, что он не покушался отменить частную собственность на средства производства). И в этом был её просчёт.

Опыт показал, что идеи социализма-коммунизма, провозглашаемые радиостанцией имени Коминтерна в Москве, хотя и воспринимались во всех концах Земли, но оказывали весьма различное влияние на разные народы. В колониях стран Запада на Африканском, Азиатском и Латиноамериканском континентах они способствовали зарождению национально-освободительных движений. А в странах Западной Европы и Северной Америки, хотя там и возникли коммунистические партии, все же они первоначально были малочисленными и, пожалуй, маргинальными. А идеи корпоративизма получили довольно широкое распространение, в

особенности в романоязычных странах, хотя позднее стали значительной силой и в германоязычных народах, особенно в Швеции. Западноевропейские народы, прошедшие через 1-ю Мировую войну, стали после неё мешанскими народами. Революционные выступления (вплоть до возникновения советских республик в Венгрии и Баварии) были жестоко подавлены, но они всё же напугали правящие классы, и те поняли, что, как говорит небезызвестный Лившиц, «делиться надо», в данном случае — прибылями от эксплуатации колоний. Рабочие, «прикормленные» своей буржуазией, по сути, стали соучастниками этой эксплуатации, вовлечёнными в систему капиталистического паразитизма. Рабочие там готовы были бороться за увеличение заработной платы и улучшение условий труда, но они уже не способны были подняться на революцию и пойти, если надо, на гражданскую войну. Опыт Советской России их вдохновлял на борьбу за более высокий уровень жизни и за социальные гарантии, но победы социализма, как у нас, ценой страшного кровопролития, миллионов жертв и неимоверной разрухи, они не желали. Ленина предупреждал об этом Карл Каутский, но в ответ улыбался обвинения в ренегатстве. Ленин, сам проживший много лет в эмиграции на Западе, старавшийся там познакомиться с жизнью и настроениями рабочих, всё же, как оказалось, плохо знал европейский пролетариат и мерил его на российский аршин. Американский рабочий класс был ещё более индивидуалистичен, чем западноевропейский, воспитан, можно сказать, на принципе «ловите миг удачи, пусть неудачник плачет», и кроме как в период Великой депрессии, к идеям социализма относился весьма прохладно.

Муссолини пришёл к власти в период острого кризиса государственности, в результате похода его сторонников на Рим. Им ни армия, ни полиция сопротивления не оказали, и король назначил Муссолини премьер-министром Италии. Случилось это в 1922 году, когда в Советской России Ленин был уже недееспособен, а Сталин ещё был мало известен не только в мире, но и в своей собственной стране. В том году Сталин только ещё занял пост Генерального секретаря ЦК партии, который тогда рассматривался как чисто технический, и еще не успел превратить его в мощное оружие в борьбе за власть. **Муссолини был первым, кто выдвинул лозунг построения социализма в одной, отдельно взятой стране.** А корпоративизм стал мощным инструментом воплощения этой идеи в жизнь. Мировая финансовая олигархия этот момент проморгала, а дальше махать кулаками было уже поздно: идеи, как известно, путешествуют без виз, и силой их не задавить.

Исследованию отдельных корпоративных государств посвящено множество работ, но моя книга, в которой был бы рассмотрен весь процесс развития этого нового типа государств с изложением особенностей каждой страны остаётся **единственной**. И охват процесса в ней — от Италии до Малайзии и от Тайваня до Кубы.

Корпоративные государства, громко заявившие о себе в 1920 — 30-е годы, первоначально воспринимались правящими кругами Запада в целом благожелательно. Например, личностью и деятельностью Муссолини восхищались и Чемберлен, и Черчилль, и Рузвельт. Всё изменилось во время Второй мировой войны. Почти все корпоративные государства Европы и Азии были разгромлены в ходе боевых действий, Муссолини был повешен, Гитлер покончил с собой. Франко и Салазар сохранили власть, но и им пришлось приспособливаться к условиям «демократии». Значительный откат от курса Рузвельта произошёл и в США. Повсюду были реанимированы либеральные и монетаристские идеи. Поэтому в книге, вышедшей в 2008 году, исследование корпоративных государств доведено до 1945 — начала 1950-х годов. Но ведь история на этом не остановилась, и судьбы нового типа государственного устройства нужно исследовать дальше, ибо с самого начала было очевидно, что окончательно и бесповоротно достижения корпоративизма стереть было невозможно. Всегда после революции происходит некоторый откат, её пережлётсы изживаются, возвращается (хотя и в преобразованной форме) многое из старых порядков, но никогда этот старый порядок не восстанавливается полностью и надолго. Вот этой работой я и занимался.

И тут выяснилось, что демократы и либералы всех мастей недолго торжествовали победу. Да, сначала в побеждённых странах в результате дикого наступления либерализма были разрушены все институты корпоративного государства. Но ничто не смогло вытравить из сознания людей труда память о тех социальных благах, которые им давал корпоративизм. Многие итальянцы, например, жившие в период корпоративизма и оказавшиеся после войны в мире рыночных отношений, со слезами на глазах вспоминали прежнее время как самые счастливые годы в своей жизни.

Первые годы после Второй мировой войны в Италии, Германии, Франции, Англии и ряде других западноевропейских стран, а также в Японии, Китае, в прочих азиатских странах, бывших ареной боевых действий, были для основной массы населения годами разрухи и бедности. В Германии, например, рядовому бюргеру нужно было работать несколько лет,

чтобы позволить себе купить новые ботинки, острейшей была жилищная нужда, особенно усилившаяся из-за наплыва беженцев с земель, отошедших к СССР, Польше и Чехословакии. В большинстве стран Западной Европы у власти оказались партии правой ориентации. В побеждённых странах — Германии, Италии и Японии — были прямо поставлены правительства, угодные оккупационным войскам. Но в Италии и Франции в те годы были очень сильны просоветские настроения, большим влиянием пользовались коммунистические партии, объединявшие миллионы членов. Мировая финансовая олигархия не без оснований опасалась социалистической революции в этих странах. Коммунисты не могли, естественно, бороться за восстановление корпоративного строя, ибо он в глазах общественности отождествлялся с фашизмом, с которым страны антигитлеровской коалиции боролись. Но они оказывали мощное давление на правящие круги своих стран, чтобы добиться социальных гарантий для людей наёмного труда. Первоначально они даже входили в состав коалиционных правительств.

Переломным моментом оказалась разработка США «плана Маршалла», по которому страны Западной Европы получали американскую помощь ценой фактического отказа от своего суверенитета и передачи ключевых позиций в экономике американским монополиям. Этот план гарантировал США использование своего промышленного потенциала на полную мощь, несмотря на прекращение военных заказов, и, значит, возможность избежать массовой безработицы и неизбежных при этом социальных потрясений. В страны, согласившиеся со всеми условиями получения американской помощи, пошёл поток американского продовольствия и прочих товаров первой необходимости, а также техники, требующейся для восстановления разрушенного войной производства. Но одним из условий для страны, желавшей получить эту помощь, было исключение коммунистов из правительства. Это условие в Западной Европе повсеместно было выполнено.

Окончательным ударом по позициям коммунистов стали XX съезд КПСС и доклад на нём Хрущёва о преодолении культа личности. После этого в странах Запада началась подлинная антисоветская и антикоммунистическая истерия, и коммунистические партии там оказались без идейных ориентиров и без видения перспективы своего движения, потеряли большинство своих членов и утратили сколько-нибудь значительное влияние в народе. Более важную роль в политике стали играть другие партии социалистической ориентации

(социалисты, социал-демократы и пр.), которые не собирались поднимать народ на революцию, а нацеливали его на переход к социализму мирным путём, через свободные демократические парламентские выборы.

И вот «промежуточный итог». Без каких-то внешних воздействий, в силу объективных законов общественного и экономического развития в десятках стран мира, в первую очередь в Западной Европе, стали снова пробивать себе дорогу идеи корпоративного обустройства хозяйственной и социальной жизни. Но уже на ином, в некоторых отношениях более высоком уровне. Через два десятка лет после того, как либералы торжественно провозгласили конец тоталитарных и корпоративных режимов, их ждало горькое разочарование. Во всех развитых странах Западной Европы образовались «государства всеобщего благосостояния» (как в ФРГ при Эрхарде) и разные виды «государственного социализма» (особенно известен «шведский социализм», впрочем, почти такой же утвердился и в Дании, и в Норвегии, и в Финляндии).

Западная Европа только другим народам внушает необходимость следовать либеральным догмам, а сама уже превратилась, после объединения в Европейский Союз, в корпоративное супергосударство с плановой экономикой при сохранении (в большой степени формальном) частной собственности на средства производства. **Ныне практически все развитые страны мира — это неокорпоративные государства, развивавшие те основы, что были заложены корпоративными государствами 1920 — 30-х годов. Вся Европа, по сути, стала социалистической** (в разных формах), не говоря уж о том, что почти везде у власти — социалисты или социал-демократы (правда, периодически уступающие власть правым партиям, а затем обретающие её вновь). Если наиболее ярким примером корпоративного государства в довоенный период служила Италия, то сегодня им можно считать Швецию.

Бывший мэр Москвы Юрий Лужков (который наряду с решением проблем развития столицы и обустройством личных дел опубликовал более десяти книг о современном капитализме и месте России в мировой капиталистической системе), утверждал, что в XX веке боролись между собой две модели социализма — советская и шведская, и последняя вышла победительницей. Мне пришлось обстоятельно разобраться в шведской модели, в результате выявилась довольно неприглядная картина. Воспользуюсь материалами журналиста Андрея Борцова, который раскрыл сокровенную тайну шведского благосостояния, заглянув в историю этой страны.

В XVII веке Швеция — великая держава и ведет войны чуть ли не со всеми государствами в Европе. Но в XVIII веке Россия разбила шведов в Северной войне и вернула свои старинные земли на Балтике. Швеция поняла, что ей в войнах лучше не участвовать. Пусть соседи воюют, расходуя ресурсы и людей, а Швеция — нет. А если видит выгоду помочь без участия в войне непосредственно — помогает. Понятно, что с выгодой для себя.

XIX век был расцветом Европы. Европейцы выкачивали ресурсы из колоний. А Швеция колоний не имела, многие продукты и виды сырья ей приходилось закупать... И скоро Швеция стала самой бедной страной в Европе. Из нее эмигрировала четвертая часть всех жителей — из-за голода.

Шведов выручила Первая мировая война. Военные заказы воюющих стран подняли шведскую экономику, страна вышла в мировые лидеры по производству на душу населения. Началось введение различных социальных гарантий — отнюдь не из-за заботы о народе. Шведы должны были жить хорошо, чтобы не разбежаться из страны, а работать ради прибыли владельцев промышленных предприятий. Условие такого существования — создание прочного внутреннего социального мира путем обеспечения высокого жизненного уровня и социальных гарантий. **«Шведский социализм» как система — это использование чужих бед как основы жизни государства на долгий исторический период.** Что ж, социализм — национален, а благо своей нации дороже любой другой. Но стоит измениться внешним факторам, и наступит кризис. Социализм подразумевает заботу о нации, и поэтому не может основываться на системном паразитизме (наоборот, он должен иметь вариант автаркии на случай форс-мажора).

В годы Великой депрессии шведы подтянули пояс и начали ждать новую войну. Она пришла, и Швеция выполняла военные заказы для гитлеровской Германии (вплоть до осени 1944 года). И её дела снова пошли в гору. В расчёте на душу населения Швеция стала богатейшей страной в мире на фоне послевоенной разрухи в других странах. Вот такой социализм и такой корпоративизм!

Хотя эпоха неокорпоративизма в Западной Европе не породила крупных теоретиков этого строя, его практика выдвинула несколько крупных деятелей, таких, как Эрхард и Аденауэр (они действовали в связке, несмотря на частые противоречия) в ФРГ, де Голль во Франции, де Гаспери в Италии (об их деятельности в книге будет подробно рассказано). Они сумели не просто выработать новый тип корпоративного государства, но и преодолеть многовековую взаимную вражду

между этими тремя странами и заложить основы Объединённой Европы. По сравнению с ними нынешние руководители стран Европы кажутся пигмеями.

Сходная картина в корпоративных государствах и на других континентах. Легендарный Махатхир бин Мухаммад принял бывшую колонию Малайзию в состоянии полной разрухи, в условиях острых конфликтов между тремя главными этническими группами населения — малайцами, китайцами и индийцами. И за 22 года (до 2003) его пребывания на посту премьер-министра страна преобразилась. Появились города с самыми высокими небоскрёбами, город информационных технологий, в ряде отношений превосходящий Силиконовую долину в США. К традиционным отраслям промышленности добавились электроника, производство компьютеров и ряд других высокотехнологичных производств. Махатхир создал оригинальную экономическую систему, которую в мире так и называют «махатномикой», и смело бросил вызов международному финансовому капиталу, спровоцировавшему финансовый кризис, в результате которого многие страны Азии за один день обеднели в пять раз! Малайзия же устояла благодаря мудрой финансовой политике премьера. А самое главное — он поставил своей целью перевоспитать собственный народ, малайцев, привыкших к жизни в условиях колониального порабощения, чтобы они могли достойно существовать в условиях постиндустриального общества. Вся страна была охвачена учёбой, телевидение передавало не пошлые боевики и мелодрамы, а образовательные программы. Крохотная Малайзия смогла достичь высокого уровня жизни и стать примером того, чего могли бы добиться другие азиатские страны. Найдите такого государственного деятеля в демократических странах!

Не менее легендарна фигура премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, который с полным правом мог назвать свою книгу об итогах своего правления «Сингапурская история: из «третьего мира» в «первый». Рывок на протяжении жизни одного поколения из нищей колонии в ряд стран с наивысшим ВВП на душу населения не впечатлит только ко всему равнодушного человека.

Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара уже вошли в историю, как бы ни обернулась в дальнейшем судьба Кубы.

Ныне, после свержения режима Муаммара Каддафи в Ливии, на него льют потоки грязи, чтобы оправдать своё участие в войне против этой страны или пособничество интервентам. Но вряд ли найдётся среди современных руководителей демократических стран хоть один, кто сделал бы для

блага своего народа столько, сколько он (см. мою статью о нём в № 11-12 «МГ» за 2011 г.). Пришедшие ему на смену — в большинстве своём — форменные бандиты, которые, едва взяв власть, уже перегрызлись между собой. А ливийский народ скоро оценит те блага, какие он имел при режиме Каддафи и которых теперь лишился,

После краха СССР обстановка в мире снова изменилась к худшему. Почти во всех странах Западной Европы началось наступление реакции на социальные завоевания трудящихся. Размывается средний класс — эта опора современного неокорпоративного режима, урезаются социальные расходы, повышается возраст выхода на пенсию и пр. Все тяготы кризиса, начавшегося в 2008 году, правящие классы стараются переложить на плечи тех, кто трудится по найму или занят в малом бизнесе. Дал трещины и «шведский социализм», пришлось ему приспособливаться к условиям ЕС, а это уже приближение конца «государства — Народного дома».

США пока имели возможность погашать пожар кризиса бесконтрольным печатанием ничем не обеспеченных долларов, этой ныне единственной мировой резервной валюты. Но это время кончается. И скоро, вероятно, им придётся пойти на серьёзное снижение жизненного уровня своего населения, а это чревато опаснейшими последствиями для правящего режима. Уже сегодня можно говорить об исчезновении среднего класса в Америке как мощной социальной прослойки, оплоте демократии в этой стране. И, судя по некоторым данным, режим готовится к возможному там социальному взрыву. Если верить интернет-журналу «Геополитика», в США скрытно создается широкая сеть концентрационных лагерей и изготовлены сотни тысяч пластмассовых гробов, и никто не может объяснить цель этих мер. США под прикрытием лозунга о необходимости борьбы с международным терроризмом быстро идут к созданию авторитарного или даже тоталитарного государства, которое многие западные исследователи не без основания называют фашистским. И вовсе небезосновательным представляется вывод журналиста Александра Нагорного:

«...властям США и Европы в условиях спада предстоит буквально «резать по живому» и радикально снижать уровень жизни собственного населения, что означает не простую коррекцию политической системы, а возникновение авторитарных профашистских режимов по типу описанной еще Джексом Лондоном «железной пяты». Разумеется, здесь будет использован и российский опыт последнего двадцатилетия — наша страна в деле люмпенизации и геноцида собственного населения оказалась явно «впереди планеты всей».

При этом понадобится — как минимум, в национальных масштабах — жёсткое планирование экономики, выходящее за пределы отдельных, даже самых крупных, субъектов рынка, то есть транснациональных корпораций.

Отсюда уже сама собой вытекает... угроза новой мировой войны с сотнями миллионов жертв и грандиозными разрушениями имеющейся техносферы. Это будет война не только за ресурсы и за сохранение финансовых и экономических привилегий западных «элит». Это будет война на истребление «лишних ртов» по всему миру.

Именно такой сценарий развития событий представляется сегодня наиболее вероятным, и именно к нему необходимо готовиться нашей стране, которая должна исключить любые попытки решить чьи-то проблемы за наш счёт» («Завтра», 2011, №35).

Но об этом говорят мало и как-то вскользь. А ведь это — самые существенные изменения всего общественного устройства, хотя не производящие пока столько же шума, как революции и гражданские войны.

Процесс возрождения корпоративных государств на Западе идёт, но идёт робко и непоследовательно, с частыми откатами назад, что грозит обернуться там невиданным застоём, чреватым опасностью всеобъемлющего разрушения производительных сил. При этом там происходит, всё ускоряясь, процесс невероятного разрушения самой человеческой личности, «расчеловечения человека», и всплывают такие давно забытые корни и пороки мировидения западного человека, какие приводят в ужас любого беспристрастного наблюдателя, воспитанного на фундаментальных ценностях культуры и незыблемых нормах нравственности, общих для всех мировых религий и наиболее авторитетных мыслителей и учителей человечества. Западный мир всё более раскалывается на кучку «новых кочевников»: это ядро «золотого миллиарда», и сотни миллионов оболваненных людей, в массе уже теряющих человеческий облик. И этот процесс во многом стимулируется искусственно «хозяевами жизни» в целях, о которых можно только догадываться, хотя и очевидно, что эти цели крайне неблагоприятны. Если Запад не пойдёт по пути усовершенствования корпоративного государства, ему остаётся единственный путь — к фашизму (не к нацизму!). Статьи типа «США идут к фашизму» появляются всё чаще. Впрочем, Западная Европа не отстает от Штатов, а в некоторых отношениях и перещеголяла их.

Поэтому в новой моей книге излагается не только сам процесс развития неокорпоративных государств, но и показы-

ваются корни (порой тысячелетние и потому многими забытые) тех аномалий, которые поразили в наши дни западный мир. Хочу подчеркнуть, что процесс дальнейшего развития корпоративных государств в послевоенный период (можно сказать, до наших дней) с учётом легитимации пороков многовековой давности и узаконенных отклонений от норм традиционной морали опять-таки проанализирован только в книге, ныне предлагаемой вниманию читателей.

У нас многие уже забыли, что Западная и (по большей части) Центральная Европа — это германский мир, государства, образованные когда-то германцами. Племена германцев (франки, бельги, вандалы, готы, лангобарды, тюринги, тевтоны, англосаксы, юты и др.) в процессе Великого переселения народов заняли часть Центральной Европы и вышли к границам Западной Римской империи.

Чтобы не повторять сказанного о германцах в предыдущей книге, отмечу лишь, что их отличали воинственность, жестокость, жажда богатой военной добычи и анархические наклонности: они никому не желали подчиняться, и лишь на время похода за добычей выбирали себе предводителя. Земледелие было для них лишь страховкой на всякий случай, они предпочитали ему войну.

Они разными способами просачивались через границы империи, селились в её пределах, а когда она ослабела, совершали сокрушительные набеги на её города, в том числе и на сам Рим, и, в конце концов, сокрушили её. Те племена, которые заняли территории с преимущественно римским или романизированным населением (саму нынешнюю Италию, Галлию — нынешнюю Францию, Испанию или Португалию), смешавшись на протяжении веков с коренными народами, образовали к нашему времени государства с языками романской группы. Те племена, что остались на территориях, где влияние римской культуры было менее существенным, образовали страны с языками германской группы. Русские евразийцы 1920 — 30-х годов, ещё будучи в эмиграции, обозначали Западную Европу как романо-германский мир.

Но и этот мир не оставался неизменным, он подвергался влияниям со стороны различных культур. Сначала это было, естественно, влияние культуры Рима, особенно усиливавшееся по мере принятия варварами христианства и, соответственно, власти католической Церкви (раскол её, с отделением протестантизма, произошёл только в XVI веке). Христианизация германцев была крайне поверхностной, в их жизни, наряду с Христом и Его святыми, важное место занимали древние боги, прежде всего бог войны.

Даже среди германцев, отличавшихся жестокостью, выделялись викинги — морские разбойники со Скандинавского и Ютландского полуостровов, одержимые страстью к разрушению. Земля, подвергавшаяся их набегам, обращалась в безжизненную пустыню.

Эпоха Возрождения ознаменовалась открытием творений культуры Древней Греции, и все страны Западной и Центральной Европы (хотя и в разной степени) испытали сильное её влияние, не всегда благотворное. (У нас вообще в массах существует совершенно превратное представление о древнегреческой культуре, которой, наряду с шедеврами красоты, были присущи немыслимо страшные пороки.)

На протяжении всей истории Европа подвергалась влиянию семитских народов (финикийцев, арабов, евреев и др.). Финикийцы занимались торговлей и разбоем по всему Средиземноморью и основали там свои колонии. Одной из них был знаменитый Карфаген, основанный ещё в 825 году до н.э. (то есть раньше, чем Рим). Он завоевал Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и южную Испанию, превратившись в могущественную державу. В период своего могущества Карфаген держал в своих руках ключи от всех торговых и культурных связей Южной Европы. Но Карфаген проиграл более чем столетние Пунические войны с Римом и был разрушен.

Арабы, выйдя с Аравийского полуострова, завоевали почти всё восточное побережье Средиземного моря и Северную Африку, перешли через Гибралтарский пролив и завоевали почти весь Пиренейский полуостров. И хотя их дальнейшая экспансия в Европу была остановлена, большая часть Испании и Португалии на несколько столетий была под их владычеством. Влияние арабской культуры на европейцев трудно переоценить.

Евреи появились в Европе в незапамятные времена, но особенно их проникновение усилилось после разрушения Иерусалима римлянами, когда в Вечный город и в другие города империи были приведены десятки тысяч пленных евреев, обращённых в рабов. Однако они со временем не просто освободились от уз рабства, но и взяли (не все, конечно, голытьбы и у них хватало) в свои руки финансы, а впоследствии заняли ключевые позиции во многих сферах жизни европейских (и не только европейских) стран. Их влияние на характер и менталитет европейцев было весьма существенным.

Все эти влияния, тесно переплетаясь, превратили европейцев совсем в другие существа, чем те, какими они были изначально, когда германцы пришли на эти земли.

Во избежание повторений развитие корпоративных начал в государственности Италии, Германии, Испании, Португалии и США рассматривается только за послевоенный период. А соответствующие тенденции в развитии Франции, Великобритании, Дании, Норвегии и Финляндии — стран, которые в книге 2008 года вообще не изучались, прослеживаются за более значительные сроки.

Это не абстрактные упражнения и не игры в терминах. Рассмотренные в книге процессы имеют непосредственное отношение к России, к жизни каждого из нас. В России происходит почти не замечаемый многими процесс изживания остатков либералистского подхода и возрождения многих сторон советского образа жизни. Вскоре этот процесс примет лавинообразный характер, и эта лавина похоронит под собой остатки режима либералов. И я доказываю, что и **нынешняя Россия неизбежно пойдёт по пути установления корпоративного государства**. Вообще отказаться от частной собственности (на советский образец) у нас невозможно: её готовы отстаивать не только олигархи, но и миллионы владельцев квартир, дач, садовых участков и пр. Но и оставлять страну с нынешним беспределом частников, которые ради своей прибыли готовы травить народ негодными продуктами питания, перевозить людей на разваливающимися самолётах и судах типа «Булгарии» и пр., тоже невозможно. Быстро ухудшающаяся экологическая обстановка, появление всё более сложных технических систем делают вообще частника совершенно непригодной для современности фигурой в сфере управления производством. А выход из этого тупика — корпоративное государство русского типа, опирающегося на наш национальный менталитет и вековые традиции.

Интерес к данной проблеме проявляют и российские власти. И уже «Единая Россия» на своём официальном сайте помещает доклады об опыте консервативной модернизации (то есть, по сути, построения корпоративного государства) в разных развитых странах мира. (Но суть корпоративного государства и тут не раскрывается.) Всё чаще в российской прессе появляются статьи типа «Россией нужно управлять, как Рувельт».

По моему заключению, если говорить о ближайшей перспективе, то **единственный достойный выход для России из той экономической, социальной, культурной, нравственной и интеллектуальной разрухи, в которую её ввергли либеральные реформаторы, заключается в построении корпоративного государства**. Иного достойного пути у нынешней России нет. Точнее говоря, он есть, но он таков, что лучше бы его не было. Этот

иной путь заключается в создании «корпорации-государства» (КГ), как его называют профессор Андрей Фурсов, Валерий Соловей и ряд других исследователей.

При кажущемся сходстве этих двух терминов они обозначают два принципиально разных пути развития страны.

Корпорация-государство — это государство, правящая элита которого рассматривает страну как корпорацию, имеющую целью получение максимальной прибыли за счёт минимизации расходов. В такой стране развиваются лишь те производства, которые рентабельны и конкурентоспособны на мировом рынке, а из населения признаются полезными лишь те граждане, которые работают на этих эффективных производствах. Остальные производства, как и прочее население, с точки зрения названных выше целей государства (явно или неявно), считаются излишними. Излишни старики-пенсионеры, которые не только не вносят вклада в ВВП, но ещё и потребляют ресурсы, которые можно было бы отправить на экспорт и получить за это валюту. По той же причине излишни дети, а также женщины-матери в период беременности и первые месяцы ухода за ребёнком.

Впрочем, перечень «излишеств» этим не ограничивается. Излишни отечественные инженеры, другие специалисты, как и квалифицированные рабочие, подготовка которых требует длительного времени и больших затрат. Вместо них можно пригласить иностранцев, особенно в период кризиса, когда за границей большие трудности с получением работы. Но и отечественные неквалифицированные рабочие также оказываются излишним, потому что их можно заменить мигрантами, согласными трудиться за меньшую плату и в средневековых бытовых условиях (по сути, рабами). (Кто не верит, пусть попытается устроиться в Москве на работу дворником.) Поскольку львиная доля отечественной рабочей силы оказывается излишней, надо минимизировать расходы на её содержание, снижая пособие для своих граждан ниже уровня оплаты приезжих рабов. Излишней оказывается фундаментальная наука: деньги на неё надо тратить сейчас, а прибыль получишь через десяток лет, если получишь вообще (с учётом рисков — гипотеза может оправдаться, а может, и нет). Вообще для корпорации-государства характерно стремление получить прибыль в кратчайший срок. Поэтому там вообще не в моде долгосрочные проекты, разрабатываемые для обустройства страны, для блага не только ныне живущих граждан, но и последующих поколений. Излишними будут и образование, и здравоохранение: «хозяйева жизни» могут пользоваться дорогостоящими платными школами и поликлини-

кам как у нас, так и за рубежом. Читатель, дав волю своему воображению, может сам пополнить список этих излишеств.

Естественно, для такой страны характерна всесторонняя деградация — однобокое развитие экономики, обнищание и снижение уровня интеллектуальных способностей населения и быстрое сокращение его численности. Корпорация-государство, по Фурсову, «адекватно «глобальному финансовому Франкенштейну» — глобальной экономике, которая не просто криминальна, а в которой грань между криминальной и легальной сферами стёрта» («ЛГ», 2007, № 22—23). Замечу попутно, что президент РФ Дмитрий Медведев заявил 7 февраля 2011 года: «Почти невозможно в ряде случаев отличить, где заканчивается та или иная организованная преступная группировка и начинаются бизнес-сообщества или структуры власти. В этих коррупционных связях участвуют правоохранительные, контролирующие и иные структуры власти. Прямая обязанность полиции — изобличать тех, кто торгует служебными полномочиями».

Я не стал бы расписывать пороки корпорации-государства, если бы в нынешней России не наблюдались (и не нарастали) тенденции, характерные для этого типа государственности.

Корпоративное государство или государство-нация, в противоположность корпорации-государству, — это, прежде всего, национальное государство. Не мировой рынок определяет, быть или не быть данной стране, а политическая воля народа и выражающая его коренные интересы правящая элита. В корпоративном государстве частная собственность на средства производства не отменяется, однако владельцы предприятий в ещё большей степени, чем в предвоенных государствах этого типа, строят их работу в соответствии с нуждами и планами государства и при соблюдении интересов как предпринимателей, так и наёмных работников, всего единого трудового коллектива. Советский опыт представляет собой неисчерпаемый (и ныне практически не востребованный) кладезь идей и методов, которые могут быть использованы при разработке теории и практическом воссоздании корпоративного государства.

В современной России корпоративное государство может быть построено лишь сознательными усилиями власти и общества. Если такого стремления у них нет (а оно пока не наблюдается), то само собой, даже без особых усилий будет складываться корпорация-государство с односторонне развитой экономикой (основанной преимущественно на добыче и экспорте природных ресурсов) и вымирающим населе-

нием. Такое государство стихийно (в смысле отсутствия продуманного плана) складывалось у нас при Ельцине, в дальнейшем этот процесс удалось притормозить и даже в некоторых отношениях повернуть вспять. Однако осознанного стремления к построению корпоративного государства также не наблюдается, в основном, по-видимому, из-за отставания теории и сопротивления олигархического капитала и коррумпированного чиновничества, и это грозит большими бедами нашей стране.

Неожиданно для меня я получил поддержку со стороны выдающегося исследователя проблем русской цивилизации, директора Института русской цивилизации, доктора исторических наук Олега Платонова. Он прислал мне свой доклад «Духовные ценности Святой Руси и корпоративное государство», с которым выступил в Риме на конференции национальных сил Европы. Для О.А. Платонова построение корпоративного государства в современной России — это необходимый промежуточный этап на пути к восстановлению в нашей стране православной монархии. К тому же важнейшие элементы корпоративного государства — община и артель — имеют в нашей стране многовековые корни. Поэтому корпоративное государство в России не есть что-то надуманное или навязанное сверху (а такие явления бывали в нашей истории), а в значительной мере представляет собой возвращение к нашим историческим традициям.

Вместе с тем, О.А. Платонов сознаёт и не скрывает от своих читателей и слушателей (на многочисленных читательских конференциях), что в современной России условия для восстановления православной монархии пока отсутствуют, наше общество к этому не готово. Православный монарх — это помазанник Божий, а чтобы общество признало Его таковым, оно должно быть религиозно настроенным, состоять в большинстве своём из верующих людей.

Сегодня в России убежденных атеистов, тем более — воинствующих безбожников, почти не осталось, редкие выступления академиков и иных деятелей культуры в защиту возможностей оставаться атеистами надо расценивать как некие проявления атавизма или боязни излишней клерикализации общества. Но и число твёрдо верующих, воцерковленных православных, не только соблюдающих установленные Церковью посты и обряды, но и живущих пред Лицом Господа, оценивающих каждый шаг в своей жизни и деятельности с позиции ответа за них перед Богом, тоже сравнительно невелико. Большинство русских людей (в данной работе я говорю исключительно о русском народе) считают себя

православными, но многие из них проявляют себя на деле таковыми, возможно, лишь в критические моменты жизни, а в повседневном быту ведут себя почти как язычники. Исторический опыт показывает, что массовое возвращение людей к действенной вере в Бога происходит чаще всего после каких-либо общенародных несчастий и социальных катаклизмов, чего в ближайшем будущем, хотелось бы надеяться, нам удастся избежать.

Итак, восстановление православной монархии в России не есть непосредственная задача сегодняшнего дня, хотя сдвиги общественного мнения в этом направлении несомненны, что подтвердилось в ходе голосования телезрителей по проекту «Имя России»: Император Николай II вышел на одно из первых мест (наряду с Иосифом Сталиным и святым благоверным великим князем Александром Невским). Но этим обстоятельством могут воспользоваться и силы, замышляющие действия, опасные для судеб государства. Вот лишь одно из свидетельств тому:

«Информационная кампания по прославлению последнего российского императора Николая II, исторической реабилитации дома Романовых и демонизации «советского проекта», к которой активно подключились многие иерархи Русской Православной Церкви, а также некоторые «знаковые» деятели медиа-пространства (Глеб Панфилов, Никита Михалков и другие) была вброшена через структуры РПЦЗ «мозговыми центрами», близкими к демократической партии США, передают наши источники в Филадельфии. Сверхзадачей данного проекта якобы является установление в Российской Федерации конфедеративной конституционной монархии (желательно — по модели с регентством и участием «кирилловской» ветви дома Романовых), после быстрого «среза» которой распад страны на множество мелких квазигосударственных образований можно будет считать обеспеченным...» («Завтра», 2008, №29).

Захотят ли православные монархисты установления такой «православной монархии» «здесь и сейчас»? Вряд ли. Значит, ныне для них скорее должна идти речь о подготовке общественного сознания к восстановлению подлинной монархии, о просветительской и организационной деятельности. А корпоративное государство нужно строить сегодня, иначе стране грозят неисчислимые беды. Но даже если бы сторонники православной монархии и решили сами, вне союза с другими патриотическими общественными силами, строить сегодня корпоративное государство, эта задача была бы им не по силам ввиду их пока малочисленности и слабого влияния в обществе. Поэтому данную задачу надо решать объединён-

ными усилиями всех патриотических сил, которые при правильной нашей работе охватят подавляющее большинство русского народа. Вне этого мощного всенародного движения останутся лишь олигархи, для которых Россия — только территория для наживы, а настоящая жизнь — за границей, да прислуживающие им либералы и, наконец, обыватели, которым нет дела ни до чего, прямо их не касающегося.

Объективные условия для такого объединения всех патриотических сил есть. У нас есть сторонники «Русской доктрины» и «Проекта Россия», получивших поддержку со стороны Русской Православной Церкви и некоторых кругов патриотической общественности. Есть пропагандисты идеи «Пятой империи» (круг Александра Проханова и других авторов газеты «Завтра»). Есть несколько движений «современных евразийцев» и т.п., не говоря уж о миллионах граждан, тоскующих по утраченным социальным благам советского времени и по величию страны и не сознающих, что эти блага и это величие были следствием во многом корпоративного характера государства того времени.

Но все эти отряды имеют целью построение в России православной монархии. Но это и неудивительно. Даже в рядах Белого движения во время Гражданской войны в России далеко не все были монархистами. Большинство придерживалось концепции «непредрешённости», выступая за созыв Учредительного Собрания, которое и решит, какой государственный строй будет установлен в стране. Тем более естественны разногласия по этому вопросу в наше время. И православные монархисты в таких условиях должны представлять собой не замкнутую секту ожидающих наступления подходящих условий для восстановления монархии, а авангард всех сил, выступающих за ликвидацию последних остатков ельцинщины. Имея свою дальнюю цель, они должны выдвинуть цель ближайшую, которая могла бы сплотить всех русских патриотов.

Но для объединения разных отрядов патриотического движения недостаточно лишь духовных ценностей Святой Руси, для этого **нужно возродить Русский идеал во всей его полноте — как его религиозную, так и мирскую, светскую составляющие.** Русский идеал воплощали в своих духовных исканиях и в своём творчестве не только преподобные Сергий Радонежский, Серафим Саровский и другие светочи Православной Церкви, но и Пушкин и Достоевский, Глинка и Чайковский, преподобный Андрей Рублёв и Василий Суриков и тысячи других творцов и искателей правды, не говоря уж о многомиллионной народной толще.

Наследник российского престола, сын Великой княгини Марии Владимировны и принца Прусского Франца-Вильгельма Гогенцоллерна, Великий князь Российский Георгий Михайлович в интервью газете «Завтра» заявил, что не исключает возможности когда-то в будущем *«возглавить не только династию, но и свою страну. Конечно же, это может произойти лишь в том случае, если монархический принцип будет вновь востребован российским народом. Если настанет день, когда я буду призван к этому служению, я не уклонюсь от него»*.

Великий князь следующим образом высказался по вопросу о ценностях, которые могли бы быть положены в основу возрождённой российской монархии:

«Восстановление монархии ни в коем случае не может быть реваншем. Император Николай II отрекся от престола именно в надежде всех примирить и предотвратить братоубийство. Российский Императорский Дом не принимал участия в гражданской войне, когда она всё-таки разразилась. Мы не «красные» и не «белые», и у нас не может быть реваншистских настроений. Революция является страшной национальной трагедией. Наша Династия очень сильно от нее пострадала. Но пострадал и весь наш народ, в том числе непосредственные творцы и участники революции с обеих сторон. Если наши мысли и желания устремлены в будущее, мы должны перестать бередить старые раны и вспоминать друг другу обиды. Моя мать постоянно призывает соотечественников искать не то, что разъединяет, а то, что сближает всех нас. Если мы хотим вернуть России ее место в мире, нам нужно не продолжать обвинять друг друга, а научиться прощать и просить прощения. И идти вперед с доброжелательностью и солидарностью, а не с ненавистью и мстью».

Монархия — это идея истинного народного единства. Будучи законной и наследственной, то есть непрерывной в историческом времени, она объединяет граждан страны не только ради каких-то сиюминутных целей, а исходя из многовековых традиций, во имя настоящего и ради будущего. Монархия обязана учитывать любой опыт — и положительный, и отрицательный. Забывать, действительно, не следует ничего, чтобы избежать повторения зла. Необходимо давать моральную и правовую оценку событиям прошлого. Например, ничем нельзя оправдать воинствующий богоборческий характер тоталитарных режимов и творимый ими классовый или расовый геноцид, когда миллионы людей были истреблены за то, чего они ни при каких обстоятельствах не могли изменить, — за их национальное или социальное происхождение. Но, осуждая преступления и ошибки, с грязной водой не надо выплескивать и ребен-

ка. В советский период в жизни нашего народа было много светлого и героического. Мой прадед государь Кирилл Владимирович и мой дед государь Владимир Кириллович всегда прилагали четкое различие безбожную и бесчеловечную марксистско-ленинскую идеологию и творчество народного духа, которое разрывает любые оковы.

Российский Императорский Дом уверен, что монархия — это современный и прогрессивный государственный строй, у которого есть будущее. Он способен к синтезу положительного опыта всех периодов нашей истории, в том числе и советского. Еще мой прадед в одном из своих обращений высказал очень правильную мысль: «Не нужно уничтожать никаких учреждений, жизнью вызванных, но необходимо отвернуться от тех из них, которые оскверняют душу человеческую». Я полностью разделяю эту точку зрения. Такова моя позиция».

В настоящей работе я использовал некоторые положения упомянутого выше доклада О.А. Платонова. Но в историческом обзоре развития корпоративных государств в разных странах мира в XX и в начале XXI века особый упор сделан на то, какие стороны этого мирового опыта могут оказаться полезными для современной России. В заключительной главе излагаются соображения об особенностях будущего корпоративного Русского государства, насколько сегодня возможно их предвидеть. Частично перспективы России рассмотрены в моей книге «Цель номер один. План оккупации России», вышедшей в издательстве «Алгоритм» в 2011 году. (Название дано издателем, журнальный варрант, печатавшийся в «Молодой гвардии», назывался: «Россия XXI века. Путь к мировому лидерству».)

Судя по всему, для всего мира наступают трудные времена. Поскольку центр деловой активности в наступившем столетии перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, единый Запад окончательно расколется. Философ, общественный деятель, эксперт по вопросам политического ислама Гейдар Джемаль констатирует: «Сейчас в США очень большие сегменты современной экономики стали не нужны, так как весь мир ввозил товар на территорию США, чтобы заработать бумажные доллары. Люди привозят товар, получают за это напечатанные нарезанные бумажки и счастливы. Когда эта страна была кузницей оружия; в Первую и Вторую мировые войны США полностью себя обеспечивали. А сегодня это страна, которая только ввозит и сама ничего не производит. Она уже не может завалить мир тушенкой, джинсами, оргтехниккой. Джинсы шьются в Сингапуре, Китае. 90 процентов продающейся оргтехники сделано не в Соединен-

ных Штатах. И если придет хаос, американская экономика рухнет». Ну, наверное, не рухнет. США и Япония останутся на переднем крае мировой политики, хотя и пройдут через серьёзнейший кризис. А Западная Европа впадёт в длительный период застоя и деградации, из которого нет выхода. Это только усилит её агрессивность. Европейцы ведь отождествляют цивилизацию только с Европой, они — цивилизационные и социальные расисты. Остальные народы мира — это «дикари», которых как раз европейцы и призваны цивилизовать. Европейцы кичатся своим прошлым, великим вкладом, какой их предки внесли в развитие человеческой культуры. Но, как замечает Олег Платонов, *«великие произведения искусства, которыми я восхищался в музеях Западной Европы, имеют такое же отношение к современным европейцам, как египетские пирамиды к нынешним жителям Египта. Нет связи, нет преемственности, другой менталитет. Особенно это ощущается в Италии. Эта страна поражает величием своего древнего искусства и одновременно пошлостью и ничтожеством современной жизни. Средний итальянец — энтузиаст в потреблении и любитель зрелищ и попсовой музыки, величие древнего искусства существует для него только в денежном выражении»*.

Не лучшего мнения Платонов и о немцах. Он отмечает *«чисто немецкую черту превосходства над другими, стремление никому не уступать даже в мелочах, даже в мелочах превосходить других и самодовольство, присущее многим немцам, особенно среднего и старшего возраста. Для немца очень важно, чтобы все видели, что он удовлетворен жизнью, прочностью положения, своей состоятельностью, респектабельностью. Такого самодовольного немца легко узнаешь на улице, его не перепутаешь с иностранцем, не обладающим подобными манерами, особенно с «гастарбайтером» (иностранным рабочим), с ними «настоящий немец» держит себя свысока. В немецком самодовольстве существует особая иерархия в зависимости от положения немца на социальной лестнице. По отношению к вышестоящим «самодовольный немец» на глазах превращается в «бедного родственника» и начинает униженно заискивать*.

Исходя из национальной формулы своего «превосходства» многие немцы презрительно относятся к другим национальностям, из западных народов особенно к французам и итальянцам, из славянских — к русским и полякам. О русских они рассказывают анекдоты, какие у нас рассказывают о чукчах. Вот, например, анекдот, который мне рассказали в Гамбурге: «Ты не знаешь, почему русский пришел на работу, весь исцарапанный? — спрашивает один немец другого. — Ну как же! Он впервые решил воспользоваться ножом и вилкой...» Германия, на мой

взгляд, является самой типичной западноевропейской страной, а немецкий народ самым ярким выразителем западноевропейского менталитета. В немецком народе наиболее характерно, а подчас карикатурно и утрированно присутствуют черты, общие для многих европейцев. Это, прежде всего, все черты, которые я перечислил, рассказывая о характере немцев».

Досталось от Платонова и прочим европейцам:

«Конечно, каждый европейский народ внес что-то особенное в строительство западноевропейского менталитета. Французы, например, в свое... сознание... наряду с галантностью, бережливостью, переходящей в скупость, внесли и миф о свободе, равенстве и братстве. Но, как показали опросы, большинство французов в этот миф не верят.

Средний француз учится «искусству жизни» у евреев, дружит с ними, но при случае любит «блеснуть» своим антисемитизмом... За разговорами о свободе, равенстве и братстве стоит жесткая социальная кастовость, отсутствие веры в справедливость и права личности. Большинство французов с особым придыханием произносят слова «президент», «министр», «банкир», «граф», «барон» и т.п., вкладывая в них особое почтение как к людям, «права имеющим»

Впервые эту французскую идеологию озвучил Вольтер, который сказал, что «в этом несчастном мире необходимо, чтобы люди, живущие в обществе, делились на два класса: угнетателей и угнетенных». Обосновывая это разделение, Вольтер заявляет, что обычно угнетенные, задавленные постоянным трудом, не имеют возможности осознать положение, в котором они находятся. А когда начинают понимать его, поднимают войну против угнетателей, но эти войны рано или поздно заканчиваются полным порабощением, так как власть принадлежит тем, кто имеет деньги.

«Деньги — полный хозяин государства». В этом суть западноевропейской «демократии». На фоне этого лозунга все остальные рассуждения о политической свободе, веротерпимости — простое дуновение ветра. Бедным не следует давать политических прав. Те, кто не владеет ни землей, ни домом, не должны иметь права голоса... точно так же, как приказчику, состоящему на жалованье у купцов, не дано право руководить их торговлей».

«Культовое» событие западноевропейской истории — Французская революция XVIII века — дало жизнь первой французской конституции, которая разделила граждан на активных (имеющих права) и пассивных (не имеющих их). Менялись времена и конституции, но суть дела не менялась. Через два столетия ту же самую программу представил Западной Европе

тогдашний глава Европейского банка реконструкции и развития французский еврей Жак Аттали. Новый мировой порядок или, как его называл Аттали, торговый порядок, воцарится в Европе и мире после 2000 года.

Аттали раскрывает три уровня попыток мировой закулисы господствовать над человечеством, говорит о трех типах порядка, «О трех способах организации насилия»: «О мировом порядке сакрального, о мировом порядке силы, о мировом порядке денег».

Сегодняшний этап развития Западной Европы он называет торговым порядком. При этом порядке всё продается и покупается, а главной, универсальной ценностью, в том числе и в духовной сфере, являются деньги.

Новый торгово-денежный мировой порядок «постоянно стремится к организации единой универсальной формы мирового масштаба». При этом порядке власть измеряется «количеством контролируемых денег, вначале посредством силы, потом посредством закона».

Космополитизация человечества — одна из главных целей мировой закулисы. Как пишет тот же Аттали, «кочевничество будет высшей формой нового общества... определит образ жизни, культурный стиль и форму потребления к 2000 году. Каждый будет носить с собой свою собственную идентичность».

Под кочевничеством Аттали понимает общество людей, лишенных чувства Родины, почвы, веры предков и живущих только интересами потребления и зрелищ, которые им несет теле- и видеоэкран. «Кочевники» будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную карточку со всеми данными о нем и прежде всего о наличии у него денег. И горе тому, кто «оказывается лишенным денег и кто угрожает мировому порядку, оспаривая его способ распределения!»... Вот такие «цветочки» выросли в современной Франции».

Но больше всего Платонов разочаровался в Англии: «Образ этой страны создан самыми могущественными масонскими ложами еще в XVIII—XIX веках, намного опередив современные пиар-кампании. Образ консервативной, добродетельной и свободной Англии — миф. Консерватизм для Англии — защитный зонтик, с помощью которого британские власти пытаются оправдать несамостоятельную политику и рабскую зависимость от международных еврейских кругов...

Рассуждения о каком-то особенном национальном своеобразии англичан — миф. Истинное своеобразие англичан осталось за чертой XVII века...

Любят ли англичане свою страну? Любят, но не как священную родину, а как предприятие, приносящее прибыль. Дух среднего англичанина — дух еврея-талмудиста, оправдывающего все преступления, если они способствуют наживе, готового уничтожить каждого стоящего на пути к Мамоне. Впрочем, все эти особенности английского духа очень убедительно показал Голсуорси в «Саге о Форсайтах».

Как исследователя и писателя Платонова «в Западной Европе больше всего пугает невозможность свободной интеллектуальной жизни, отсутствие свободы выражения своих взглядов, наличие запрещенных для обсуждения тем». Но эти подавленные человеческие потребности будут лишь толкать европейцев на агрессию.

А против кого будут направлены их агрессивные устремления? Против того, кто ближе (к тому же и противнее) — против России.

Чтобы как-то компенсировать нарастающую несостоятельность Европы, её идеологи призывают «сплотить ряды» и перейти к подлинно единому государству. О таких попытках журналист Вадим Маркушин писал в статье «Европейцы и еврократы» («Красная звезда» от 20 ноября 2009 года). Приведу несколько строк из неё:

«Затерявшийся в наших старых конспектах лозунг Соединенных Штатов Европы, кажется, всерьез поставлен в повестку дня. Неистовые поборники «европейского проекта» желают, чтобы их преимущественно экономическое сообщество превратилось в супердержаву, сопоставимую по политическому влиянию и военной мощи с Америкой и Китаем. Рожденный в муках Лиссабонский договор — очередной этап на пути к этой заветной цели...»

Но подавляющей массе европейцев нет никакого дела до того, каким взором окидывает их остальной мир. Они живут своими отлаженными национальными устоями, нехотя выбирают себе начальников разного уровня, терпят натовские амбиции, а по-настоящему пекутся лишь о бесперебойной подаче в их дома тепла по транзитным трубам да профессионализме правоохранительных органов.

Нет сомнений, что гражданам европейских стран импонирует тезис об усилении эффективности механизмов экономической интеграции. В то же время трудно себе представить, чтобы рядовые европейцы были вообще сколь-нибудь озабочены ростом военно-политического влияния Евросоюза.

Поэтому, продолжает Маркушин, *«когда пишут о единой европейской дипломатии или тем более об общей европейской обороне, то имеют в виду, конечно, расчеты политиков, а не*

устремления широких слоёв... никто в Европе не мечтает о большой армии, части и подразделения которой можно посылать в разные опасные точки планеты». Это — мечты чиновников-еврократов.

Но в сентябре 2011 года идею создания Соединённых Штатов Европы выдвинул бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер, в последние годы уютно устроившийся в управлении строительством газопровода «Северный поток». Может быть, потому и решил он выйти вновь на политическую арену, что денежная и не очень хлопотная работа по строительству газопровода подходит к концу и нужно искать новые источники безбедного существования?

Но ничто не поможет отжившей своё Европе. Её закат предсказал ещё Освальд Шпенглер в начале XX века, и теперь мир может наглядно убедиться в пророческом характере его предвидения.

К тому же в начале XXI века у Европы появилась новая головная боль. Изнеженные, привыкшие к комфорту европейцы не желали больше работать у станков (впрочем, в связи с деиндустриализацией и станков-то становится всё меньше) и подметать улицы и приглашали на эти грязные или непрестижные работы гастарбайтеров, преимущественно из исламских стран (турок и арабов). Расчёт был на то, что приглашённые гости проникнутся величием европейской культуры и с энтузиазмом бросятся на усвоение её ценностей. Но они забыли, что нынешняя европейская культура — это не культура времён сооружения Нотр-Дам де Пари или Кёльнского собора. Нынешняя европейская «культура» с однополыми браками и прочими противоестественными явлениями может вызвать у мусульман только брезгливость и отвращение. Мусульмане хотят жить в Европе по своим обычаям и по своей вере и всё более активно (можно даже сказать — агрессивно) отстаивают свои права, а это уже грозит Европе гражданской войной, если Европа ещё в состоянии сопротивляться наступлению «варваров». Как это всё аукнется в России — трудно предсказать.

Нельзя забывать ещё об одном центре силы — о Китае. Почти до конца XX века Китай был нищей и отсталой страной, и вот за несколько десятилетий он совершил громадный рывок, став ракетно-ядерной державой и почти сравнявшись по величине ВВП с США. Многие в мире, в том числе и в России, подпали под обаяние этого пробудившегося гиганта. Многие российские политики считают, что нашей стране следовало бы в пору «перестройки» идти по китайскому пути, а некоторые полагают, что и сейчас ещё не поздно повернуть

на эту проторённую дорогу. Однако надо иметь в виду, что рывок Китай совершил, пойдя по пути либеральных реформ в экономике и сохранив политическую власть в руках компартии. Но долго ли удастся ему идти в этих разных направлениях?

Положение Китая вовсе не такое благополучное, как это представляется сторонникам «китайского пути». Рыночные отношения размоют любой монолит. Сейчас в Китае примерно 300 миллионов человек живут очень хорошо (по китайским меркам): едят досыта, хорошо одеваются и обуваются, покупают себе квартиры, получают сами образование и дают его своим детям. Несколько миллионов живут хорошо даже по западным меркам, имеют автомашины, счета в банках и т.п. (правда, многих из них, обвинённых в коррупции, расстреливают). Однако миллиард китайцев, особенно крестьян, живут впроголодь и не имеют никакого социального обеспечения. История Китая показывает, что эта великая держава, когда-то далеко обогнавшая Запад в техническом и культурном отношении, достигала величия, а затем распадалась на враждующие между собой царства, и для их соединения вновь велись длительные кровопролитные войны. Китайскому руководству нужно очень внимательно присматриваться к процессам, происходящим в стране, чтобы избежать катастрофы, опасной не только для самого Китая, но и для соседних стран.

Впрочем, России грозит немало и других опасностей, вплоть до почти фантастических. Так, 2 сентября 2011 года по НТВ был показан фильм Владимира Чернышёва «Апокалипсис вчера» (это часть его сериала «СССР. Крах империи»). Там, в частности, сообщалось, что КГБ СССР получил в своё время текст доклада ЦРУ Рейгану. В нём предсказывался «частичный конец света», связанный с катастрофическими геологическими и космическими изменениями к 2012 — 2014 годам. Восточный берег США, Британия и приморские земли Европейского континента будут затоплены. А самым устойчивым и наиболее пригодным для проживания местом на Земле станет Сибирь (к тому же она чрезвычайно богата полезными ископаемыми). Отсюда следовало, что необходимо удесятить усилия по развалу СССР. Неизвестно, сыграл ли этот доклад свою роль в эпопее «звёздных войн» и пр. Но давление Запада на СССР приняло особенно жёсткие формы, пока не завершилось сделкой Горбачёва с США на Мальте, где наша страна фактически капитулировала.

В более отдалённой перспективе России предстоит возглавить противостояние всех сил планеты мировой элите, кото-

рая стремится установить во всём мире людоедский мировой порядок, фактически превращающий всех людей труда в рабов и уничтожение миллиардов ненужных, лишних «ртов». Но что же это за элита, отождествляемая многими с тайным мировым правительством?

Вообще расхожие представления о различных земных силах, управляющих миром, поверхностны, они — следствие упрощённого понимания происходящего. Конечно, тайное мировое правительство потому и тайное, что о нём в газетах не пишут и его члены не устраивают официальных приёмов и не дают интервью. И всё же часто можно услышать, что евреи правят миром, свидетельством чего является то, что все предсказания авторов «Протоколов сионских мудрецов» сбываются, в подтверждение приводятся соответствующие данные. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что не меньшее число фактов этому утверждению противоречит.

Конечно, руль государства всегда кто-нибудь крутит. Но это не значит, что он управляет реальными процессами. Как признавал Ленин в докладе на XI съезде партии, руль-то мы крутим, но машина едет совсем не туда, куда мы её направляем: руль есть, колёса на месте, а коробка передач отсутствует. И мир, даже если он направляется еврейскими воротилами, едет «не туда». Мировое правительство — не союз крупнейших банкиров мира, он — финансовое орудие в руках тайных правителей. Надо трезво видеть, в чём сила еврейской олигархии, но ни в коем случае не преувеличивать её и не пасовать перед ней.

Еврейские банкиры, ростовщики, финансисты, талмудисты и пр., о которых с таким гневом пишет О. Платонов, входят в ныне правящую мировую элиту, но отнюдь не играют в ней решающей роли. Но и три наиболее закрытых структуры, которые тоже часто выдают за тайное правительство — Бильдебергский клуб, Трёхсторонняя комиссия и Совет по международным отношениям — тоже лишь исполнительные органы тайной элиты. Несколько ближе к раскрытию состава этой элиты подошёл Гейдар Джемаль.

По его мнению, ведущей экономической силой современного мира стали транснациональные корпорации (ТНК), которые противостоят любым национальным державам и субъектам. И в большинстве случаев в советах директоров или наблюдательных советах ТНК сидят представители элиты и знати Старого Света. ТНК — это финансовый инструмент традиционной элиты Европы и — шире — Старого Света. Конкретно в ТНК сидят представители высшей знати традиционного исламского мира, представители элиты бывшей

Британской империи, к ним имеют отношение очень закрытые круги, близкие к японскому двору.

Сегодня можно сказать, что в эту знать входит весь Старый Свет, за вычетом России и Китая с его элитой. Почему? В Китае физически уничтожена монархия и ее представители, в России, как известно, тоже. То, что осталось, не имеет политического веса, чтобы представлять собой какую-либо силу. За вычетом двух этих серьезных «черных пятен» все остальное — это территория, которой управляют правящие классы, по-настоящему правящие классы, а не Березовский с Соросом. Это подлинная элита, которая не находится в зависимости от передела собственности — та же, что и 300 лет назад. И даже если ее представителей согнали с насиженных мест, как короля Фаруха в Египте, короля Фейсала в Малайзии, они перебрались в Лондон, в Женеву. И все эти люди сидят в советах ТНК. Существует три тысячи ТНК, и среди них 50 грандов. И каждый гранд по своему обороту и эффективности каждого доллара примерно эквивалентен такой стране, как Франция. А все вместе — это гигантский ресурс, который перекрывает возможности Соединенных Штатов, — финансовые, мобилизационные и другие.

ТНК являются точкой сборки или сотрудничества также с международной мафией. Потому что любая ТНК — это целый институт, инструмент по отмывке денег, «нала», который в гигантских количествах собирается мафией. А мафий очень много. Есть мафии, которые занимаются наркотиками, есть мафии, которые занимаются игорными домами, а есть мафии, которые занимаются рыбной ловлей. А еще есть мафии, которые занимаются лекарствами по всему миру. Или медициной, или мировой системой санаторного отдыха. Существует около 50 или 60 направлений. Все они контролируются мафией. Большинство из них — вполне легальные сферы деятельности.

Например, искусство. Вспомним аукционную систему, которая превратила сферу изобразительного искусства в некий особенный инструмент печатания и изготовления валюты. Например, художник Зверев, который, допустим, является способным по тем или иным критериям. И некая сила вдруг объявляет его совершенно особым, уникальным, харизматическим производителем художественных ценностей. Любой его мазок, любой его рисунок — это все равно что банкнота. Лист, написанный Зверевым, оценивается как лист, напечатанный в казначействе США.

Мафий много, это один из мощных глобализационных факторов. Мафии контролируют практически все сферы де-

тельности, где существует национальная регламентация и где нарушение этих регламентаций приносят доход. Например, есть национальная регламентация в Бразилии на вырубку лесов, его экспорт, при этом определяются ограничения, выдаются лицензии. Где это всё есть, там сразу же возникают мафии. Вырубка лесов делается под «крышей» транснациональной корпорации. Если кто-то начнет экологическую борьбу против вырубки лесов, то с ними можно разобрататься не через суд, а нанять определенных людей, и головы этих активистов положат на порог лесообрабатывающей компании. Мафия является международной полицейской силой вне формата.

Кроме того, есть такой институт, как международная бюрократия. Она создается в пространстве, где практически никто не может ни с кого ничего спросить. Например, создается фонд, собираются главы и принимают решение бороться с бедностью или со СПИДом. Потом фонд становится мощным отмывочным средством для той же мафии и ТНК. И этот фонд получает статус юнесковского или созданного по соглашению нескольких государств. Эта международная бюрократия создаёт совершенно новый вид коррупции. Речь идет о коррупции, которая не подчиняется никаким законам, потому что международная организация не отвечает перед каким-либо национальным фиском. Такой организации, как ЮНЕСКО, нельзя предъявить претензии с точки зрения швейцарского или британского законодательства.

Сегодня европейская элита представляет собой систему клубной власти. Клубы — это международные финансовые элитные дома. Например, дом Брауншвейгский. Обыватель не помнит о том, что герцоги Брауншвейгские существуют, он думает, что они остались только в романах Мориса Дрюона. А герцоги Брауншвейгские не только существуют, но и сидят в корпорациях. Например, вы знаете о Людвиге Саксонском? В XIX веке был такой безумный король, представитель Саксонской династии, который отстроил Мюнхен. Сейчас вы отстраненно вспоминаете о ней, и есть ли она или нет — вам безразлично. Но она прекрасно существует. Принц, сегодняшней наследник этой династии, — это обаятельный сорокалетний плейбой, гонщик, он сидит в Совете директоров General Motors, курирует гигантские финансовые потоки. А его папа — наследник саксонского престола, во время войны носил мундир СС. И никто с него не спросил за это, наоборот, он считается аристократом, пострадавшим от тяжелого убогого «коричневого» режима лавочников, люмпенов, которые бросили вызов культурному наследию империи

великого германского народа, народа Баха, Гете, Канта, к которому принц Саксонский имеет отношение, а Гитлер и члены нацистской партии не имеют. В свое время он носил эсэсовский мундир, в результате перед ним извинились, пожали руку, сказали, что понимают, сколько ему пришлось вытерпеть за эти 12 лет. Сын его женат на британской принцессе, он является одним из неформальных финансовых господ. Сколько династий существует на сегодняшний день? Около 30 правящих домов, как свергнутых, так и не свергнутых. Например, болгарская династия — царь Борис и его потомки. Они не правят, но дом существует. Они автоматически получают места в компаниях, которые производят деньги в гигантских количествах.

А штаб этой династии — Лондон. Потому что королевская династия является точкой сборки, на которую завязаны все остальные дома. Это сложная грибница, которая никуда не делась. К ним подверстаны избранные дома Раджастана, Хашимидские династии, король Иордании, туда же относятся малазийская аристократия (а это очень серьезная династия — султаны). Это клубы, которые вырабатывают уставовки. Эти люди очень тесно связаны с высшим слоем жреческой иерократии. Так называемое духовенство, которое представляет собой уже невидимую часть мирового истеблишмента. В этой сфере различия между конфессиями уже не играют никакой роли. Здесь далай-лама является таким же духовным учителем, как папа римский. Принц Чарльз имеет суфийских учителей — шейхов, которые преподают ему суфизм, но параллельно он считает себя ассоциированным православным. У него есть келья на Афоне, куда он часто приезжает медитировать. Майкл Йоркский тоже не чужд суфизму, но, кроме того, его духовные контакты включают еще и Тибет. Не тот, который в Китайской Народной Республике, а некий высший, невидимый Тибет, находящийся в эмиграции. Кстати, непальская королевская семья тоже входит в этот истеблишмент. Как ни странно, все представители этой непальской королевской семьи — левые и маоисты, или были таковыми. Это очень любопытная среда. Потому что для лохов обычно пишут о голливудских актерах, о поп-сингерах, о некоторых фигурах наподобие принцессы Дианы или Чарльза. Как правило, в светскую хронику представители элиты такого класса попадают, только если какой-нибудь граф женится на какой-нибудь голливудской актрисе. А так они никому не интересны. Тем не менее, по рекомендации какого-нибудь бельгийского барона можно войти куда угодно. Хоть в кабинет Ага-хана. А уже по рекомендации Ага-

хана можно зайти на тот свет и вернуться обратно. Во всяком случае, Ага-хан — это человек, который контролирует немиллиардным фондом, при этом Ага-хан — это потомок британских принцев. Это та сила, с которой имеет дело президент Буш и его отморозенная команда.

В последнее время в ряды мировой элиты попали и некоторые представители США. Но это, как правило, демократы, политическая ориентация которых не завязана на шовинистический республиканский проект; они представляют «горбачевскую» soft-линию. Она не связана с почвенными интересами американской империалистической субъектности.

О ведущей роли Английского королевского двора в рядах мировой элиты говорил и выдающийся американский учёный и политический деятель Линдон Ларуш. Он утверждает: если даже порой и кажется, что ведущую роль играют США, а Англия их поддерживает, то в действительности дело обстоит совершенно иначе. США — это, образно выражаясь, собака, а Англия — хвост, но такой хвост, «который виляет собакой». Центром мировой реакции был и остаётся Лондон.

Косвенным подтверждением этого тезиса может служить статья Владимира Карпеца «Британская корона против Руси» («Завтра», 2011, №35). Приведу её начало, отметив положения, важные для нашей темы:

*«Весной этого года, а именно 29 апреля, произошло очень знаменательное — точнее, знаковое — событие. Речь идет о бракосочетании старшего сына наследника британского престола принца Вильяма и Кейт Мидлтон. Разумеется, в любом монархическом государстве счастливое событие в Правящем доме должно быть и счастливым событием для его подданных. Но именно для его подданных. Однако на этот раз мировые СМИ представили всё совершенно иначе. Бракосочетание, религиозную церемонию и государственные торжества круглые сутки непрерывно транслировали все мировые электронные СМИ — и российские в том числе — в нарушение суверенитета своих стран. Как будто речь шла не об одном из Владетельных домов, а о династии, правящей всем миром. О супружестве **будущего мирового правителя**. А буквально на следующий день в печати и Сети начала бурно распространяться информация о возможном приглашении брата принца Вильяма принца Гарри на Русский Престол...*

Принято считать — и это стало почти поговоркой, — что «английская королева царствует, но не правит». Нет большего заблуждения. В Соединённом Королевстве отсутствует писаная конституция. И хотя все основные политические вопро-

сы решаются на основе прецедентного права и просто многовековых традиций, политическая роль монарха остается в Британии самой важной из всех. У него есть право вето на решение парламента (именно это и характеризует государственное устройство как монархическое), он в любую минуту может отправить в отставку премьер-министра и любого члена кабинета. Да, эти прерогативы уже более двух веков не используются, они являются, так сказать, «дремлющими», но это только благодаря достигнутой в течение многих веков стабильности. Именем короля (королевы) совершаются все международные правовые акты Великобритании, он (она) является главой совершенно самостоятельной англиканской церкви. Нестроения и конфликты внутри Королевского Дома способны потрясать нацию. Знаменитый трагический скандал с принцессой Дианой это показал наглядно. Попробуем хотя бы мысленно «вынуть» Королевский Дом из устройства британского государства и общества — и посыплется всё.

Кроме того, Британский Королевский Дом Виндзоров, являясь одной из «несущих стен» мирового глобального управления, находится в самом центре таких организаций, как «Бильдербергский клуб», «Трехсторонняя комиссия», Федеральная Резервная система США, Всемирный банк и т.д. и вполне способен стать основой (разумеется, чисто внешней) Мирового правительствa, которое, безусловно, будет использовать в том числе традиционные оболочки. Необратимое движение в этом направлении началось с 1694 г., когда «протестантский король» Вильгельм Оранский подписал хартию, в результате которой был создан Банк Англии и вся центральная банковская система начала своё движение под его руководством. Банк Англии — вначале через Ост-Индскую и Вест-Индскую Компании, а потом через созданную ещё задолго до него «венецианско-амстердамскую систему» (а, точнее, одновременно и параллельно) — стал ядром того, что мы сегодня называем «Финансовым Интернационалом». Выражение «Британская корона» относится прежде всего к лондонскому Сити, включающему в себя королевскую семью. Только в этом смысле можно полагать британскую монархию «ограниченной».

Именно Англия и показывает до сих пор жизнеспособность и абсолютную современность монархического устройства государства. Тем более опасна экспансия «британской короны» для вот уже много лет находящейся в политическом и государственно-правовом тупике России. Ведь именно Англия (сегодня совместно с США) на протяжении веков была и ныне остается нашим главным геополитическим конкурентом. Более того, главным конкурентом цивилизационным. У нас не про-

сто разные, но противоположные метаисторические «входы и исходы».

Противостояние между «Бегемотом» и «Левиафаном» (Третья книга Ездры), «Сушей» и «Морем» (К. Шмитт), «Евразийством» и «Атлантизмом» и т.д., наиболее очевидным проявлением которого сегодня является противостояние «двух имперских проектов» (Русского и «северо-атлантического», или «англо-американского», при полном на данный момент торжестве второго), уходит в древнейшую онтологию мировой истории» (выделено мной. — М.А.).

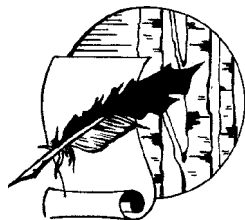
Гейдар Джемаль так представляет себе порядок, который установит на планете мировая элита: «...останется глобалистская сверхимперия элит, опирающихся на ТНК и международную бюрократию, международные полицейские силы. И с другой стороны — мировое гетто. Огромное население планеты, которое будет лишено государственных суверенных функций. Все будут переведены в разряд эксплуатируемого населения, с которого снимают сливки и при этом держат в отторгнутом от истории состоянии. Технологический уровень современной элиты и его окружения таков, что она может замкнуть на себя все информационные, организационные, натуральные ресурсы земного шара, не привлекая к этому услуги, силы, кровь, здоровье огромного количества людей. Большинство людей становятся ненужными. Ненужной оказывается демократия, избирательная система, политики, которые являются профессиональными выдвигенцами со стороны муниципалитета, электората. Все это станет лишним. Мы попадем в жестокое царство олигархов. Выстраиваются крайние отношения шахматной доски: черное и белое. С одной стороны — знать, опирающаяся на огромную силу, а с другой стороны — «Город Бога», как это показано в бразильском фильме. У них нет никакого другого пути, кроме бунта. И вот здесь, в этом упрощении, мы переходим к новому этапу формулирования истории и стратегического планирования, которое опирается на конфликт, кризис, протест, и который позволяет силам Духа и Справедливости осуществить прорыв...

Это контрэлитный прорыв, но не на уровне Советской России 1917 года — заснеженного Санкт-Петербурга, Москвы. Это была очень сырая, полуфабрикатная ситуация. Задача, не решавшаяся никогда, состоит в том, чтобы реально вывести контрэлиту на передний план в качестве мирового игрока. Потому что все попытки, которые до сих пор предпринимались, делались незрелой контрэлитой — слабой, неорганизованной, которая постоянно проигрывала мировому истеблишменту. Это было при якобинцах, это было с партией большевиков.

Задача состоит в том, чтобы вывести контрэлиту, потому что только она может распахнуть закрывающиеся створки моллюска навстречу истории. Этот моллюск есть господствующая часть человечества, которая создаст глобальную империю и большую часть населения выбросит за скобки истории. Это моллюск, который для истории закрывается. После этого ничего не будет происходить, эта знать станет теофанией — богом, шествующим в космосе, по ту сторону времени. Это коллективное воплощение Брахмы в соединении с той самой знатью, которая является двором Антихриста. И это утвердится во веки веков. И чтобы не дать этому всему состояться, чтобы человечество не было слито за пределы смысла, этому надо противостоять... Вот в этой ситуации шанс есть только в контрглобальном мышлении, только у контрэлиты. Шанс есть у тех пассионариев, которые будут готовы жертвовать собой, чтобы не дать исторической ночи, полярной космической ночи окончательно сойти на нашу землю».

Об угрозах России, а также о том, что официальные власти США выполняют волю подлинных хозяев мира (или считающих себя таковыми), пишет и социолог Леонтий Бызов: «*Задача поделить Россию актуальна для Запада, тем более что многие эксперты там считают, что немалая часть нашей страны всё равно достанется Китаю. Неважно, через 10 или через 40 лет. Поэтому Запад заинтересован в том, чтобы превентивно расчлнить Россию и усилить своё экономическое и военное присутствие в богатых природными ресурсами регионах Сибири. Надо учитывать и то, что американская дипломатия — внешнее прикрытие более важных центров принятия решений. Например, я уверен, что войну с Ливией развязали и готовили через голову официальных властей. Барака Обаму поставили перед фактом. Во внешней политике он вообще разбирается очень плохо. Поэтому внешнее дружелюбие американских лидеров не должно нас вводить в заблуждение. Над реализацией негативных для России сценариев работают серьёзные центры, которые не зависят от того, кто в данный момент распоряжается в Белом доме» («ЛГ», 2011, №35. Выделено мной. — М.А.).*

Не надо прятать голову в песок в предвидении выпадающих на долю России испытаний, но и не следует пугаться страшилок. Переход к корпоративному государству тысячекратно увеличит мощь России и раскроет созидательный потенциал самого творческого народа планеты, и это позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее нашей Родины.

Николай БЕСЕДИН

ВЬЮЖНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Я люблю ту великую, грешную,
Ту, ушедшую в вечность страну,
И за веру ее сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости ее, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было все — упоенье победами,
Были всякие годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звезды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь за них.

БРАТИНА

Говорила матушка:
— Жажда истомила.
Поднеси мне ковшечек влаги зоревой.
Вся душа измаялась,
Оскудела сила,
Заросла дороженька к солнцу лебедой.
К солнцу лебедой.
Собирал я матушке
Росы луговые,
Ковшечек серебряный полный подносил.
Не взяла, не выпила.

Губы ледяные
Не открыла родная, как я ни просил.
Наливал я матушке
Из ключей подкаменных
В туесок березовый одолень-воды.
Не взяла, не выпила.
Жестом неприкаянным
Заслонила милая, будто от беды.
Собирал по капле я
Из озер немереных
Да из рек не считанных, из морей нагих.
Не взяла, не выпила.
То ли кем не велено,
То ль печать заклęcia на губах сухих.
И спросил я матушку:
— Чем душа утешится? —
Подавала мне братину:
— Людям отнеси.
Что нальют, насыпят ли —
Все приму я, грешница.
Мало ли наварено яства на Руси?
Яства на Руси.
И пошел я с братиной
Долами да взгорками,
По деревням сгорбленным, умным городам...
И роняли жители
В чашу горе горькое,
Слезы да пожарища с кровью пополам.
Приносили жители
Старые и малые,
Сирые и нищие — голод и позор.
Молча клали в братину,
От надежд усталые,
От похмелья темные, злобу и раздор.
Нес ее я полную
Неторопким шагом
По путям обратным, чтоб не расплескать.
В граде белокаменном
Бражная ватага
Кинула горсть золота: — Подавись ты, мать!
И поднес я матушке.
Выпила, не охнула.
Прокричали вороны с четырех сторон.
Но потом родимая,
Как травинка сохнула.

И стояла братина около икон.
Около икон.

* * *

Ночные мысли в поезде ночном.
О чем они?
О доме, о любимых?
О том, что вряд ли мы необходимы
Когда своими болями живем?
О жизни, что, наверно, позади,
А там, куда уносит этот поезд,
Скучнейшую напишет время повесть,
Такую, что Господь не приведи.
Но вот огнями расплывется ночь
Наивной по-ребячески улыбкой,
И станет вдруг невероятно зыбкой
Любая мысль, как блеск воды — точь-в-точь.
И хочется, не думая, смотреть
На эту мглу, что за окном нависла,
И принимать, не спрашивая смысла,
Ее огней медлительную смерть.

* * *

Мечется, мечется снег над полями,
Кружится снежная мгла.
Белыми, белыми плещет крылами
О золото купола.
Стонет, стучится в закрытые окна,
Хочет о чем-то сказать.
Только природа еще не умолкла,
Как неусыпная мать.
Снегом тревожится, ветром рокочет,
Волнами весть подает.
То ли возмездие миру пророчит,
То ли к спасенью зовет.
Горы вздохнут — и прокатятся громы,
Вздыбится море волной...
В памяти домик стоит под соломой,
Полный вечерней зарёй.
Неженка — лето, зима — белолица,
В звоне хрустальном река...
Что же так яростно вьюга стучится?
Или расплата близка?

Ирина СЕМЕНОВА

РУССКИЙ ВЕТЕР

* * *

В мире зеркало бродит кривое,
Все в нем видится наоборот:
Улыбается зло мировое,
И красивым зовется урод.
В нем обман благородно лоснится,
Ищет жизненный смысл пустота,
Но тускнеют прекрасные лица.
И стираются славы цвета.
Мир подумал, что сделал открытие
И поверил смешному стеклу:
Стало праведным кровопролитье,
Стало благом служение злу.
Стало скучно от правды исконной,
Стало время коварной игрой,
Стал прославленным вор беззаконный
И униженным честный герой.
Нет скончания истинам спорным,
А ведь в зеркале нет ничего,
Оттого и безумием черным
Платит всякий, кто верит в него.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Темный дождь моросит, все стремится укрыться от холода,
Даже злая собака в своей улеглась конуре
Только здесь, далеко, на пустынной окраине города
Ворох листьев ночных носит ветер сырой в октябре.
Одинокий фонарь отстраненно мерцает над лужами,
Тянет пиво под крышей усталый и редкий народ,
Кто-то ставит, как точку, ведро с перезревшими грушами
И, словарь украшая, общественный транспорт клянет.
Роща мрака полна, а при свете казалась багровою,
Темнота шевелится, и вновь начинает сквозить,
Это осень стремится задеть мою память суровую,
Чтобы чувства костер, угасающий в ней, воскресить.
Только разве судьба измеряется днями и числами?
Разве все миновало — история, время, народ?
Снова бабушка здесь по дороге идет с коромыслами,
Снова дедушка бочку с колодезной влагой везет!

Слышишь, осень, молчи! Я и помню, и чувствую многое,
Словно Божий алтарь этот скромный и простенький вид!
Бьет, как прежде, родник, и темнеет овраг за дорогою,
Но иначе и тише сегодня душа говорит.

* * *

Если б знать, что можно стать бессильной
Перед злом, как пойманная птица,
Я б не стала на дороге пыльной
Под зеркальным дождиком кружиться
И спешить с рассветом в день престольный
С бабушкой на первое причастье,
В тесноте не зная богомольной,
Что уйдет навеки это счастье!
Если б знать, что с радостью рожденья —
Люди в жизнь приходят, как на дыбу.
Я когда-то, сидя на поленьях,
Чистила серебряную рыбу,
А когда выплескивала воду,
От чешуек двор искрился влажных.
Если б знать, что детскую свободу
Сменит сумрак стен многоэтажных.
Что земля не будет виновата
В том, что люди сделают изменой,
Только мошек рой в лучах заката
Звездочками вспыхнет во Вселенной.
Если б знать, что тем на свете хуже,
В ком талант и воля созиданья,
Не у многих вдохновенны души,
Но они и держат мирозданье.

* * *

Звездное небо, вокзал,
Еду, нигде не ночуя.
Мне городок показал
Парень за три поцелуя.
Что он нашептывал мне,
Не отпускать угрожая?
Близкой казалась вполне
Мне эта местность чужая.
Древними были мостки,
Где мы сидели на пару,
Странно с обрыва реки
Бросил в сердцах он гитару.

Разве забуду собор
В полночь со звоном пасхальным?
Прятала я, словно вор,
Руку с кольцом обручальным.

* * *

Над водой мостком склонилась ива —
Вдоль дороги медленно бреду,
И плывет за мной неторопливо
Отраженье месяца в пруду.
Высь ночная плещется в ведерке,
Выше юбку я подобрала,
Чей-то взгляд внимательный и зоркий
Проследил за мной из-за угла.
Может быть, я счастлива — кто знает!
Если под блуждающей луной
Обо мне порой припоминает
Теплый друг и нежный ангел мой.
Жизнь когда-то сложится в преданье,
Упадут завесы лжи и зла,
И весной оденется в сиянье
Над водой нависшая ветла.
И безмолвье медленной Вселенной,
Как скалу, звучанье рассечет,
И рекой по Родине священной
Речь моя, сверкая, потечет.
И когда, как родственные души,
Ей в ответ забьются родники,
Человек придет ее послушать,
Как приходят слушать шум реки.

КОМАНДОР

Тяжело пожатье каменной десницы...
А.С. Пушкин, «Каменный гость»

В реглане кожаном отец,
Войны глобальные итоги,
Почти блистательный конец
Победной сталинской эпохи.
Мне посчастливилось понять
Её державное величие —
Нам не взбрело бы изменить
Европы ветхое обличье.

Трусливый Мюнхен был не наш,
Не наша брилась эскадрилья
Перед броском через Ла-Манш,
Валькирией расправив крылья.
Так что же ставят нам в вину?
Что наш народ многострадален?
Что от антихриста страну
Не без потерь очистил Сталин?
Что он по-своему решил,
Как взять на плечи груз монарха,
И злые силы сокрушил,
Вернув России патриарха?
И что войне благодаря,
Господней покорясь деснице,
Стал после русского царя
Удерживающим границы.
Всё то, что Сталин превозмог,
Лишь дух превозмогает Божий,
Он победитель — видит Бог!
Лишь оклеветанный! Так что же?
Ты хочешь новых палачей?
И зря тебя, как от потопа,
Спасли от газовых печей,
Неблагодарная Европа?
За весь новейший твой наряд
Не дал бы стёртого червонца
Великий бронзовый солдат,
Что осквернён пятой чухонца.
Имперской мощью был чреват
Восторг победного парада,
Вот в чём наш Сталин «виноват»,
Вот в чём держава «виновата»!

Борис ОРЛОВ

СНЕЖНЫЙ БЕРЕСКЛЕТ

* * *

Если ты и праведен, и страстен,
Значит, в жертву сам себя готовь.
Людам даст Господь свободу власти —
И они прольют чужую кровь.

За добро добром не стало платы.
Не ищи ни славы, ни наград,
Не сердись на Понтия Пилата:
Понтий — настоящий демократ.

* * *

Нет звезды. И сгнили колоски.
Серп и молот продали злодеи.
Герб страны разрублен на куски —
Так, что ни собрать его ни склеить.

А народ притих и поредел.
Неуютно юным, трудно старым.
Наша жизнь — топорный новодел,
Он не интересен антикварам.

* * *

Сонная роща. Мороз.
Стынет в снегу бересклет.
Словно из сопел, из звезд
В ночь вырывается свет.

Кто мы? И где колыбель
Наша? Истоки — во мгле.
Снегом укрыла метель
Наши следы на земле.

Пеплом сугробы легли
Возле кладбищенских плит.
Как с космодрома, с земли
Небо уходит в зенит.

Не разгадать до конца
Черного неба секрет.
Испепеляет сердца
Звезд улетающих свет.

* * *

Дерево возле подъезда хромое.
Снег во дворе.
Узкая щель между тьмою и тьмою —
День в декабре.

Ветер снежинки и крутит и вертит.
Дерева скрип.
Узкая щель между смертью и смертью —
Жизнь, словно всхлип.

* * *

Дым ползет от горящей ботвы.
Мы картошку печем. Ветви носим.
Золотистые вздохи листвы.
Словно тесто в квашне, дышит осень.

Теплый дым и прохлада земли.
Детский смех непорочен и робок.
А когда улетят журавли,
Заблестят каравай сугробов.

Прибежим, поиграв под луной,
В наши избы — небесные кущи.
И не зря мы молились весной
В белом храме о хлебе насущном.

* * *

Потяжелел октябрьский день —
Завалы на пути.
Я так устал, что даже тень
Мне тяжело нести.

Над лесом крики воронья.
Нелегко путь земной.
Хотя устал, но тень моя
Пока еще со мной.

* * *

Листопад планирует во рвы,
Ветер — и надсмотрщик и погонщик.
Самородки золотой листвы
Намывает дождь в осенней роще.

На реке и в поле — пустота,
На приколе и скирда и катер.
Отречение ветки от листа.
Дождь осенний — золотоискатель.

* * *

Над трубою золотится вечер,
Филин опустился на конек.
Из-за леса освещает вечность
Звездочки туманный огонек.

Что оставим? Бренные останки.
Долог и запутан путь земной.
Что это — комета или ангел —
Озарили небо надо мной?

* * *

Бродил меж фонарей и меж зеркал,
И отражалось, и старело тело.
Я каждый день к бессмертью привыкал.
Когда привык, бессмертье надоело.

Душа из тела просится в полет.
И улетает в космос незаметно.
Но смертен человек, пока живет.
Когда умрет, уже не будет смертным.

* * *

Весна. А не становится теплей,
И крепок лед, и ветви сосен ломки.
Летает ветер в пустоте полей.
На легких крыльях мартовской поземки.

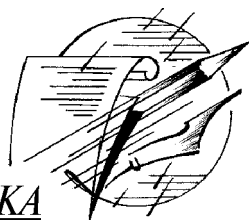
Но радостно под крышею сизарь
Воркует. И душа грустит по саду.
А день растет... Под лунный календарь
Выращиваем на окне рассаду.

МАЛУРУССКИЙ ВОПРОС

Созданная в XX веке советской властью украинская нация на сегодняшний день фактически представляет собой конгломерат трёх разноустремлённых национально, религиозно и политически субэтнотосов — малороссов (восток и юг), западноукраинцев (Галиция, Буковина, Волынь) и подкарпатских русинов (Закарпатье), причём последние заявляют о себе как о четвёртом восточнославянском народе.

На востоке и юге государства Украина всё чаще вспоминают о своём малорусском происхождении и, соответственно, былом общерусском единстве в противовес агрессивно навязываемой властями официальной галицко-украинской этнической концепции. Её суть заключается в том, что галичане самые «правильные» украинцы и именно к их европейскому менталитету, греко-католической вере и языку должны стремиться остальные сограждане.

Малороссы, малорусы, малороссияне, южнорусы, а наиболее часто просто руськи — исконные исторические и народные самоназвания населения Юго-Западной Руси, отвечающие национальному самосознанию малорусского (малороссийского, южнорусского) народа. Малороссия, Малая Русь, Малая Россия, Южная Русь, Украина Малороссийская, Украина — ис-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

торические названия юго-западных русских земель. Русь Малая традиционно означает Русь первоначальная, исконная, то есть метрополия. Украин (пограничных областей) на Руси, как известно, было много: малороссийская, слободская, сибирская, зауральская, семиреченская, забайкальская и т.д. Соответственно, украинскими звали многих жителей Русской земли. Наименование «українці» с этнической окраской стало применяться с начала XX века в Австро-Венгрии и имело политический характер.

Обратимся, однако, к преданиям старины глубокой. В историческом фольклоре Украины (Галиции в том числе) нет ни слова о древнерусском периоде. Тем не менее государственные деятели Киевской Руси запечатлены на нынешних украинских дензнаках — гривнях, позаимствованных у древних русичей. Современная украинская историческая наука упорно считает и Ярослава Мудрого, и Владимира Великого, и их наследников «украинскими» князьями. Миф, созданный мазепинцами ещё в конце XIX века, ныне возведён в ранг официальной историко-идеологической доктрины государства Украина. Соответственно, весь древнерусский период до Батыева нашествия при молчаливом согласии российских и белорусских историков объявлен староукраинским. Всё это произошло в лихие 90-е годы XX века, когда всё и вся, в том числе и в исторической области, можно было легко «прихватизировать».

Исторические персонажи Киевской Руси с завидным постоянством фигурируют в северорусских былинах и сказаниях. Благодаря северным великороссам сохранились эти жемчужины народно-исторического фольклора, повествующие о древнерусских временах. По мнению М.П. Погодина (1800—1875) — выдающегося русского историка, писателя, филолога, публициста, издателя — южные русичи постоянно мигрировали на север и северо-восток. Не случайно у архангельских и новгородских великороссов сохранилось южнорусское произношение исторической буквы «ять» как и, йи: сиверко, йисть и т.д., а в северовеликорусских говорах большое количество южнорусских слов. Вообще, лингвисты считают язык новгородцев наиболее близким языку древних киевлян. Современный литературный украинский язык, сильно полонизированный и в котором почти полностью искоренены общерусские слова, не имеет даже намёка на близость к языку Древней Руси. В том числе и поэтому притязания современной Украины на Киево-русский период, как староукраинский, абсолютно безосновательны. И уж, тем паче, официально именовать Украину единственной наслед-

ницей и правопреемницей Киевской Руси антиисторично и провокационно.

М.П. Погодин считал, что на опустевшие после ордынского нашествия земли Киевщины и Приднепровья, а, возможно, и ещё ранее стали селиться выходцы с Червонной Руси (Прикарпатья). Вероятно, к этому привела и южнорусская миграция на север и северо-восток. Это, конечно, одна из версий, однако малорусские кобзари и лирники распевали свои думы, начиная повествование лишь со времён казацких. Таким образом, малорусская историческая память весьма своеобразна: в думах и песнях в основном отображаются события национального прошлого начиная с XV—XVI столетий — со времён походов славных «льщарей»-запорожцев то на Туретчину, то на Крым, то в Ляшские пределы, а то и в иные земли. Вообще, Запорожская Сечь — наивысший, на мой взгляд, пассионарный период в истории малорусского народа.

После соединения Малороссии и Московского Царства в 1654 г. учёные мужи и священники из Юго-Западной Руси, будучи на порядок образованнее московитов, стали активно сотрудничать с Москвой и заложили совместно с московскими учёными основу русской научной школы в различных областях знаний. А такие выдающиеся деятели, как, малороссы Феофан Прокопович и Епифаний Славинецкий, белорус Симеон Полоцкий, а затем знаменитый великоросс Михайло Ломоносов явились основателями современного им русского (в тогдашней терминологии «российскаго») литературного языка, давшего основу для будущего развития языка Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и всей нашей великой литературы. Таким образом, русский литературный язык является общим достоянием всех восточных славян, то есть общерусским.

В Австро-Венгрии в последние десятилетия XIX века в русское население Галиции и Буковины мазепинцами совместно с немецкими и польскими русофобами стали внедряться сепаратистские идеи об особости малорусской народности и о полном отсутствии её родства с «москалями» (в их терминологии «монголо-татаро-угро-финнами»). Поначалу сепаратистами употреблялись народные самоназвания руський/малоруський (дабы не сразу травмировать народ). К началу же XX века адепты украинского сепаратизма полностью отбросили ненавистное им Русское имя, «перекрестив» галичан и буковинцев в новоявленных «українців», о чём малограмотные селяне зачастую и не догадывались, продолжая считать себя русскими. К сожалению, в дальнейшем укра-

инство всё же обрело благодатную почву на землях Галиции, Буковины, а также Волыни и в наше время западный регион Украины уже потерян для Русского мира. Лишь Подкарпатская Русь на крайнем юго-западе осталась верна заветам предков, стремившихся к единству Исторической Руси.

Официальное введение наименований «українці» и «Україна» вместо исторических «малороссы» и «Малороссия» было учреждено уже после сокрушения Российской Империи в 1917 году в результате волюнтаристских действий большевиков, поддерживавших «самостийников», прикрываясь правом наций на самоопределение. Ничем не оправданный, назначенный новыми властями и официально «проглотившей» его академической наукой раздел единой Русской нации на три отдельных народа — русских, украинцев и белорусов — явился предательством всего нашего общего исторического прошлого от Киевской Руси до эпохи воссоединения западнорусских земель с Россией в конце XVIII века!

Нынешние «свідомі вчені», засевавшие в некогда стольном Киев-граде — Матери городов русских, — а также «у самому національно-свідомому українському місті Львові» (Lemberg'e, Lwowie, который до 1939 года был преимущественно польско-еврейским городом), договорились до того, что выдумали некое племя «укров» — якобы предков украинцев. И всё это творилось в кабинетах с портретами «украинских» князей Ярослава Мудрого, Владимира Великого и национальных «героев»-предателей — Ивана Мазепы, Симона Петлюры, Романа Шухевича и Степана Бандеры.

Вспомним пророческие слова гоголевского Тараса Бульбы (собирательного образа малорусских патриотов), обращённые к предателям земли Русской: «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышьиной натуры их!»

Уже более ста лет пытаются мазепинцы навязать свою русофобскую идеологию малорусскому народу, но налицо её полное фиаско: подавляющее большинство населения Восточной и Южной Украины продолжает считать себя частью Русского мира. Несмотря ни на что, в этих регионах были, есть и будут незыблемыми позиции русского литературного языка наряду с малорусским народным и Русской православной церкви, — что крайне важно для сохранения национально-духовного единства земель Исторической Руси. Современные жители коренной Малороссии, Подолии, Слободской Украины, Новороссийского Причерноморья, Крыма,

Донбасса ждут политического решения со стороны забывшего их государства Российского. Решение малорусского вопроса напрямую связано с позицией официальной России.

Вопрос о возрождении восточнославянского единства в форме государства, союза государств, федерации или даже конфедерации является в настоящее время архиважным, ибо от его решения будет зависеть национальное и геополитическое будущее Русского Мира.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ЩЕ НЕ ВМЕРЛА...

Всякое государство располагает собственной символикой. Герб, флаг и гимн призваны служить не просто опознавательными знаками той или иной страны. Они символизируют суверенитет государства и единство нации, связывают ныне живущие поколения с поколениями славных предков, обеспечивают историческое преемство народа и, наконец, заключают в себе идеологическое послание государства. Фигуры герба, цвета флага и слова гимна содержат явную или скрытую в символах информацию об истории государства, о его самоидентификации, о целях его существования. Символы государства могут сказать о нём гораздо больше, нежели программные заявления его правителей. И, возможно, граждане иных государств были бы немало удивлены, узнав, что скрывается за каждодневно видимыми эмблемами.

В отличие от государственных, национальными символами могут быть архитектурные сооружения, ассоциирующие

еся во всём мире именно с данным государством или народом (Спаская или Эйфелева башни, Тауэр и пр.), фигуры животных (медведь, петух, лев), исторические персонажи или иные деятели. Как правило, ассоциации складываются сами собой, без особых усилий со стороны государства привязаться к символу и популяризировать эту связь. Но бывает, как в случае, например, с Украиной, что государство избирает персоналии и сюжеты, с которыми ассоциирует себя само и ждёт того же от всего мира. Вполне естественно, что украинский народ, как явление довольно новое, не обладает собственной национальной символикой. Также и государственная символика Украины до сих пор ещё находится в стадии разработки — большой Государственный Герб Украины существует в виде законопроекта. Как бы то ни было, статья 20 Конституции Украины гласит: «Государственными символами Украины являются: Государственный Флаг Украины, Государственный Герб Украины и Государственный Гимн Украины.

Государственный Флаг Украины — стяг из двух равновеликих горизонтальных полос синего и жёлтого цветов.

Большой Государственный Герб Украины устанавливается с учётом малого Государственного Герба Украины и герба Войска Запорожского законом, принимаемым не менее чем двумя третями от конституционного состава Верховной Рады Украины.

Главным элементом большого Государственного Герба Украины является Знак Княжеского Государства Владимира Великого (малый Государственный Герб Украины).

Государственный Гимн Украины — национальный гимн на музыку М. Вербицкого со словами, утверждёнными законом, который принимается не менее чем двумя третями от Конституционного состава Верховной Рады Украины...»

Мазепа... Петлюра... Голодомор... Бандера... Этот ассоциативный ряд можно продолжить и дополнить, но существенная сторона его вряд ли изменится. По воле нынешних правителей, Украина публично ассоциирует себя с этими именами и событиями, формируя из них свои национальные символы. Но что же скрывается за всей этой символикой? Какое послание заключают в себе государственные и национальные символы Украины? Какой сигнал шлёт Украина в эфир?..

Что касается так называемого малого Герба Украины, следует признать, что составлен он вне связи с какими бы то ни было геральдическими правилами. Прежде всего герб не может состоять из одной какой-то эмблемы. Кроме того, каждый геральдический элемент наделён историческим и (или) философским содержанием. Украина сегодня зиждется на

мифах. Миф о голодоморе, миф об оккупации, миф о борьбе за свободу.. В соответствии с мифом о Государственном Гербе Украины эмблему герба называют «трезубом» или «трезубцем». Однако с принятым в геральдике изображением трезубца украинский герб не имеет ничего общего. Это лишь приблизительное и стилизованное изображение. Далее миф утверждает, что будто бы «трезубец» был племенным знаком Рюриковичей и что будто бы Киевский князь Владимир использовал его как личный геральдический знак на печатях и монетах. Но знаки или родовая тамга Рюриковичей не имеют ничего общего с трезубцем! Наносились эти знаки на любую собственность — скот, оружие, монеты. Характер их был сугубо хозяйственным, к геральдике они не имеют никакого отношения. Пожалуй, что-то общее у герба Украины есть с тамгой Святослава Игоревича. Но существенным остаётся тот факт, что изображение использовалось как знак собственности, но ни в коем случае не как геральдическая эмблема. Знаки собственности были широко распространены по всей территории Восточной Европы. В.В. Похлёбкин утверждает, что некоторые из них попали в польскую эмблематику и что именно у поляков Петлюра заимствовал «трезубец» для чеканки в 1920 году своего железного креста. В дальнейшем этим знаком заинтересовался Бандера, в наше время — правители «незалежной» Украины, сопроводившие появление своих национальных и государственных символов слащавыми псевдоисторическими толкованиями. И так, видоизменившиеся клейма осели когда-то в Польше. Затем одно из них приглянулось Петлюре, от Петлюры перешло к Бандере и закончило свой славный путь на щите государственного герба.

Относительно того, что именно изображает тамга Рюриковичей, было высказано множество предположений. Хоругвь, якорь, паникадило, топор, сокол, падающий на добычу — что только ни пытались разглядеть в княжеском тавро! Что ж, мы не знаем, о чём думали Рюриковичи, клеймя скотину или оружие. Но каждый, кто сегодня смотрит на малый Герб Украины, видит именно трезубец, а не якорь, не топор и не паникадило. Трезубец же отсылает нас, прежде всего, к мифу о Посейдоне или Нептуне, боге моря.

Древние символы и сегодня не утрачивают общечеловеческого смысла, заложенного в графические образы в древности. В 20-е годы прошлого века, когда в СССР шли обсуждения новой, советской эмблематики, некоторые художники предлагали в качестве эмблемы крестьянского труда косу. Однако предложение это было отклонено именно по той при-

чине, что у разных поколений коса прочно ассоциировалась со смертью. Архетипичность эмблемы стала препятствием для широкого её использования и утверждения в качестве государственной символики.

Культ Посейдона, чьим символом является трезубец, связан с морской стихией, коварной, таящей опасность и приносящей разрушения. Наводнения и бури, затонувшие корабли и исчезнувшие в пучине острова — так выражается гнев Посейдона, чья тёмная, страстная энергия направлена на разрушение. И трезубец, как атрибут Посейдона, этого неуёмного, опасного и жестокого бога, символизирует разрушение и стихийную силу.

Обращение к трезубцу как к символу морскими державами не вызывает ни вопросов, ни недоумений. Но Украина никогда не была морской державой, а потому трезубец на её гербе становится, независимо от чьего бы то ни было желания и мнения, выразителем некой политической идеи, проводимой государством.

Как символ власти над морской стихией трезубец охотно использовался портовыми городами, объединениями моряков, рыболовов и прочими организациями, так или иначе связанными с морем. Швеция, с которой у современной Украины так много общего, не является в данном случае исключением. Шведское общество Нептуна располагает собственным флагом и гербом с изображением трезубца. Зная историю происхождения украинского флага, вполне можно предположить, что Петлюра заимствовал у поляков именно шведский трезубец, осевший в Польше в XVIII столетии как результат шведо-польско-украинских контактов. Таким образом, герб и флаг Украины — это память о союзе со шведами против России. При этом трезубец как атрибут Посейдона символизирует разрушение, сине-жёлтый флаг — предательство и измену, поскольку происхождение его прочно связано с именем Ивана Мазепы, «сына погибели, еже за сребролюбие давится».

На Украине относительно выбора цветов флага существует сегодня несколько мифов. По одному из них в 1848 году в Австро-Венгрии возникло украинское (!) национальное движение. Вскоре затем во Львове собралась Головна Русска (!) Рада. Задумавшись о национальной символике Украины (!) постановили, что флаг Русской (!) Национальной Гвардии должен представлять собой синее полотнище с изображением золотого льва. Но поскольку заказов на изготовление флагов было очень много, а вышивать на синем фоне золотого льва было делом трудозатратным, знамённых дел мастера

придумали простое решение. Вместо гордого льва они предложили борцам за свободу Украины две горизонтальные полосы — синюю и жёлтую. Эта халтура не вызвала возмущения у тогдашних националистов. Махнув рукой на льва, они согласились довольствоваться двумя полосками.

Другой миф прост и незамысловат, хотя и не свободен от либерального ханжества. «В нём синь небес, золото хлебов!», — так объясняют цветовую палитру своего биколора украинские патриоты.

Но, во-первых, почему из всего многообразия оттенков жёлтого и синего галицкие националисты выбрали именно оттенки шведского флага. Во-вторых, с цветами шведского флага чудесным образом совпадают даже синь украинских небес и золото хлебов. В-третьих, со шведским флагом Украина познакомилась на полтора столетия раньше, чем собралась во Львове Головна Русска Рада. И, наконец, в-четвёртых, лев и сопровождающие его три короны на галицком флаге ясно указывают на шведское происхождение эмблемы.

До возникновения украинской мифологии было принято считать, что в 1708 году Мазепа со товарищи за предательство русского царя Петра I получили от шведского короля Карла XII право использовать шведский флаг. Версия эта непопулярна на Украине. Хотя самого Мазепу новая, «оранжевая» Украина избрала своим национальным символом. Того самого Мазепу, который кроме как предательством «крысти ради» ничем более в истории не известен. За обещание княжеского титула, а также Витебского и Полоцкого воеводств Иван Мазепа совершил предательство и клятвopеступление. Но пусть предательство, пусть за чечевичную похлёбку — всё это меркнет на фоне того, что предал Мазепа «москалей поганых». О которых, к слову сказать, пелось в первоначальном варианте украинского гимна. Относительно его возникновения также существует несколько версий. По одной из них в далёком 1862 году на какой-то международной пирушке ученый-этнограф, собиратель украинского фольклора Павло Чубинский приходит в восторг от распеваемой сербами пламенно-патриотической песни «Сербия вольная». Потрясённый Чубинский куда-то исчезает. Скоро, однако, он возвращается и представляет публике стихотворную импровизацию, которую, переложив на музыку сербской песни, подгулявшая компания разучивает тут же под руководством самого автора. Любопытно, что вдохновившийся сербской песней, Чубинский сумел придать своему экспромту потрясающее сходство с польским «Маршем Домбровского»! Спустя примерно год галицкий священник

Михайло Вербицкий пишет оригинальную музыку к стихам Чубинского. Так появляется песня, которой впоследствии суждено было стать государственным гимном. Впрочем, история возникновения гимна Украины не так уж интересна и важна. Гораздо более интересны стихи этнографа Чубинского:

*Ще не вмерла України ні слава, ні воля,
Ще нам, браття-молодці, усміхнеться доля.
Згинуть наші вороги, як роса на сонці,
Запануєм, браття, ми у своїй сторонці.*

Приспів:

*Душу й тіло ми положим за свою свободу
І докажем, що ми, браття, козацького роду.
Гей, гей, браття милі, нумо братися за діло.
Гей, гей, пора встати, пора волю добувати.
Наливайко і Павлюк, і Тарас Трясило
Із могили нас зовуть на святеє діло.
Спогадаймо славну смерть лицарства-козацтва,
Щоб не стратить марно нам свого юнацтва.
Гей, Богдане, Богдане, славний наш гетьмане,
Нащо віддав Україну москалям поганим?
Щоб вернути ж волю нам — ляжем головами,
Наречемся України славними синами.
Наші братчики-слов'яни вже за зброю взялись,
Не діжде ніхто, щоб ми позаду zostались.
Поєднаймо разом всі, братчики-слов'яни.
Хай же гинуть вороги, хай воля настане!*

В дальнейшем текст песни претерпел значительные изменения. И в современном варианте от импровизации Чубинского осталось не так уж много:

*Ще не вмерла України і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці.
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці.
Приспів:
Душу, тіло ми положим за нашу свободу.
І покажем, що ми, браття, козацького роду.
Станем, браття, в бій кровавий від Сяну до Дону
В ріднім краю панувати не дамо нікому;
Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє,
Ще у нашій Україні доленька наспіє.
А завзяття, праця щира свого ще докаже,
Ще ся волі в Україні піснь гучна розляже,*

*За Карпати відоб'ється, згомонить степами,
України слава стане поміж народами.*

Но и сегодня, оставив ругать «москалей поганых», граждане «незалежной» Украины, если верить гимну этого государства, готовы: а) положить или отдать душу за свободу; б) отправиться в кровавый бой за Украину от Сана до Дона. Каждое из этих энергичных побуждений вызывает в лучшем случае недоумение, поскольку Сан протекает по территории Польши, Дон — по территории России. Ни та, ни другая река не пересекают границу Украины. И если принять во внимание готовность не то отдать, не то продать души ради достижения поставленной цели, то и вовсе делается страшно.

Настораживает и неоднократно обращение к теме смерти: «ещё не умерла Украина», «сгинут наши враги», «душу и тело положим», «встанем в бой кровавый». И это не боевые кличи первобытных народов, не те самые стоны, что «у нас песней зовутся», не готовность сражаться до последней капли крови. Смерть почти уже стала на Украине национальной идеей. Что усилиями прежде всего В.Ющенко призвано было объединить украинскую нацию? Общая беда — Голодомор. И дело даже не в том, что Голодомор это лживый идеологический проект и что Украина рвётся в компанию тех, кто не гнушается собирать дань с потомков своих реальных или мнимых врагов. Добившись признания Голодомора средством целенаправленного истребления украинского народа, Украина не просто получит возможность требовать компенсаций у России. Украина окажется среди привилегированных меньшинств, что позволит ей протянуть руку мировому сообществу.

России многие сегодня предьявляют счета — Прибалтика, Грузия. Но только украинские политики предложили неологизм, претендующий стать символом страданий и национальной идеей. Объединяющаяся вокруг этой костлявой длани страна усилиями беспринципных правителей обнаруживает тягу к некрофилии. И остаётся только сожалеть о тех, кто превозносит предательство, поклоняется разрушению и сплачивается вокруг смерти.

РОДСТВЕННИК

РАССКАЗ

— Это я, Юрик! — стучал обычно в дверь комендант нашего дачного поселка. Всегда у него был повод зайти в будний день вечером, когда жена в Москве. То скажет: «Смотрю, в окнах темно. Не случилось ли чего?» или наоборот: «Вижу — огонек горит, надо, думаю, проверить, как живут».

Входил, высокий, нагнувшись. Брови русые, роскошные, глаза то серые, то младенчески-небесные на пропитом лице. Телогрейку свою аккуратно на гвоздик повесит, сядет к столу, вытянет длинные ноги в сапогах и спросит:

— Чаёк есть?

Пьет и удивляется, что мы с матерью никаких новостей местных не знаем.

— Сидите, как пни. А я сегодня забегался, в десяти домах был, уж не помню, где. — И вдруг, с восторгом: — Ой, дуру одну видел! Переводчица, шесть языков знает. Поставьте, говорит мне, Юрий Иванович, сруб каменный. Я ей сразу — можно! Долго меня благодарила. А эта-то, Маргарита, у которой камин... На кой он нужен? Сидишь: впереди — Ташкент, за спиной — бескрайний

ПРОЗА

север. Наняла он ребят подвал копать. Кухню ей там надо, а жрать будет на втором этаже, по винтовой лестнице наверх кастролю таскать... К кухне уборную присобачила. Консультирую ее — верховодка тут, бетонировать надо. А Маргарите всё по фигу. Ни хрена масла в голове нет. «Бетонировать — неэстетично, — передразнивает, — я стены деревом обошью». Ребятам — что? Обшили — платила бы только! А говно-то и просочилось на кухню сквозь доски, — хохочет.

Потом водочки попросит и начнет все имена перебирать — Оленька, Верочка, Наталья, пока до твоего доберется: — Анна! — И, согретый, с красным лицом, предупредит на прощанье: — Вы деньги на общественный забор не сдавайте, его правленцы уже пять раз пропивали.

Дашь ему сумму на какую-нибудь работу по достройке дачи — божится, что выполнит в срок, такого-то числа. Приезжаешь — ничего не сделано и самого нет, зато соседи злорадствуют: Юрик опять пьяный поперек улицы лежал, машины проехать не могли. Думаешь, расставаться с ним надо. В другой раз приедешь — всё хорошо сделал, но не то, о чем просила.

— А тебе этого, Ольга, не надо, — заявляет. — Ты слушай меня! Ну, не Ольга, Наталья.

Ругаемся. Мои доводы ему смешны — что я могу понимать в строительстве? Он считает, что у меня не дача, а баня — низенькая, из бревешек. Советует: отдай ее садоводческому товариществу — пусть дачники моются, а я тебе сарай рядом поставлю, будешь из него выскакивать и с посетителей плату брать. Иногда, с сожалением: «Эх, меня тут не было, когда тебе эту хренотень возводили! Разве это плотники? Курвячи потроха — вот кто!

— Зачем вы с Юриком связались? — спрашивали соседи. — Он у вас доски ворует.

Смотрю — досок нет, зато появилась пакля, брус и оконные лафеты. Сам в калитку идет с тонкими обструганными палочками.

— Юрий Иванович, — показываю на стройматериалы, — это не наше.

— Тише ты! Пусть лежат. Штапики вот принес — у одной дуры взял, она их под помидоры ставила. — Примеряет штапики к стеклам веранды, отмахивается от меня. — Вера, не мешай! Мне тут, — качается, — все должны.

Наутро брус и лафеты забрал, а на крыльце оставил гвоздодер.

— Твой! — уверяет.

— Никогда у меня его не было.

— Наталья, не морочь мне голову, — вытащил из кармана пассатижи. — Дарю. У одного мужика взял. Пусть не разбрасывает инструмент где попало. Не спорь со мной, бери. В

субботу не ждите. Моя из Москвы приезжает, будет меня кормить на выходные. Так готовит, так готовит! Кок настоящий! Вам до нее далеко...

Жену его, Люсю, никто толком не видел — из дома почти не выходила. Знали, что у них двое взрослых детей — их тоже не видели.

— Батей меня называют. Мы для тебя, батя, всё сделаем! Ты только скажи — мы тебе всегда поможем! — хвастался он. — Только и слышу: батя, батя!

— А как его еще называть? — удивлялись соседи. — Всё-то у него в голове перепуталось, у выпивохи... И в больших начальниках где-то был... Выгнали за что-то...

Увидела я его первый раз в пригородном автобусе, в те времена, когда билет стоил 5 копеек. На 25 копеек я отматывала из кассы 5 билетиков, а по салону шатался какой-то мужик и кричал:

— Ёж твою падло! Вроде не пил, а кидает-бросает! Выпил бы — лучше бы на ногах держался!

Добрёл до кассы и железными пальцами схватил меня за руку:

— Хватит крутить! Билеты государственные! Другим не достанется!

— Мне надо 5 билетов. — Я растерялась. — Контролер может прийти.

— Хватит, я кому сказал!

Тетка, сидевшая напротив, заступилась:

— Чего к ней привязался? А ну, отпусти!

— Ты чё? — Он уставился на тетку.

— Седой уже, а безобразничаешь, — укорила она. — Зальют глаза...

— Ты чё в жизни видела, я тебя спрашиваю? Кто ты такая? У-тю-тю-тю...

Сошли мы с ним на одной остановке и три километра топали по грунтовой дороге в сторону дачного поселка. «Вот, — думала, — навязалась пьянь, не даст полюбоваться местностью».

Справа — еще зеленый луг. Пижма, тысячелистник, клевер. Высокая, с распутившимися светлыми метелками болотная трава... Внизу, за ивами, невидимая, течет холодная река; вдалеке синеют ельники. Слева — заброшенная церковь, с фанерой в окнах. Тонкие березки на кровле, пучки пожухлой травы в расщелинах кирпичей. Со стороны алтарного выступа, на том месте, где обычно начиналось кладбище, кто-то ретивый устроил самозахватом огород, поставил в нем высокие теплицы, хитроумно отгородив их таким обра-

зом от западного ветра. Сколько ни прохожу мимо, всё мне представляется, как сверкал раньше золотой крест в синеве неба, белели мощные стены и сияли чистые стеклышки в оконницах, а внутри, в прохладе и сумраке, молились люди: «прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякие скверны...»

Неподалеку от храма — уже пожелтевшая дубовая рошица, дерево от дерева почти на одинаковом расстоянии, желудей много на земле...

То ли от свежего воздуха протрезвел спутник мой, то ли не очень пьян был, но, как сейчас помню, сказал:

— Дубки поп один посадил. Еще до революции. Со школьниками. Человек был. А мы — свиньи, нам лишь бы для себя хапать...

На подходе к поселку я узнала, что он назначен у нас комендантом и зовут его Юрий Иванович.

— А как же Васильевич? — спросила о стороже.

— Васильевичу — каюк. — Он умолк.

Никакого «каюка» Васильевичу не было — как этот шепелявый дед ходил в сторожах, так и остался. Отвечал он всегда невразумительно — словно рот забил кашей.

— Я с ним заместо переводчика, — сердился Юрик.

Жили мужики в сторожке, и начались там при Юрии Ивановиче нововведения: появился пудель Тишка — хозяйева выбросили его, заболевшего чумкой, на улицу, и обосновалась ворона Клава. Летать она не могла — вороненком выпала из гнезда и сломала крыло. Ворону днем сажали на ветку ели под окнами, и она громко кричала, завидев своих сородичей. Потихоньку прибились к Юрику окрестные бездомные собаки, отъелись у него, залоснились шерстью, стали размножаться. Идет комендант по улице — за ним пять-шесть бывших бедолаг хвостами машут.

Дачники, заходившие в сторожку позвонить в Москву, ужасались «зверинцу»:

— Во дворе свора лает, кучи на каждом шагу. Пока номер наберешь — ворона шнурки на ботинках развяжет. А пуделя вообще как цепного кобеля воспитали.

Любимцы, Тишка и Клава, были привязаны к Юрику, как к родной матери, хотя больше ухаживал за ними Васильевич, кормил их, бормоча что-то. Станный был человек, отрешенный какой-то, старше Юрика — ему уж к семидесяти годам подходило. Ничем вокруг не интересовался — хоть всех грабь! Одной рыбалкой увлекался. И одет как бродяга: рубашка всегда до пояса расстегнута, виден крест на замусоленном шнурке, брюки жеванные, сапоги в гармошку, стоптанные и пыльные. Стопроз этот внезапно куда-то исчезал на несколько дней. Пропа-

дал из поселка и Юрик. А воровства не было. Тихо жили. Единственно жены дачные возмущались — шастали мужа их по вечерам в сторожку: пили с комендантом, анекдоты рассказывали, хохотали. И деревенские жители там посидивали...

Как-то разговаривали мы с Юриком у входа в поселок, а навстречу нам, со стороны деревни, от водохранилища брел Васильевич с ведерком. Видно, что недоволен. Спросила сочувственно об улове. Забормотал как немой, рукой махнул.

— Сама знаешь, погода какая, — оборвал меня Юрик.

— А что? — удивилась я. День был солнечный, начало осени.

Юрик презрительно посмотрел на бестолковую.

— Ветер северо-восточный, рыба не поднимается.

Водохранилище он ругал — лещ там водился плоский, в палец толщиной, невкусный.

— Железа много в воде. Танки наши на дне лежат, в войну затонули... Ехал бы ты, Васильевич, на Можайское...

Старик только мотал головой.

— Упрямый черт! Есть твою погань не буду. Отец мой где-то в этих местах пропал без вести...

И комендант рассказал о том, как родное брянское село его сожгли немцы за пособничество партизанам, и он вместе с матерью и сестренкой жил той зимой в лесу, в землянке.

Юрий Иванович посмотрел на свои начищенные сапоги:

— Всё детство я в лаптях пробегал. Весной — беда! Каждый день мокрые ноги. Васильевич, помнишь те времена?

Старик заулыбался.

— Выход один был — искать камеры от шин, — вспоминал Юрик. — Кто побогаче — набивал на подметку кожу, но сапог кожаных не носил никто — немыслимая роскошь! Когда перед войной в магазине стали продавать резиновые сапоги, у нас на селе запели:

Спасибо Сталину-грузину,

Что нас обул в резину!

— Ну, ты, хэ-хэ! — сторож пошел к их дому.

— Не любит о прошлом говорить, — Юрик смотрел ему вслед. — Огневой мужик был. Разведчик, попал в плен, бежал, а наши-то ему все зубы и пересчитали, челюсти разломали, пытали — завербовался к немцам или нет. Долго в госпиталях валялся...

Случайно узнали мы, что Юрик объявил нас своими родственниками, а о матери моей всерьез говорит как о двоюродной сестре. Была, дескать, многолетняя ссора, а теперь он с ней примирился, и решили они не скрывать свое родство. Повторяет это и пьяный и трезвый.

— Юрий Иванович, что вы рассказываете? — спросила мать моя в очередной его приход.

Он сник, а потом потихоньку воодушевился и стал приводить резоны, как нам выгодно быть его «родственниками».

— Я всех воров знаю! И они меня знают, уважают и боятся! Люська моя им рубашки всем стирает. Я им говорю: ребята, в этом доме мои родственники живут. Они — сразу: Юрий Иванович, и в мыслях не имей, близко не подойдем. Или, например: что такое строители? Как вам, женщинам, с ними справиться? Попробуй-ка, излови их и заставь работать! А у меня они вот где, — сжал кулачище. — Никто не пикнет. Я людей вижу, — продолжал он. — У вас вот денег мало. Зачем платить за электричество? Сезон кончился — я по нулям сделаю. Я — хитрый.

И правда, поковыряет что-то в счетчике — все цифры пропадают. Едва за лето десять киловатт набежит. Мы уж взмолились — не надо, Юрий Иванович, «по нулям».

Только отмахивается:

— Тут все воруют. Мужики вон ходят, фазы перекидывают. У них весь день электропила визжит, а счетчик у других крутится. Да чтоб мои родственники отдувались за эту сволочь? Я вам всегда по нулям сделаю — без разговоров. Так и знайте, Юрик вас любит.

Забота у него была своеобразная. Приезжаешь — под окном лежит гора навоза и выются мухи.

— Три тонны! — приветствует комендант. — Видела, какой! Другим жижу привезут, она как озеро по всему участку растекается, а я тебе — перепревший, отборный, как коньяк, — нахваливает покупку. — Почти даром сторговал. Шофер, как услышал, что для моих родственников, просто так хотел отдать. Даром. Но зачем грабить мужика? Я ему заплатил символически. Еле взял, — уже привирает Юрик.

То, смотришь, тыкву принесет, то огурцов, кем-то ему подаренных, то рыбки, Васильевичем выловленной. Осенью, неизменно нагруженный двумя корзинами опят. Завернет к нам по пути домой и щедро отсыплет грибов.

— Люблю лес. — Лицо помолодевшее, глаза сияют. — Сельное ведро солить буду. Детям в Москву повезу. И засушил уже на всю зиму. А в лес вас с собой не возьму. И не просите. Я своих мест никому не показываю.

Стали «родственниками», и Юрик ходит к нам, как к себе домой. В долг берет без отдачи — какие расчеты между своими! Стопку чтоб не забывали... Ну, и слушали его, конечно. А поговорить он любил. Актер был непревзойденный: всё в лицах расскажет, и мужские и женские интонации воспроизведет.

О себе же сообщал скупо: бывший военный. Операция на сердце, жена — третья по счету.. Лишь однажды признался:

— Грехи у меня тяжелые. В церковь не захожу. А Васильевич бьвает там. Как соберется — я ему всегда десятку отстегиваю, помянуть отца с матерью моих, Ивана с Надеждой...

Очень доволен был, когда мать моя его от водки отговаривала.

— Всё правильно говоришь, Сергеевна. Пить мне нельзя. У меня сердце больное, давление скачет. Померяй-ка, и дай мне корвалольчику капелек двадцать. Я сегодня расстроен...

А расстроен он бывал часто: то ругался с кем-то, уличал кого-то в несправедливости, то вспоминал, видно, что-то...

Как-то под вечер совсем без памяти ворвался к нам, плюхнулся на стул. Волосы всклокочены, глаза кровью налиты.

— Ой, Сергеевна, что я тебе сейчас скажу! Что я тебе скажу! В лесу та-а-ак филин ухал. Ууу-ух! Ууу-ух! Ууу-ух! — Огляделся по сторонам. — Это не мой дом. Где мой дом? — и опрометью кинулся к дверям, загремел по ступенькам крыльца.

Глянули в окно: бежит по улице, размахивая руками, как птица крыльями, и ухает:

— У-ух! У-ух! У-ух!

Выделили Юрию Ивановичу участок на окраине поселка, в самом топком месте. Быстро осушил болото, земли и песку несколько машин завез. Посадил яблони, сливы, малину, смородину. Домик поставил, и завешание на сына написал.

— Отделка у меня по первому разряду. Сам печь вывел, — хвастался. — А Люсе такую кухню отгрохал — закачаешься! Вот, говорю моей, выйдешь на пенсию — каждый день мне готовить будешь.

— А что же сын не приезжал помогать? — спрашивали мы.

— Ему некогда, он в институте учится. Хороший парень у меня, батей называет, — и словно не договаривая что-то, просил водки.

— Знаю, Сергеевна, что нельзя мне, но чуть-чуть, у тебя только.

Таких «чуть-чуть, у тебя только» было по многим дачам, а в «родственники», кроме нас, попало еще несколько семей. Толстый Ашот Суренович лишь руками разводил:

— Требует — учи меня армянскому языку! Зачем тебе, спрашиваю, Юра? Учи! Мы же родственники... Клянется, что знал армянский язык, но забыл...

Старуха Эсфирь Соломоновна ахала:

— Он же общается с уголовными элементами... Приводит ко мне каких-то мужчин, говорит, что я — его тетя, и просит положить их спать на чердак.

— Ну, а вы?

— А что делать? Я согласилась. У меня там луковицы тюльпанов сушились, племянник из Голландии прислал, так эти

мужчины все их съели на закуску да еще были в претензии ко мне: лук, видите ли, какой-то не наш, остроты не хватает. А ведь это сортовые тюльпаны! Больших денег стоят! Они у меня по коробкам лежали, везде надписано, какой сорт и цвет. Неужели нельзя было прочесть?

Эсфирь Соломоновна простила Юрика, как и остальные прощали его выходки — что-то где-то сделал он ей бесплатно или совсем дешево.

Все знали, что когда комендант трезвый, проблем нет: водопровод работает исправно, фонари горят, газовые баллоны завезены, «миргородские» лужи засыпаны песком и никто строительный мусор в лес не понесет.

Перед развалом Советского Союза умер Васильевич. Попал в психиатрическую больницу и сумел там выбраться из окна.

— Из-за жены, — объяснял Юрик. — Взял ее ребенком, копил на старость, деньги на ее сберкнижке лежали, а она, стерва, всё взяла и втихаря отдала сыну на кооператив. А на Васильевича наплевать... Вот он и не выдержал...

Позднее, когда всё в жизни стало переворачиваться с ног на голову: быстро уstraивались и богатели бессовестные; нищали честные; было расстреляно здание Верховного Совета страны; заводы оказались в руках никому не известных лощеных проходимцев; пенсии и зарплаты, которых не хватало на пропитание, почему-то не стали выплачиваться месяцами; школьники в сочинениях писали: «Бомж Бруевич» и путали Чкалова с Чеховым; а на колхозных полях позади наших дач, где раньше сеяли пшеницу и овес и получали неплохие для Подмоскovie урожаи, возникли как грибы после дождя готические особняки «новых русских» под черепичными или из оцинкованного железа крышами, сверкавшие на солнце как расплавленное серебро, Юрик сначала тихо матюгался, а потом уверенно сказал:

— Правильно Васильевич сделал, что умер, хоть в гробу похоронили. Сейчас людей в полиэтиленовые пакеты кладут, как собачек...

Пить он начал больше, а в Москву наведываться реже. Однажды рассказал:

— Захожу в свою квартиру, компьютеров — не повернуться! Сын и дочка ничего не объясняют. Ты, батя, не поймешь... Всё я пойму... В финскую войну голодали мы зимой. Отец на фронте, мать больна, а корова перед отелом... Кусочки хлеба с сестрой по дворам просили... И вдруг мне в школе дают 5 рублей — премировали за отличную учебу. Я — сразу в магазин, белого хлеба купил, несу домой. Мать спрашивает грозно: «Где деньги взял?» Отвечаю. А вечером еще продавщица

зашла: «Надя, сын твой хлеб белый купил. Спроси его, откуда у него деньги». Вот как нас воспитывали...

Общаясь в то время с Юриком, я часто ловила себя на мысли, что он, как и Васильевич — человек другого поколения, и уже не вписывается в изменившийся мир. Появились у нас в поселке бизнесмены, стали с шиком разъезжать на иномарках, перестраивать, увеличивая, свои дачи и скупать участки обедневших соседей. Они же толковали о том, что надо бы, по примеру всех приличных садовых товариществ, ввести военизированную охрану из бывших десантников, а не держать какого-то пьянчугу.

Весной 1995 года, едва сошел снег, приезжаю на участок и узнаю: Юрик умер, уже похоронили. Как, что? Нароботался на чьей-то даче, изрядно выпил, и сердце не выдержало...

Пошла к его жене. Люся — впервые рассмотрела ее — изможденная, глаза красные, опухшие, закричала:

— Видеть ничего тут не могу! Всё он своими корявыми руками сделал! Все знали, что у него сердце больное, и все поили, нанимали, как дурака, за бутылку!

Она заколотила окна досками, взяла пуделя Тишку и воруна Клаву и уехала в Москву.

Вскоре появились новые сторожа — молодые парни в джинсовом «прикиде». При них началось воровство. Единственное, что они сделали, застрелили, по просьбам некоторых дачников, собак Юрика, а потом пили в сторожке до тех пор, пока не сожгли ее дотла...

От почерневшего фундамента вился и таял в воздухе едкий дымок... Да, жил здесь когда-то человек, а теперь его нет, или, как было написано в одной старинной летописи: «отошел аки дымец малый...»

В то лето я часто вспоминала бывшего коменданта. Сажу на крыльце, и сквозь просветы боярышника чудится мне, что идет он по улице. Высокий, в полинявшей гимнастерке. Кепка набекрень, за ухом — карандаш. Под мышкой кабачок зажат, в одной руке — пила, в другой — ящичек с инструментом.

— Анна! — окликает весело. — Чего задумалась? Какие такие проблемы? Сажа в печке? Протопи ее осиновыми дровами.

...А ведь я совсем немного знала о нем. Не слышала даже, что служил на флоте, и дети у него, как и у Васильевича, были неродные...

Все мы вокруг потешались и отмахивались от Юрия Ивановича. А умер — будто родственника потеряли.

ДВА РАССКАЗА

СЛУЧАЙ С СИДОРКИНЫМ

Когда Сидоркина провожали на фронт, жена его, Клавдя, не голосила, как другие бабы, а пела веселые песни. Сидоркина это задело, он обиделся.

— Что ж ты, Клавдя, веселишься, — сказал, — когда другие ревмя ревут?

— Эх, Ваня-Ванечка, — ответила на это жена, — а зачем попусту слезы-то лить? Ты ведь живой, на подвиг идешь, а что убьют — не верю.

— Это точно, — согласился Сидоркин, потому что и сам не очень верил в свою гибель. И в тридцать лет жизнь кажется беспредельной.

Добровольцев погрузили в вагоны, эшелон тронулся, жена весело помахала рукой, а когда зарыдала в голос, Сидоркин этого уже не видел и не слышал.

На пятые сутки сибиряки прибыли к месту назначения. Им оказалась подмосковная станция Апрелевка, и Сидоркин очень удивился, каким таким образом миновал он Москву, не заметив даже силуэта столицы. Должно быть, решил, крюк дали.

ПРОЗА

— Да нет, — сказал сержант, сопровождающий их вагон, — ночью просто прокатили, а в Белокаменной строгая светомаскировка.

Через день после прибытия из добровольцев стали формировать особую часть. А началось формирование с медицинского осмотра. Сидоркин быстро проскочил и хирурга, и зубника, и невропатолога, а вот на врача по глазам споткнулся. Тот показывал ему буквы на таблице, но Сидоркин не сумел различить, какие именно, все они расплывались.

— Так-так, — сказал глазник и попросил Сидоркина подойти к таблице поближе.

На этот раз Сидоркин большие буквы кое-как расшифровал, а с маленькими опять не вышло. Тогда врач почти плотную приставил его к таблице, и буквы четко округлились.

— Ясно, — сказал глазник. — Вы, товарищ Сидоркин, для войны не годитесь. Удивляюсь, как просмотрел вас мой коллега на предварительной комиссии?

— Обыкновенно, — признался расстроенный Сидоркин. — За меня приятель буквы рассматривал.

— Ну ладно, так уж и быть, — вздохнул врач. — Пройдите с этой бумажкой к председателю комиссии.

В бумажке было написано: «Годен к нестроевой».

— Что, значит, опять на кухне воевать? — горько поинтересовался Сидоркин.

— Почему — опять? — не понял врач.

— Потому что я повар, — объяснил Сидоркин.

— Это хорошо, что повар. Для повара путь на передовую не заказан, — вселил надежду глазник, но надежда не сбылась — за два года войны Сидоркин так и не увидел передовой, потому что определили его по гражданской специальности хоть и в действующую армию, но на кухню при штабе дивизии. И передовая вроде бы была неподалеку, но, как говорится, близок локоть, а не укусишь. Только частые бомбежки и обстрелы да непрерывные передвижения напоминали Сидоркину, что он все-таки на войне. Пользуясь близостью к начальству, он самолично подавал рапорты о переводе, и когда отступали, и когда стали наступать, но желаемого так и не добился. На письма жены, хоть и тошно было, отвечал, скрывая истинную правду: «Воюю, как все».

В сорок третьем, в канун Нового года, Сидоркина вызвали в штаб.

— Наконец-то! — обрадованно сказал он истопнику Трофиму, успевшему повоевать в самом начале. — Должно быть, Трофим, донял я их своими просьбами.

И Сидоркин представил, как вскоре повстречается лицом к лицу с врагом, а потом вернется домой пусть не с орденом, но с боевой медалью.

— Знаешь, тогда не стыдно будет людям в глаза смотреть, — добавил он, но Трофим после контузии стал почти глухим, за что его и списали в нестроевики, поэтому ответил невпопад:

— Ага, надо бы еще дровишек подкинуть.

Тут снова появился старшина и поторопил Сидоркина в штаб.

— Ждут же, — буркнул он, усмехнувшись в усы.

Старшина знал, но скрыл для эффекта, зачем повара требует начальство.

Сидоркин почистился, надраил ваксой сапоги и явился, как было велено, к начпроду дивизии. До войны подполковник заведовал столичным рестораном, поэтому они иногда встречались и раньше, только, конечно, в неофициальной обстановке, чтобы вспомнить мирное время и поговорить о секретах приготовления разнообразных кушаний. Еще подполковника очень интересовало, как поставлено общественное питание в Сибири. «Хорошо поставлено», — неизменно отвечал на этот вопрос Сидоркин. А теперь вот подполковник вызвал его официально. И когда Сидоркин вошел к нему, тот поднялся навстречу:

— Поздравляю вас, уважаемый Иван Петрович, с наступающим Новым годом! Позвольте зачитать вам приказ...

В приказе по дивизии Сидоркину объявлялась благодарность за безупречную и честную службу.

— Выписку из приказа, — сказал подполковник, — мы пошлем вашей семье.

— Служу Советскому Союзу! — печально вытянулся Сидоркин. — Разрешите идти?

— Ты что, Иван, не рад? — по-домашнему, но нахмутив брови, спросил подполковник.

— А чему радоваться? — тоже по-домашнему отвечал Сидоркин. — Вы же знаете, Тимофей Максимович, я два года на войне, а войны и не нюхал. Приеду домой, а рассказать будет нечего. За кухней, скажут, прятался.

— На войне, брат, служат там, где прикажут, и нашей вины в этом нет, — взгрустнул и Тимофей Максимович.

— Это ясно, — совсем опечалился Сидоркин. — И всё же обидно...

— А знаешь, — оживился вдруг Тимофей Максимович, — могу я послать тебя на передний край. Вроде как в командировку. К вечеру, значит, повезут на переднюю линию подарки и праздничный ужин, вот я и отправлю тебя одним из сопровождающих. Повоевать не повоюешь, а запах пороха ощутишь. Договорились?

— Так точно! — повеселел Сидоркин, мысленно уже бросаясь в атаку. Ведь на войне как на войне, заранее не предугадаешь, каким она к тебе боком обернется. Тем более на передовой...

Тронулись засветло, потому что путь предстоял неблизкий. Трофим правил лошадей, а Сидоркин тряся на заднике повозки, набитой термосами и мешками, и ругал про себя избитую танками дорогу. Переживал Сидоркин, что угробит она весь праздничный ужин, и получают бойцы вместо супа харчо мешанину из костей, мяса и риса, а на второе не плов, а размазню. Однако через час выбрались на ровный проселок, и он успокоился. У указателя к деревне Осиновке, куда и держал Сидоркин путь, к его повозке пристроились еще две, тоже с подарками и праздничным ужином, и ехать сделалось веселее. Перекрикиваясь с попутчиками, Сидоркин выяснил, что один из них, как и он, сибиряк и повар, только рангом пониже, потому что работал не в ресторане, а в поселковой чайной.

— Далеко от Омска поселок твой? — кричал Сидоркин.

— Да нет, — тоже криком отвечал земляк. — Триста верст всего.

— Ничего, — кричал Сидоркин, — побьем немца, и в твоём поселке ресторан возведут, будешь в нем шеф-поваром.

— И буду, — соглашался земляк.

— А жена у тебя есть? — спрашивал Сидоркин.

— Не успел, — сожалел земляк.

— Ничего, после войны обзаведешься, — предрекал Сидоркин.

— А у тебя есть? — поинтересовался земляк.

— Есть, — радовался Сидоркин. — Она у меня фабричная, на фабрике трикотажной работает. И пацан имеется. Мишка. Пять годов уже стукнуло.

— Слышь, — пригласил земляк, — может, ты ко мне пересядешь?

— Нет, давай уж ты ко мне лучше, — крикнул Сидоркин, и тут услышал самолетный гул. Он шел оттуда, куда они ехали. Сидоркин задрал голову и увидел приближающийся самолет. «Наш», — решил он было, но когда воздушная машина пронеслась над ним, различил на крыльях кресты. Проскочив вперед, истребитель набрал высоту, развернулся и начал падать на обоз.

— Трофим! — заорал Сидоркин. — Гони!

Но Трофим не слышал. Тогда Сидоркин схватил выданную на всякий случай винтовку, передернул затвор и послал пулю в увеличивающийся самолет. В ответ ударила мощная густая очередь, а сбоку вырос столб пламени — это заработала пушка истребителя. Трофима сбilo с передка взрывной волной, лошадь испуганно понесла, а Сидоркина оглушило, но он успел вцепиться в край повозки.

Когда Сидоркин пришел в себя, он обнаружил, что заехал в лес. Лошадь остановил то ли густой снег, то ли она просто устала. Лес был чахлый, осиновый, но насквозь не просматривался. Сидоркин глянул в небо. Небо уже затянули сумерки, но до беспросветной тьмы было еще далеко. «Ничего, поспею, лишь бы Тимофей жив оказался», — подумал он и, спрыгнув с повозки, направился к лошади, чтобы развернуть ее и погнать по обратному следу. И здесь его едва не сбил с ног чужой, тихий, но властный оклик:

— Хальт!

Сидоркин, ясно, растерялся, ошалел даже, а когда вспомнил о винтовке, было уже поздно — длинный немец в очках держал его под прицелом автомата. За ним, увидел Сидоркин, растянулся на волокуше другой, недвижимый, но, понятно, и не мертвый, иначе бы этот, долговязый, не тащил его за собой. И лежащий, и окликнувший были в белых накидках.

«Так вот они какие», — подумал Сидоркин, припоминая, как поступали в подобных ситуациях бойцы, о подвигах которых он читал в армейской газете. Однако ничего подходящего память не вытолкнула. Должно быть, в такие переделки настоящие солдаты, которых он хотел порадовать праздничным ужином, не попадали. Очкастый немец принял, видимо, спокойствие Сидоркина за испуг и, пододвинувшись к нему на лыжах, подтянув за собой волокушу, что-то спросил. Сидоркин, не зная немецкого языка, естественно, ничего не понял, и тогда долговязый очкарик ткнул стволом автомата в термоса на повозке.

— А-а, — догадался Сидоркин, — это ужин, еда, брот, ням-ням...

Немец оживился и опять ткнул автоматом, только теперь с забором ствола вверх.

— Сейчас, — вновь сообразил Сидоркин и полез в повозку. Он полез медленно, выигрывая время и прикидывая, что предпринять, и тогда долговязый поторопил его прикладом в спину. «Ну, погоди, шпион фашистский!» — озлился Сидоркин, не проявив, однако, видимой ненависти, и, забравшись на передок, постучал сначала по одному термосу, потом по другому и третьему.

— Харчо. Плов. Какао, — объяснил он свои жесты лазутчику.

Очкастый, полуобернувшись, бросил что-то короткое раненому, но тот в ответ лишь застонал. И снова ствол автомата задрался вверх, показывая: открывай, мол, какао.

Сидоркин разжал зажимы и откинул крышку. Морозный воздух, мгновенно впитав запахи какао, потеплел. Немец

принюхался и, неловко ступая лыжами, подогнал их под возку, навалился грудью на край. Сидоркин растянул губы во вроде бы подобострастной улыбке. «Сейчас, сейчас», — закивал он, уже зная, что сделает через минуту. Он достал из посудного ящика котелок, зачерпнул им из бака, а когда немец потянулся свободной рукой к котелку, выплеснул его содержимое ему в лицо...

С раненым долго возиться не пришлось, но Сидоркин обошелся с ним бережнее — все-таки раненый, положив на связанного долговязого, которого завалил между термосами прямо в лыжах. Тот недовольно завозился, и Сидоркину пришлось на него прикрикнуть:

— Ничего, потерпишь, твой же товарищ, а глаза у тебя целы, очкам спасибо скажи...

В Осиновку Сидоркин добрался за полночь и без приключений, если не считать, что при выезде из леса его перехватили уже свои. Оказывается, Трофим, пришедший в себя, поднял тревогу, и на поиски исчезнувшего Сидоркина направили поисковую группу. Объясняться поэтому долго не пришлось, немцев перегрузили, а Сидоркину дали провожатого, который хоть и был родом не из Сибири, но Сидоркину понравился. Жаль только, что праздничный ужин остыл, пока они добрались до места.

— Как же я бойцам в глаза посмотрю? — расстраивался Сидоркин. — Проклятые фашисты — праздник испортили!

— Ну, ты это брось, — не согласился сопровождающий. — Ты за этих фашистов еще орден получишь.

Сидоркин скромно промолчал, подумав: орден не орден, а без боевой медали домой он уже не вернется...

СТЫД

Паша по прозвищу Левша, с раннего утра и до позднего вечера отирающийся возле магазина в нашем микрорайоне, без рук по локти. Пьет он, поставив обрубками стакан, бутылку или какую другую посудину на колено. Какое колено — правое или левое, — значения не имеет. Сидит, в зависимости от времени года, на травке или в снегу и тянет, склонившись, из поставленного на колено одурманивающую жидкость. Остатки допивает, чтоб ни капли на доньшке не осталось, ухватив посудину зубами и запрокинув голову. А это не блоху подковать — сложнее, почему и прокликали его Левшой. Зубы же у Паши крепкие — из железа. Не стершиися с Великой Отечественной...

Руки Паша в той войне и потерял. В Белоруссии. Когда в дот, чтобы не погибнуть совсем, как погиб Матросов, связку гранат руками сунул. Но об этом знают лишь он, да я, врач областного госпиталя для ветеранов и инвалидов войны, в котором раз в год подлечивается и Паша.

Лишившись рук, Паша смыл свой позор, поскольку воевал в штрафном батальоне, в который повезло попасть из тюрьмы, где сидел за воровство. Не тюрьма — наверняка бы ему присвоили звание Героя. А так за подвиг лишь судимость сняли да комиссовали подчистую. И на гражданке с военных лет мыкается он в инвалидном доме, пережив в нем и сверстников-фронтовиков, и тех, кто ему позже в сыновья и внуки годился — афганцев, и теперь на казенном содержании уже с ребятами, пострадавшими в Чечне. Зажился он, считает Паша, потому, что никогда в загробную жизнь не верил — в Бога, значит.

«Как поверю, так и откинусь», — говорит он по-тюремному, но поверить в Бога мешает ему, наверное, пристрастие к алкоголю. В хмелю Паша выдвигает другую версию своего долгожительства: «Был бы с руками, давно бы помер, а без рук, видно, на тот свет не принимают. Вот подкоплю денегжат, и в Беларусь рвану. Я местечко, где без рук остался, хорошо помню. К рукам прислонюсь, там сгинувшим, и отойду тогда с миром...»

Скопить денегжат, однако, ему никак не удается.

Когда Пашу спрашивают, как он потерял руки, он отвечал одно и то же даже в стельку пьяный:

— Отморозил. — И непременно уточнит: — По пьянке.

— Павел Дмитриевич, — сказал ему как-то, — зачем же так? Ведь ты герой и без Звезды. Хочешь, я похлопочу, о тебе и вспомнят? Времена ведь сейчас другие...

— Не вздумай! — просипел Паша, выпрашивая глазами на бутылку.

— Почему, Павел Дмитриевич?

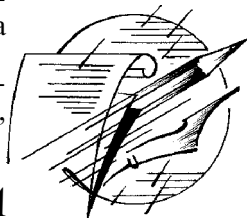
— Почему, почему... — Он спрятал глаза. — Вором был — скольких обворовал?.. В тюрьге сидел. В нахлебниках вона уже сколько! — заскрипел железными зубами. — А еще, — поднял затравленные глаза, — грудью побоялся... И креста на мне нет! — развел кулбтями на груди рубаху. — Стыдно-о! — заплакал без слез.

Мне бы до такого стыда дожить...

ВЕРНЁМ СТРАНУ НАРОДУ!

Выдающийся русский философ и публицист конца XIX—нач. XX в. один из самых пламенных вождей хулимою нынче либералами Черной сотни и последовательный защитник российской монархии Владимир Андреевич Грингмут жестко и неустанно клеймил как доморожденных либералов, так и их идейных вдохновителей — западноевропейский парламентаризм, «истасканный и изодранный». «Наши «либералы», — говорил Грингмут, — хотят во что бы то ни стало навязать западноевропейский парламентаризм. Они делают это со всеми приемами базарного маклачества, тщательно скрывая и замалчивая все позорные дефекты этого неугодного учреждения, стараясь, как говорится, «показать товар лицом». Перечисляя с особым злорадством все действительные и мнимые недуги России, эти господа нигилисты, подобно ярмарочным шарлатанам, обещают сразу вылечить нас одним универсальным волшебным эликсиром — парламентаризмом, превознося на все лады его чудодейственную силу».

Не правда ли, эта суровая, насмешливо-беспощадная критика подрывных,

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

антигосударственных деяний либералов нынче не только не устарела, но и обрела еще большую актуальность?..

Затянувшаяся в нашем отечестве уже на два десятилетия практика порожденного либералами парламентаризма со всей очевидностью обнаружила все его неприглядные стороны — от циничного взяточничества и массовой скупки «голосов» избирателей во время выборных кампаний до постыдной торговли депутатскими мандатами, от обструкции и кулачных расправ в парламентских собраниях всех стран и уровней до физического уничтожения неугодных депутатов. Исключение составил исторический российский парламент начала 90-х гг., избранный воистину волей народа, который расстреляли и потопили в крови пушки Ельцина...

А что нам говорит хваленый—перехваленный либералами европейский опыт парламентаризма? История наглядно показала: многие правительства в парламентских республиках не подчиняются парламентскому большинству. Вспомни хотя бы примеры Бисмарка и Вильгельма II, датского министра Эструпа и норвежского кабинета Станга, удерживавших одно время за собой власть вопреки ясно выраженной воле парламентского большинства.

В истории европейского парламентаризма было немало и других удручающих попыток правительств откровенного подавления воли парламентского большинства, что в конце концов приводило к гибели и самих этих правительств.

Не секрет, главной задачей российских либералов-адептов парламентаризма на европейский лад является ослабление государственных устоев России и в конечном итоге уничтожение всех ее державнокрепляющих институтов.

...Часто либералы ссылаются на опыт царя Петра Великого: мол, он преклонялся перед европейской государственной системой. Да, Петр I любил Голландию и трудолюбивых голландцев, но считал неуместным и даже вредным для России парламентарно-республиканский строй этой страны и ее религиозное свободомыслие, порождающее моральный распад общества.

Современные фабриканты общественного мнения в лице либеральных СМИ льют водопады сентиментально-гражданских панегириков в защиту демократических прав и свобод граждан, не желая замечать ущербности парламентаризма для государственного самостояния России. В этом плане антигосударственная деятельность либеральных масс-медиа легко ассоциируется с враждебными происками террористов, подрывающих державные крепости страны, только их разрушающая роль еще более опасна, нежели кровавые деяния террористов-одиночек...

Будучи депутатом Законодательного Собрания Тверской области двух созывов, я в течение длительного времени имел возможность основательно ознакомиться с законотворческой деятельностью Государственной Думы РФ, ибо, как известно, ни один региональный закон не может быть принят не будучи до буквы соответствующим федеральному законодательству. Естественно, возникал вопрос: чьи интересы выражает так называемая вторая ветвь власти?

Выступая на одном из заседаний Госдумы спикер Грызлов с нескрываемыми нотками горделивости отметил работу Госдумы, которая приняла рекордное количество законопроектов. Нечто подобное в региональном масштабе готов заявить и я о Тверском парламенте, правда, не с таким гордым пафосом: законов и в самом деле мы напринимали великое множество, но, увы, их количество далеко не всегда перерастает в качество, а иные законопроекты, на мой взгляд, и вовсе не следовало принимать в силу их очевидной недоработки, а то и вредности.

На пользу ли обществу пошел, скажем, закон Госдумы об изменении правового положения государственных учреждений — образования, здравоохранения и культуры? Закон приводит эти важные социальные сферы к платным услугам (вопреки Конституции), которые просто не потянуть большинству малоимущих граждан.

Согласно данным Роскомстата почти 84% россиян получают доход в месяц до 20 тыс. руб. Однако большинство из них имеют доход всего 4–10 тыс. руб. Как живут эти люди при галлопирующем росте инфляции и безостановочном удорожании жизни — представить нетрудно. Способны ли они оплатить вышеназванные дорогие услуги? Вопрос риторический.

Государственная Дума, точнее, ее парламентское большинство, состоящее из депутатов правящей партии «Единая Россия», приняла закон по внешним займам. При этом страна не расплатилась с долгами, которые нахватала — 600 млрд. долларов! Страна лишилась продовольственной безопасности, доведена до системного кризиса. В минувшем году фракция «Единая Россия» сняла с рассмотрения законопроект о государственной защите нравственности, здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера. Также в прошлом году был снят законопроект об общественном совете на ТВ и в других СМИ, что вызвало в обществе бурю законного негодования.

Правда, есть небольшая группа граждан, которым инфляционные и прочие невзгоды нипочем. Тот же Роскомстат по-

казал, что 420 тыс. человек имеют сверхдоходы, получая в год более одного миллиона 800 тыс. руб. Причем эти 420 тыс. сосредоточили у себя в руках почти 80% всех доходов страны.

Не бедствуют, известно, и доблестные парламентарии: согласно декларациям за 2009 год одна треть депутатов Госдумы заработала от 10 миллионов до одного миллиарда с лишним рублей за год. Бесспорно, эти люди, обладающие депутатской неприкосновенностью, не станут принимать законы, ущемляющие их непомерные аппетиты.

Напрашивается логический вывод: кому нужен такой парламент? Только богатым и сверхбогатым жирным котам. В стране безостановочно растет и без того огромная социальная диспропорция, угрожающая страшным общественным взрывом и самому существованию России. Дискредитирован заложенный в Конституции РФ принцип народовластия. Парламент, где система демократического волеизъявления граждан сознательно и целенаправленно подавлена, окончательно изжил себя и очень опасен для будущего страны.

Либерализм, в понимании нынешних российских функционеров демократии, это далеко не то, что отвечает истинному гуманистическому смыслу данного понятия, и толкуется ими как наведение жесткого одномерного порядка посредством идеологической дубины, как правило, с ярко выраженным русофобским душком: вспомним статьи 280-ю и 282-ю УК РФ и другие «либеральные» новации по резкому усечению прав и свобод российских, прежде всего русских граждан.

Порой запредельная практика подобных ужесточений не только не скрывается от общественности, но назойливо афишируется как очередная «победа» либерализма над «тоталитаристским мышлением» «в этой стране» Так, один из яростных проводников либерализма на «российский лад» Андрей Кончаловский недавно пооткровенничал: «Либеральные реформы в России можно проводить только при ужесточении режима, ибо любое послабление в системе ассоциируется у русского (почему именно «у русского»? — В.Ю.) со слабостью власти» (Российская газета. 2011, №66, с. 11).

С восхитительным упоением предавшись утешливым воспоминаниям, как еще в 60-е годы прошлого века «попытки либерализации зарождались не где-нибудь, а в недрах самого Центрального комитета КПСС и проводились людьми, которых я знал (Коля Шишлин, Саша Бовин, Жора Шахназаров, Арбатов)», — Кончаловский раскрывает кухню подготовки либерализации советского общества, в условиях которой только и мог возникнуть пресловутый парламентаризм

в России: — «Они (т.е. вышеозначенные друзья-интеллектуалы автора. — В.Ю.) старались получить доклад (для Генсека. — В.Ю.) последними, прежде чем он должен был появиться перед глазами Брежнева. И каждый раз они проверяли (?!), не изъят ли из доклада абзац о культе личности. Потому что в предыдущих секторах, в которых редактировался доклад, сталинисты всегда вычеркивали упоминание о культе личности и любую негативную оценку Сталина. Люди из аппарата Андропова всегда аккуратно восстанавливали этот абзац и «охраняли» его до самого выступления, ибо это давало легитимное право оперировать идеями антисталинизма» (там же).

Вот, оказывается, как на деле отцы демократии еще в советские времена закладывали фундамент либерального инакомыслия — путем тайного — читай враждебного! — вычеркивания неугодных им идей, мыслей. Чего уж там говорить о нынешних днях, когда им таиться в условиях «либерализма без берегов» ни к чему и опасаться некого, пусть даже ценой откровенного и циничного пародирования статей Конституции РФ о свободе мысли и слова...

«Существующая в России власть не способна ни избавить миллионы людей от бедности, ни обеспечить безопасность своих граждан перед лицом коррупции и терроризма, — говорится в решении, принятом в Москве на Народно-патриотическом совещании 17 февраля 2011 г. — Парламентские механизмы, скопированные с западных образцов, оказались на российской почве неэффективными, извращающими само понятие народовластия. Россия лишилась высших органов народного представительства, место которых занимают представляющие не народ, а партийно-олигархические круги Государственная Дума и Совет Федерации («Федеральное Собрание»). Парламент перестал влиять на политику правительства».

Вот почему состоявшийся 9 апреля 2011 года в Москве съезд «Народное движение за созыв Конституционного Собрания», проходивший под лозунгом «Вернем страну народу!», носил чрезвычайный характер, объективно вызван архиважной общественно-политической и экономической необходимостью коренных перемен в жизни страны и общества.

Само Время диктует создание новой, подлинно демократической формы народного волеизъявления: упразднить Государственную Думу и Совет Федерации Федерального Собрания России; предусмотреть в Конституции новые высшие органы народовластия, доверив власть тем, кто пресечет дальнейшее разворовывание страны, вернет социальные льго-

ты, добьется снижения цен на продовольственные товары, газ, бензин и другие энергоносители, на услуги ЖКХ, защитит от разрушения армию, образование и здравоохранение, решит иные важнейшие вопросы политической и социально-экономической жизни страны.

ИХ НЕИСТРЕБИМАЯ ТОСКА ПО ЦЕНЗУРЕ

Чего в газетах не пропечатают —
то в Интернете прочитаем...

(Из диалога в трамвае)

Доморошенным реформаторам, неумным «борцам» за свободу слова, без устали транслирующим свою безоглядную приверженность толерантности, либерализму, плюрализму и прочим «измам», втайне давно неймется накинуть крепкую узду на Интернет — последний оплот действительно свободной, независимой и пока еще никем не управляемой информации. И вот их вожделенная мечта стала жуткой явью: не так давно в Росси учреждена такая госструктура — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Отныне многочисленные пользователи интернет-СМИ лишатся свободы слова в своих комментариях, а создатели сайтов национально-патриотических убеждений могут легко подвергнуться уголовному преследованию по 280-й и 282-й статьям УК РФ. Руководитель Роскомнадзора Сергей Ситников приказом № 420 от 06.07.2010 утвердил Порядок обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации в телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Для нещадной борьбы с признаками злоупотребления свободой массовой информации (естественно, в понимании и трактовках этих понятий самими чиновниками данного контрольного ведомства) Роскомнадзор принял жесткие, запретительные меры против СМИ.

А как же быть со статьей 29 Конституции РФ, которая четко и ясно гласит: каждому гарантируется свобода мысли и слова? Получается, «гарантируется» — это еще отнюдь не выполняется...

Ах, как хочется помечтать, чтобы конституционные законы в точности до буквы, строго и неукоснительно исполнялись, а не служили бы лицемерным прикрытием для ловкого обходного маневра, чтобы их нарушать!.. Еще великий русский сатирик Салтыков-Щедрин выводил на чистую воду лицедеев-чиновников, нагло плюющих на российские законы, а проблема сия, увы, не утратила своей животрепещущей актуальности.

Как пишет осведомленное РИА «Новости», Роскомнадзор объявил на диво всему честному миру весьма странный открытый конкурс на разработку и поставку программно-аппаратного комплекса контроля публикаций интернет-СМИ. Стоимость проекта, как сообщил помощник руководителя Роскомнадзора Михаил Воробьев, чиновники оценили аж в 15 млн. рублей.

Для чего же конкретно понадобилась столь затратная контрольная система, внедрение которой будет оперативно проплачено из карманов налогоплательщиков и которую энергично торопят внедрить уже в текущем году?

Как пояснил Воробьев, система создается для того, чтобы автоматически выявлять признаки нарушения российского законодательства как в публикациях зарегистрированных онлайн-СМИ, так и в комментариях читателей к этим публикациям, в том числе на форумах онлайн-СМИ.

Иначе сказать, не без оснований опасаясь роста народного негодования в России, бдительные власти предержавские — чиновники — порешили надежно заблокировать какие бы то ни было неудобные сайты всемирной паутины, дабы они, не дай Бог, не провоцировали подражание дурным иноземным примерам.

Примечательно в этой связи недавнее откровение депутата-единоросса Госдумы Олега Морозова, который в духе всезнающей бабки-гадалки страшит читателей вступлением России в эпоху охлореволюций: «Реальные революции, особенно те из них, которые вовлекают в свою орбиту гигантские массы людей и приобретают форму народных уличных восстаний (охлореволюции начинаются только когда находятся лидеры, способные вывести людей на улицу). Сегодня появилась новая разновидность такого революционного лидера. Имя ему Интернет» (Российская газета. 2011, №63, с. 17).

Вот так-то просветил нас, темных, многоуважаемый депутат-футуролог. Теперь будем знать и опасаться у себя в отечестве главного зачинщика охлореволюций — Интернета, под-

нявшего на дыбы весь северо-африканский континент, ставшего вдруг неким таинственным «лидером» донельзя угнетенных и разгневанных народных масс.

А что же наша многострадальная родина-Россия? Угрожает ли ей кровавый африканский вариант «цветных революций», т.е. охлореволюция?

«Угроза охлореволюции в России существует!» — восклицает наш депутат-пророк. Проявляется она, по его просвещенному мнению, опять же «как продукт систематического и осознанного стимулирования общественного недовольства, информационного манипулирования людьми. Специалисты в области интернет-технологий фиксируют наличие внешнего управления, то есть провоцирования и даже моделирования массовых выступлений. Очевиден тот факт, что теперь большими массами людей можно управлять дистанционно при помощи Интернета» (там же).

Если подойти к означенной проблеме — СМИ и власть — серьезно, то, безусловно, нельзя отрицать факты внешнего воздействия на массы с помощью того же Интернета. Но абсолютизировать негативную роль Интернета и прочих СМИ, согласитесь, наивно. Разве мы не знаем, что СМИ изначально являются не самостоятельной и независимой ветвью, как пытается нас в том убедить Олег Морозов, а р ы ч а г о м власти, с помощью которого идет оболванивание заинтересованными персонами доверчивых граждан?!

Если же следовать логике суждений Морозова, то, оказывается, не единокорсы-думцы, друзья и коллеги нашего философа, наплодив сотни и тысячи вредных и опасных социальных законов, довели российское население до ручки, а некое таинственное чудище — Интернет, коим к тому же владеет, по Морозову, вовсе не «партия власти», а где-то глубоко законспирированная в России либеральная оппозиция: запустив в ход зловредную машину своих медиаресурсов, она-то, мерзкая, и одурачивает несчастных сограждан, провоцируя их на опасную агрессию против власти и реализацию африканского варианта охлореволюции на просторах России... Это она, дескать, страшная и разрушительная силища — либеральная оппозиция, целиком захватив СМИ, говоря устами Морозова, «не просто доминирует здесь по объему и качеству информации, но, что самое главное, слаженно работает на достижение поставленной цели, воздействуя на наиболее активную аудиторию — средний класс, интеллигенцию, молодежь».

Постигая с ужасом морозовскую страшилку, изрядно напуганный, я кожей вдруг ощутил, как меня пробирает жуткий мороз (простите за тавтологию). Поистине, пахнуло тайным,

зловещим заговором неких темных сил против моей несчастной, незащищенной родины-России. Невероятными усилиями удалось себя удержать, не схватиться с места и с криком «Караул! Спасайся, кто может!!» не выскочить на улицу...

Не спору, либерально-западническая оппозиция в лице ее одиозных лидеров типа Немцова, Каспарова, Рыжкова, Хакамады и прочих «шведов» действительно патологически одержима жадой довести катастрофические реформы «отцов демократии» Гайдара—Чубайса до своего победного конца, в смысле до полного конца России как независимого государства. Щедро подкармливаемая — и не только интеллектуальной пищей — заокеанскими благодетелями-русофобами всех мастей, она, безусловно, пытается вернуть себе утраченные после 90-х годов властные позиции, политически реанимироваться; в ход идут приемы без разбора и всякие небылицы: приписывание себе несуществующих «героических» заслуг по «борьбе с антинародным режимом», позиционирование себя, любимых, как якобы неоторимой, реальной и влиятельной политической силы.

Вместе с тем приписывать либеральной «шелухе» фактически не существующую абсолютную власть над всеми медиаресурсами России, на которые будто бы она делает ставку в борьбе за власть, как в том нас пытается убедить Морозов, согласитесь, нелепо, это без труда выдает его едва прикрытую цель свалить причины множества накопившихся в стране бед и проблем с больной головы на здоровую, на второстепенного, а не главного ответчика — правящую партию ЕР.

Громогласно объявив беспощадную войну Интернету как злодейскому «лидеру», рассаднику мировых охлореволюций, О. Морозов пытается «защитить» российских граждан от этого единственного, уникального средства получения напрямую, минуя цензурные решетки Роскомнадзора, широкой, разносторонней информации, в том числе национально-патриотического толка, в пока еще свободном, не оккупированном новоиспеченными цензорами от Роскомнадзора информационном пространстве.

Разумеется, с бухты-баряхты, вот так взять и заключить под цензурную стражу Интернет — никому не удастся, как бы того ни жаждали неусыпные блюстители «идеологической чистоты» и жесткого контроля. Ведь что тогда подумает о них свободный демократический Запад?! Со стыда сгореть можно... Нужна хотя бы паутина правовая основа для введения того, что словом «цензура» нынче называть просто неприлично. По словам вышеупомянутого чиновника Воробь-

ева, необходимость внедрения системы тотального Интернет-контроля обусловлена положениями закона «О средствах массовой информации». (Принятый еще в 90-е годы прошлого столетия, закон этот безнадежно устарел, по общему мнению журналистского сообщества, нуждается в коренных поправках, в концептуальных изменениях и потому никак не отвечает новым российским реалиям.) По постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2010 г., СМИ должны удалять или редактировать противоправные читательские комментарии **только после их выявления Роскомнадзором** и соответствующего обращения данного, наделенного чрезвычайными контрольными функциями ведомства в редакцию.

Не знаю, право, смеяться тут или плакать. И после этого грозного вердикта меня, наивного и простодушного, все еще пытаются уверить в отсутствии в современной демократической России цензуры!.. Да вот же она, родимая, налицо, никогда не умирала, благополучно живет, здравствует и процветает в благословенные постсоветские времена, твердо властвует и безапелляционно диктует свои железные правила игры, слегка прикрывшись легкой ширмой лицемерных фраз о какой-то там «свободе слова», какой-то Конституции, с той лишь разницей, что благовоспитанная девица, сменив фамилию при выходе замуж, стала именоваться не «Цензурой», а Роскомнадзором. Чего не бывает в жизни! Ведь были же у нас когда-то распространенными имена — Ленина, Тракторина...

Какой же мыслится нашим горячеголовым цензорам от Роскомнадзора технология вышеозначенного тотального контроля?

Без специальных программных средств осуществлять действительный контроль за текстами читательских комментариев, размещенных на страницах онлайн-СМИ, затруднительно, сетует Воробьев. С внедрением же новой системы Роскомнадзор, который в настоящее время осуществляет мониторинг (читай: пристально цензурирует! — В.Ю.) онлайн-СМИ вручную (с использованием общедоступных инструментов интернет-поиска), рассчитывает повысить оперативность реагирования на нарушения действующего законодательства о СМИ. Системе предстоит выявлять неочевидные (?) признаки нарушения законодательства, а именно: призывы к осуществлению террористической деятельности или насильственному изменению основ конституционного строя; материалы, возбуждающие расовую, социальную, национальную или религиозную рознь и т.д.

По замыслу заказчика, программно-аппаратный комплекс контроля интернет-СМИ будет представлять Роскомнадзору автоматически сгенерированные отчеты о результатах круглосуточного (!) автоматизированного мониторинга публикаций изданий, зарегистрированных в качестве онлайн-СМИ. Используя обновляемые тезаурусы ключевых слов и выражений, система должна в реальном времени автоматически информировать операторов о признаках нарушения законодательства о СМИ на сайтах интернет-изданий.

В число требований к системе, установленных техническим заданием, входит возможность обработки текстовых документов различных форматов, а также графических, аудио- и видеоматериалов. Предусмотрен строгий контроль материалов на предмет соответствия формальным требованиям, ограничивающим их распространение, как, например, в случае содержания, не предназначенного для детей. Это единственное, с чем я охотно соглашусь: цензурирование детских интернет-передач с точки зрения их морально-этического и нравственного содержания и в самом деле давно назрело и перезрело. Однако почему священной коровой тут должен выступать опять-таки вездесущий Роскомнадзор, будто небесный ангел во плоти?! Не эта ли «корова» подняла на рога куда более разумный законопроект о введении в российские СМИ общественных советов, заболтанный и грубо отвергнутый большинством «единороссов» в Госдуме РФ? Зато его величество Роскомнадзор получил фактически неограниченные контрольные полномочия похлеще лицемерно проклинаемой ныне либералами советской цензуры.

...Хочешь насмешить Бога — поведай ему о своих планах, гласит народная мудрость. Замысленный ретивыми цензорами нашего времени план поставить интернет-СМИ под автоматический контроль, убежден, ждет позорный провал, ибо искоренить священное право на свободу мысли и слова не в силах даже сам Господь.

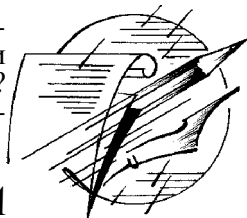
В заключение не побоюсь сказать: да, нашему обществу действительно н у ж н а ц е н з у р а! Цензура — на запрет инакомыслия. Цензура — на ограничение свободы слова в интересах отдельных власть имущих персон. Цензура — на грязь, пошлость, разнузданность и непрофессионализм околожурналистской братии. Цензура — на всё то, что мешает нам жить и строить действительно свободное гражданское общество.

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ АНТИРУССКИЙ ФРОНТ

При всем идейном разнообразии общественно-политических сил есть в России нечто, объединяющее почти все эти силы, за исключением крайних, так называемых «этнических», националистов. Это отказ признать биологическую идентичность русского народа.

Для красных коммунистов, для зеленых и оранжевых демократов, для серо-буро-малиновых и для всех остальных слово «русский» является прилагательным. Оно «прилагается» к явлениям социального порядка, таким, как русский язык, русская культура, русская цивилизация, русское государство и прочее русское. Но вот русского народа как самостоятельной биологической сущности и русского по биологическому происхождению человека на земле, по их мнению, не было и нет. Слово «русский» в качестве существительного, означающего явление с самостоятельным биосоциальным бытием, из общественно-политического дискурса исключено.

Возникает вопрос, кто же все это сотворил — язык, культуру, цивилизацию и все прочее с определением «русский»? Ответ стандартный — «многонациональный народ» России.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Получается, что русский язык, равно как и все остальное русское, является плодом коллективного творчества татар, якутов, коряков, чеченцев, евреев и прочих бесчисленных коренных народов и диаспор страны, но никак не самобытного русского народа за отсутствием такового в природе. Это явный бред хотя бы потому, что все перечисленное возникло задолго до появления упомянутых и всех остальных нерусских этносов и диаспор в составе российского государства (причем в качестве национальных меньшинств при русском этническом большинстве, которое их в свое государство интегрировало).

Издевательством над логикой и здравым смыслом является и сам термин «многонациональный народ». «Народ» (или этнос) представляет собой сообщество кровных родственников, произошедших от одного предка и в процессе исторического развития расплодившихся и расселившихся на определенном пространстве. «Национальный» означает «присущий данному народу» и никакому другому, это синоним «народного». Соответственно, «многонациональный народ» все равно что «многонародный народ», то есть то, чего на белом свете не может быть потому, что не может быть никогда, — такая конструкция нарушает основы бытия. Еще Аристотель сформулировал основной закон бытия и мышления: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же в одном и том же смысле». Это значит, что народ не может быть «народным», то есть мононациональным, и одновременно «многонародным», «многонациональным».

Характерно, что даже самые ярые приверженцы термина «многонациональный народ» не отказывают в национальной идентичности якутам с татарами, корякам с чеченцами и остальным полутора сотням российских народов (не говоря уже о диаспорах — никто не оспаривает существования самобытного еврейского народа или самобытного корейского народа, имеющих свои национальные государства за пределами России). Другие народы, по их мнению, представляют собой отдельные биосоциальные сущности. А русского народа в этом смысле как не было, так и нет — это собирательное наименование для живущих на территории России малых народов и диаспор: российских татар, российских якутов, российских коряков, российских чеченцев с евреями и пр. Именно их называют «русскими», а их совокупность «русским народом».

По этой версии, «русский народ» сродни «американскому народу». Кто видел своими глазами биологического американца (индейцы не в счет)? Никто не видел, потому что таких

в природе не существует. «Американец» — не биологическое существо, а только социальное. В национальном отношении это понятие собирательное, включающее всех разноплеменных граждан США. Аналогичный подход пытаются применить и к российским реалиям, вопреки очевидности отказывая русским людям в их биологической идентичности.

Этот русофобский мировоззренческий стереотип глубоко внедрен в общественное сознание интернационалистской пропагандой в СССР и либеральной пропагандой в современной России. Он типичен не только для либералов и левых, но и для патриотов и даже для тех, кто называет себя «русскими националистами». Люди, оперирующие понятием «русский народ», на самом деле имеют в виду совсем иное человеческое сообщество — «многонародное» или «многонациональное» население страны, в котором собственно русский этнический компонент, по их мнению, отсутствует.

В результате страдает русский этнос как таковой, как самостоятельная биосоциальная сущность. Его специфические национальные интересы выпадают из фокуса общественного внимания и подменяются интересами нерусских народов России, рассматриваемых как по отдельности, так и в их совокупности, которые якобы и являют собой «многонациональный народ» России, называемый «русским». Собственно русский в биологическом отношении народ и русский по биологическому происхождению человек из-за этого оказываются в современной России дискриминированными.

Это очень опасно. Это мина под зданием российской государственности. Подавление национального самосознания государствообразующего народа лишает российское государство главной его опоры. И ничем, никакой искусственной идеологией эту природную национальную опору полноценно заменить нельзя. Без русского национального самосознания Россия становится, по выражению Вольтера, «колоссом на глиняных ногах».

После 1917 года, когда «ленинская гвардия» (почти поголовно нерусская) на государственном уровне положила начало официальной русофобии в России, эта мина сработала дважды.

Первый раз — в начале Великой Отечественной войны. Помимо политических просчетов большевистского руководства и военно-технических причин, трагические события начального периода войны (потеря огромных территорий, массовая сдача в плен) были обусловлены отсутствием у русского народа, объявленного большевиками «советским народом» (т.е. безнациональным, согласно коммунистической клас-

совой идеологии, сообществом рабочих и крестьян), серьезного мотива для сопротивления немецкой агрессии.

Поначалу многим русским было все равно, кто победит в войне за власть в государстве, местные большевики или пришлые германские нацисты. И те и те нерусские, неродные, а немцу даже лучше, они «культурнее» большевиков и в отношении населения большевистских зверств не допустят (так думали не только рядовые бойцы Красной армии, но и многие генералы). Понадобилось время, чтобы понять, что Гитлер ведет против русской нации войну на уничтожение еще более беспощадную, чем «соратники Ильича». Когда этот факт русским народом был осознан, война началась по-настоящему — некоторые эксперты датируют реальное начало Великой Отечественной войны не июнем 1941 года, а летом 1942-го.

Ничего подобного в дореволюционной истории российского государства произойти не могло в принципе. Русская национальная сущность России была общепризнанной по умолчанию как само собой разумеющийся природный факт, о котором и говорить незачем. И всякая война с иностранным агрессором автоматически приобретала общенародный характер как война русской нации против другой нации, посягающей на ее жизненные интересы.

Второй раз русофобская идейная мина взорвала Россию в 1991 году. Либералам-космополитам на этот раз удалось при поддержке Запада добиться того, что не вышло у Гитлера — расчленения страны и разделения русской нации из-за отпадения Украины с Белоруссией с их этнически русским населением. Подавление советской пропагандой национального самосознания русского народа позволило врагам нации разрушить державу, не встречая сопротивления в виде национальной солидарности русских людей, кровно заинтересованных в сохранении государства как системы институтов, обеспечивающих выживание нации. Большевистская идеология, отводившая государствообразующую роль не русскому народу, а идеологической химере в виде «новой исторической общности людей — советского народа», разрушила в массовом сознании естественный идейный фундамент российской государственности, а именно самосознание государствообразующего русского народа, из-за чего государство и обрушилось.

Те же самые русофобские мотивы слышатся и сейчас, причем как из лагеря либералов и левых (это понятно, так и должно быть из-за их космополитической природы), так и из рядов патриотов и части «русских националистов». Русский народ как биологически самоидентичное сообщество не су-

шествует, твердят они, а когда сами говорят о «русском народе», то имеют в виду российские нацменьшинства и их поменьше. Это и есть, по их мнению, русская нация.

Такова и официальная позиция государственного руководства Российской Федерации. «Национальный лидер» убежден, что «если поскрести русского, обнаружишь татарина». Это значит, что Путин ощущает себя «национальным лидером» не этнических русских (по его мнению, таких в природе не существует), а этнических татар, часть которых по непонятным причинам приняла русскую оболочку, которую можно соскрести. Ничего плохого в этом нет, нужно только все время уточнять, что Владимир Владимирович — не русский, а татарский национальный лидер...

В совокупности русофобы всех политических ориентаций формируют своего рода общероссийский антирусский фронт, доминирующий сейчас в общественно-политической жизни страны. Исключение составляют крайние националисты, не согласные с отрицанием самостоятельного биологического бытия русского народа, что и позиционирует их «на краю» идейно-политического спектра, этим отрицанием консолидированного.

Почему так? В чем причина упорного желания неглупых в общем-то людей не видеть очевидное и, вопреки всем генетическим, историческим и прочим фактам, оспаривать существование биологически самоидентичного русского народа с его эксклюзивной государствообразующей ролью в России?

Имеются две основные причины столь неадекватного поведения.

Первая — это инерция мышления, зомбированного советской и либеральной пропагандой. Люди бездумно повторяют то, что им вдолбили в головы еще в розовом пионерском детстве и продолжают вдальбивать по сей день. Чтобы переосмыслить национальные устои России, требуются время и умственные усилия, а либеральные власти и СМИ этому процессу мешают.

Вторая — это осознанная ложь ради сохранения во власти антирусского режима либералов-космополитов, защищающих глобалистские устремления транснациональных корпораций в их противоборстве с национальными государствами. Признание существования русского народа как самостоятельного биосоциального сообщества людей, образующего российское государство, предполагает и признание необходимости того, чтобы власть в России принадлежала именно этому народу, а не кому-нибудь еще. То есть власть в Рос-

сийской Федерации должна быть национальной, русской, а не антинациональной, не либерально-глобалистской.

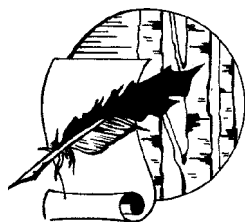
Такое признание будет означать политический приговор нынешнему космополитическому режиму, губящему нацию. Либеральная власть и русский народ несовместимы друг с другом, они цивилизационные антагонисты. Отсюда — патологическая русофобия правящих либералов. Отсюда и отторжение антирусской либеральной власти русским народом.

Непримиримое противоречие между русофобским характером правящего режима и жизненными интересами русского народа, национальное по своей природе, накладываясь на острое социальное противоречие между ними же, неминуемо приближает страну к национально-социальной революции. А в революционном противоборстве между народом и режимом участники общероссийского антирусского фронта, ныне пребывающие в мутном, мерцательном состоянии сознания, окажутся перед необходимостью однозначного выбора — с кем они?

В социальной конфронтации левые, патриоты и псевдорусские националисты, безусловно, на стороне бедного большинства, то есть на стороне русского народа. Но в национальной плоскости космополитический властный режим им идеологически ближе, поскольку они в унисон с «татарским» национальным лидером Путиным утверждают, что русского народа в природе нет. В экстремальной революционной ситуации такое раздвоение сознания неизбежно приведет к полномерной шизофрении, и неизвестно, какую позицию займут нынешние оппозиционеры, ни один психиатр не возьмется это прогнозировать.

Во всяком случае, очевидно, что «этнические» русские националисты, которых сейчас называют «крайними» из-за их идейной определенности и приверженности биосоциальному видению русской нации, останутся вместе со своим русским народом во всех перипетиях его исторической судьбы. И в силу неумолимой логики событий нынешний национальный «край» скоро станет доминирующим политическим центром.

Источник: Pzrk.ru

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Валерий БЕЛОВ

* * *

Получив инструктаж, знал, что ждет впереди —
Полегло до него здесь немало.
А желание жить, как заноза в груди,
Человеку уснуть не давало.

Что он думал о славе, сказать не берусь,
Только правило знал он простое —
Если ты не предатель, не шкурник, не трус,
Обязательно будешь героем,

Как бы ты ни погиб, даже с прочими в ряд
Похороненный в общей могиле...
Выжить шанс невелик, но он есть, ведь не зря ж
Человека для жизни крестили.

Для бесбойной отцепки сложил парашют,
Запасную приладил обойму,
Даже зная, в какое их пекло пошлют,
Он мечтал перед завтрашним боем:

Вот окончится чертова эта война
И его наградят перед строем,
А еще — есть в деревне девчонка одна,
С ней детей у него будет трое.

В темноту, как в загробную жизнь, улетал
Самолет за разрывы орудий.
Рваный воздух гребли под себя два винта,
Крохи жизни у смерти воруя.

Впопыхах собиралась солдата душа
В рай, где дверь перед нею откроют,
А он думал, сжимая в руках ППШа,
Что детей у него будет трое.

РЕКВИЕМ ПО ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Заброшенная деревенька,
Дом у заросшего пруда,
Что врос по самые ступеньки
В родную землю навсегда.

Ни по лимиту, ни набору
Ему отсюда не уйти,
Вдвоем со скошенным забором
Ему в райцентр не по пути.

Когда-то здесь чубы друг другу
Ребята драли за девчат,
А вот сейчас на всю округу
Лишь птицы дикие кричат.

Но свято не бывает пусто...
Придет сюда другой народ,
Деревню вытравит он дустом
И с почвы гумус обдерет.

Шлагбаумы везде поставит,
Дома снести — отдаст приказ,
Чтоб заколоченные ставни
Не омрачали барских глаз.

Барак построит для таджиков
Вновь явленный латифундист,
И заживет в столице с шиком
Родной земли поработист.

Поля от барина украдкой
Таджик засеет коноплей,
А перелески и посадки
Гольфклубом срубятся под ноль.

г. Москва

Сергей КОРОТКОВ

* * *

Снег идет за окном. Лена ропщет на долю,
Тетя Дуся вздыхает от жалости к ней.
Снег идет за окном. Надышаться бы вволю
Этим белым безмолвием нынешних дней.

Деревень уже нет: поселенья, погосты.
Даже город молчит, суету усмирив.
Снег идет над землей. Словно тертые кости
Наших предков вернулись, свой путь завершив.

От смоленских границ до Курил заповедных,
Снег метет на Руси, засыпая поля,
И не слышно в застолях новых песен победных,
Снег, как птица, стучится в громады Кремля.

Сердце, сердце, не плачь. Без того мне тревожно.
Посмотри, как зимою земля хороша!
Так она белокожа, собою пригожа,
Что мне кажется, это — России душа.

Дочка вносит в тетрадку свои наблюдения,
И с оконца не сводит натруженных глаз.
Снег идет по Руси, так идет поколение
Исполинов. И снегом уходит от нас.

И чужим не понять нашей Родины милой,
Здесь порою сердца милосердно стучат!
Вот они говорят, и с неистовой силой
Голоса их звучат, голоса их звучат.

г. Москва

Вероника ШЕЛЯКИНА

НА БЕРЕГУ

Седого облака виски
Погладил ветер кроткий.
Плывет вдоль берега реки
Рыбак в глубокой лодке.

Блестят ребристые следы,
И весла гонят волны,
А мы у солнечной воды
Стоим с тобой безмолвно.

Плывет вдоль берега рыбаки...
В глаза нам солнце светит,
Ты даже не заметил, как
В мои попался сети.

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

Приготовлю прощальный ужин
И салфетку сожму в руке.
А на улице мерзнут лужи
И следы на речном песке.
От тебя я усталость прячу
И дрожанье холодных рук.
Ты пришел? Я совсем не плачу,
Просто репчатый режу лук.

г. Рязань

Сергей ВАСИЛЬЕВ

* * *

Тверская питоном сжимает конвульсивное тело Москвы
исступленно и нервно.
Кожа ее пузырится — автомобилями, истерией реклам,
магазинов.
Шоссейная музыка, словно бейсбольная бита:
волну за волной разбивает людские потоки.
Вечер чарует бриллиантовой пылью за стеклами торго.
И все-таки ты, не скрывая восторга,
мне шепчешь: «Люблю».

* * *

Запоздалая метель, —
заблудшая, певучая —

Процеживает город с Красной площадью,
фешенебельными отелями,
зарешеченными деревьями,
пригретыми тротуарами,
усатыми троллейбусами...

Барабанит солнечная капель.
Сегодня еще март,
а завтра — апрель.
Сосульки, метель, акварель...

* * *

Над волнами зеленого клена
Сокол плавно кружил
в свитке тончайшей лазури.
По окраине голого склона
Одинокая туча плыла —
отголосок смятенья и бури.
Я стоял на вершине холма,
и протяжно густой благовест
Заутрени Иосифо-Волоколамского монастыря
Разливался гармонией звуков окрест
Под тихой рукою
задумчивого звонаря.

* * *

Гроза летит искореженными потоками огня,
Волнуя громовыми раскатами струи зеленых трав,
Рисует воду реки,
переливающуюся чешуей голавлей,
И сотрясает воздух внезапными криками огненных журавлей.
Жизнь продолжается, и это значит — будет много детей.
Гроза напоила утренний воздух потоком озона.
И плывет озон по России радостью колокольного
перезвона.

* * *

В проем стены, давя стекло,
Ввалилось небо
Бездонно-синее.
И потекло, и потекло —
По всей России...

Со звоном об пол —
В потолок
Ударил солнца спелый ток.
Вставайте, люди! На дела
Зовёт нас
 золотой гудок.

г. Москва

Николай СИТНИКОВ

* * *

Возьму билет и тихо сяду в поезд.
Сойду на станции родного городка.
Найду отцовский дом,
Чтоб поклониться в пояс,
И будет наша встреча коротка.

Чужие люди отопрут ворота.
Пёс на цепи оскалит злую пасть.
Пройду я в сад заросшим огородом
И поспешу к одной из груш припасть

Дом глянет искоса из-под прикрытых ставен.
К шершавому стволу прильну щекой.
Когда-то здесь я мать с отцом оставил.
А может быть, и душу, и покой.

г. Сочи

Михаил КАТКОВ

* * *

Звезды отсырели от тумана.
Ночь ушла отмаливать грехи.
Женщина, проснувшаяся рано,
Помнит сна неясные штрихи.

Волосы, взлохмаченные малость,
Отдают ночью тишиной.

Отчего же сердце сразу сжалось
И в глазах душевный непокой?

Может быть, незваные морщины
Стали той причиной? Или что?
Может, то, что в доме нет мужчины,
Кто в прихожей мог бы снять пальто?

Иль от плача во дворе ребенка
Содрогнулись тело и душа?
Оттого и выпала гребенка,
Как из рук игрушка малыша.

Женщина, проснувшаяся рано,
Помнит сна туманные штрихи.
На коленях шепчет неустанно:
«Господи, прости мои грехи...»

г. Москва

Юрий МАНАКОВ

* * *

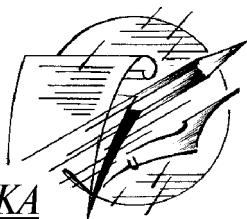
Глаза прикрою: кисточки клубники
На цветоножках. Полдень, сладкий зной.
Ах, память, память, что другое — выкинь,
Но это будет пусть всегда со мной!
Ах, люди, люди — было б все так просто:
Родился — вырос — пожил — на погост..
Но души расселяются по звездам.
А, может, и блуждают среди звезд.
Роятся неприкаянно, покамест
Не вострубит архангелов призыв.
Но и тогда с последним всплеском, каясь,
Сквозь радужность молитвенной слезы
Моя душа увидит в кратком миге
Не суету усталых городов,
А в обрамленьи кисточек клубники
Родные лица и родимый кров.

г. Рудный, Алтай

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАБАЛА РОССИИ

Вспомним, что ГКЧП в августе 1991 года возник как следствие политики М.Горбачева по созданию банка «Общественного финансирования и кредитования национальных программ», кредиторами которого выступали швейцарский банк Д.Ротшильда и американские финансовые корпорации Морганов и Рокфеллеров. Со стороны СССР были представлены М.Горбачев, Р.Горбачева, Б.Ельцин и другие. «Заклятые» друзья Горбачев и Ельцин за спиной народа решили продать всю собственность СССР клану Ротшильдов, но вмешался могущественный КГБ, и сделка рухнула. То, что не удалось с первого раза, получилось со второго.

В период правления Ельцина США в лице своих экономических советников — кадровых сотрудников ЦРУ стали во главе реформ в Российской Федерации. Руководитель Центра по приватизации Б.Гарднер все операции с недвижимостью проводил через «Credit Suisse First Boston», банк, входящий в монополию Ротшильда. Уже в 1994 году московский филиал этого банка владел акциями «Лукойл», РАО «ЕЭС России», Ростелеком, «Норильский никель», Ново-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

липецкого металлургического комбината, «ЛОМО» и других предприятий. Советник британского парламента Д. Росс писал: *«Россия пережила крупнейший за всю историю промышленный крах, фактически это самый глубокий крах промышленной экономики в мирное время, когда-либо случившийся в мире. Чистые потери страны огромны».*

Главный редактор влиятельного масонского органа «News and World Report» М. Цукерман откровенно писал: *«Невидимая рука» Адама Смита, которую целуют многие западные экономисты, не освобождает Россию. Она ее душит».*

М. Горбачев, работая на клан Ротшильдов, чье состояние первоначально было составлено в Германии, вполне достоин золотой «Квадриги», ведь он приумножил финансовый капитал Ротшильдов и Морганов. То же самое делал и ученик «великого учителя» Горбачева — Б. Ельцин, разбазаривая огромную ответственность России буквально за копейки, проводя финансовую политику под руководством Д. Сороса — ротшильдовского наймита и агента Моссад. Переведя печатный рублевый станок в собственность мирового финансового каганата, Ельцин разорил миллионы русских людей, сначала гиперинфляцией, а потом изъятием нескольких «0» из денежных номиналов. Таким «волшебным» образом залоговая стоимость месторождений, предприятий и банков стала равна практически нулю и осела в огромных карманах западных толстосумов. Достаточно сказать, что в период 1985—1990 годов СССР занимал третье место в мире по производству сельскохозяйственной продукции и был в состоянии обеспечить продуктами питания почти 15% всего населения Земли, но не мог в достаточной мере прокормить население СССР, которое в то время составляло 5% от общего количества людей. Куда делся излишек? Ответ очевиден — продукция была продана через банковский консорциум Ротшильдов, а часть выручки появилась на счетах Горбачева и Ельцина. Русский народ снова был унижен и ограблен.

Но даже таких несметных барышей было мало предателям и наймитам мировой закулисы и их вдохновителям — клану Ротшильдов. В конце 1994 года была развязана Первая чеченская война.

Барон Джейкоб Ротшильд так писал о гражданской войне в США: *«Когда пациент отчаянно болен, вы предпринимаете любые меры, вплоть до кровопускания».*

Ему вторит другой Ротшильд, Мейер Амшель: *«Когда на улицах Парижа льется кровь, я покупаю».*

Вместо «Парижа» подставляем «Грозный», и картина грандиозного предательства становится абсолютно ясна. В то время, когда гибли русские солдаты и офицеры, Ротшильды

покупали стремительно обесценивающиеся месторождения полезных ископаемых, промышленные гиганты и оборонные предприятия, а также плодили неисчислимы долги Российской Федерации, не забывая отблагодарить своих «сотрудников на зарплате» — правящую элиту Кремля, положенными ей 2% от оборота. Так сколачивались многомиллиардные состояния ельцинской семьи и триллионы долларов Ротшильда, а Россия умирала, из последних сил сохраняя свою землю, своих людей. При этом каждый из нас должен выплатить в виде налогов и отчислений 16 триллионов рублей на восстановление и развитие экономики Чеченской республики. Поистине, алчность банкиров не знает границ, а преступная наглость наших правителей довела до предела русских людей, вынужденных содержать убыточный регион.

Когда в 1861 году президент США А. Линкольн, чтобы уйти от диктата банкиров в области финансовой политики, решил самостоятельно печатать деньги, то Ротшильд через свою газету «Times of London» заявил: *«Если эта пагубная политика, которая исходит из Северо-Американской Республики, окрепнет и станет реальностью, то правительство будет получать свои деньги без всяких затрат. Оно заплатит долги, не беря в долг. У него будут деньги, необходимые для торговли. Страна станет процветающей, явив прецедент в истории цивилизованных правительств мира. Мозги и богатство всех стран потечет в Северную Америку. Это правительство должно быть уничтожено, или оно уничтожит все монархии на земном шаре».*

После начала печатания долларов А. Линкольн был убит, Ротшильды никогда не прощают противодействия своим планам. Из этой цитаты, хотя и относящейся к XIX веку, можно сделать вывод, что финансовый суверенитет любой страны мира не входит в планы банкирского синдиката и должен быть уничтожен, ибо он мешает «золотой» монархии Ротшильдов. Так же и Центральный Банк Российской Федерации пал под нахрапистой рукой мирового финансового картеля, предоставив проводить монетаристскую политику в России наймитам барона Ротшильда.

10 февраля 2011 года, В.И. Илюхин выступил с обвинительным словом в адрес В.В. Путина, где сказал: *«Находясь в 1998—1999 годах во главе ФСБ России, он (Путин) расформировал управления экономической контрразведки и контрразведывательного обеспечения стратегических объектов. Первое выявляло все самые тяжкие экономические преступления, второе — не давало уводить предприятия, составляющие славу России, в собственность иностранцев».*

Спустя месяц после своего выступления на Общероссийском офицерском собрании, 19 марта В.И. Илюхин скоропостижно скончался. История всегда повторяется. Путин, являясь приемником Ельцина, продолжил дело развала Великой страны, начатое Горбачевым и Ельциным. Клан Ротшильдов через свои банковские структуры все глубже залезал в экономику России, подчиняя себе любые сферы не только финансовой и промышленной деятельности, но и стратегические отрасли, такие, как электроэнергетика, железные дороги, оборонные предприятия и связь. Все банки, крупные промышленные объединения, энергетические ресурсы так или иначе, принадлежат мировому банкирскому клану с центром управления в Лондоне. Такое стало возможным благодаря предательству первых лиц государства и правительства, желанию ими лишь личного обогащения и рассматривающих Россию как источник своего существования.

При В.Путине и его соратнике Д.Медведеве **общая задолженность финансовых корпораций и банков Российской Федерации составила 533 миллиарда долларов, превысив золотовалютные резервы России, которые составляют 524 миллиарда долларов.** Как такое могло случиться, ведь инвестиций в промышленность и горно-добывающие отрасли практически не происходит? Для чего у иностранных банков под гарантии Центрального Банка РФ берутся кредиты, которые должны отдавать мы все? На эти вопросы отвечает М.Леонтьев, публицист: *«На самом деле, это всегда не иностранные деньги, а зачастую реинвестиции собственных компаний через офшоры. То есть деньги сначала размещаются на зарубежных счетах, а потом используются для реинвестиций. Таким образом, компании хеджируют свои риски, то есть в случае чего их ресурсы окажутся в надежном месте».*

Говоря простыми словами, действует та самая схема офшорной «прачечной», с успехом применяемая всеми банками мира и финансовыми корпорациями, по несколько раз проворачивающими банковские заемные операции со все нарастающими объемами «виртуальных» денег, но которые становятся вполне реальными для правительства, вынужденного наращивать капитализацию своих банков для погашения долгов за счет пенсионных фондов, налогов и платежей ЖКХ с простых граждан. Мы оплачиваем все эти финансовые аферы наших олигархов полновесной монетой, за которую заплачено высокой ценой кабального труда и нищенским уровнем жизни, отсутствием уверенности в завтрашнем дне и сокращением населения.

Наши самые успешные ресурсодобывающие и энергетические компании находятся в долговых зависимостях перед иностранными картелями. «Газпром» при капитализации 87 миллиардов долларов имеет долг 60 миллиардов, «Лукойл» при капитализации 27 миллиардов имеет долг 26 миллиардов, «Транснефть» при капитализации 310 миллионов имеет долг 9 миллиардов и так далее.

Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев, не покладая рук, старались как можно быстрее сделать страну полностью зависимой от наднационального финансового картеля Ротшильдов. За двадцать лет это удалось вполне. Остался последний штрих — Международный Финансовый Центр в Москве или скорее рядом с Москвой, где разместятся финансовые центры четырех всадников Апокалипсиса: Ротшильдов, Рокфеллеров, Варбургов и Шиффов. Что останется от России после этого? Разделенная на четыре части страна: Сибирь, Дальний Восток, Кавказ и Центральная Россия, поделенная по числу всадников ада, ибо тогда мы как русский народ просто перестанем существовать.

Бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали говорил: *«В очень многих сферах политические лидеры уже не обладают суверенитетом в принятии решений. Но они полагают, что ещё могут сами решать центральные вопросы. Я утверждаю, что это лишь фантазия, только иллюзия.»*

Наши средства массовой информации, находящиеся на службе финансовой олигархии, являющиеся их рупорами, пытаются убедить нас, что в России процветает демократия, что страна находится на подъеме всех производительных сил и последний модернизационный рывок приведет Россию к светлому будущему. Остался хоть один человек, кто еще продолжает верить этому славословию финансового кагала Ротшильда, остался еще хоть один человек, который способен поверить в то, что наша правящая элита способна сделать что-нибудь для русского человека? Нет, таких уже не осталось, все больше граждан России видят преступные планы руководства страны по уничтожению нашей Державы через закабаление ее мировой финансовой системой, через передачу иностранным концессиям наших энергетических, промышленных и добывающих отраслей. Мы должны четко понимать, что другой страны у нас нет, что Россия — наша мать и без нее не будет ни нас, ни наших детей, поэтому голос русского человека, всего народа должен говорить твердое «НЕТ» антироссийским планам руководства Российской Федерации, его западным партнерам и финансовым хозяевам.

Мы должны помнить слова президента США Э.Джексона, который говорил: *«Контроль над нашей валютой, получение наших государственных средств и контроль над независимостью тысяч наших граждан, является более грозным и опасным, чем военно-морская и сухопутная мощь противника».*

Это война против России, против русского народа, в которой мы не имеем права проиграть, так как иного выбора у нас просто нет.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

7 июля 2011 года на Пятом канале российского телевидения в цикле передач «Открытая студия» вышла передача «Ищем национальную идею». В студии Санкт-Петербурга находился заслуженный артист Российской Федерации Алексей Девотченко, в Московской студии были: Иосиф Кобзон — народный артист СССР и РСФСР, лауреат Государственных премий, Председатель общественного совета Федерации еврейских общин России, Антон Красовский — журналист, Константин Боровой — бизнесмен и политик. Первым свое видение национальной идеи высказал И.Кобзон:

«Прежде всего, культура должна главенствовать в сознании человека. Культура и отсутствие ее сказывается на всех антинациональных проявлениях. Кто будет составлять национальную идею, если у нас не будет библиотек, национальных музеев, значит, у нас не будет духовной составляющей? Как только первым национальным проектом будет культура, ее духовная составляющая, так все будет по-другому».

Кобзон не сказал, о какой национальной идее идет речь, культуру какого народа следует развивать в первую очередь, чьи традиции поставить в главенствующую роль. Если он имел в виду общечеловеческие культурные традиции, то это химера, фикция, культура обязательно должна быть достоянием того народа, кто ее формирует. Но певец и бизнесмен не вспомнил русский народ и его великую культуру, его тради-

ции, которые составляют душу народа, скрепляют его в единое целое, сохраняют преемственность поколений! Нет, Кобзон говорил о культуре вообще, для него понятие космополитизма ближе и роднее, чем тысячелетняя история и культура русского народа, впитавшая в себя обильные всходы православной веры. Именно на нашей православной вере создавался и возрастал русский народ. Но именно этого почему-то боится И. Кобзон, заявивший: *«Откажитесь от православия, русские, изберите себе другого Бога!»*

На этом высказывании и закончилась вся «толерантность» Председателя общественного совета ФЕОР, очень страшит его возрождение православной веры в русском народе, осознание нами своих корней, своей культуры, своих традиций. Именно об этом мечтают все враги России и предатели русского народа, стремясь лишить нас памяти и разума.

Кобзон не одинок в своей безадресной конструкции национальной идеи. А. Девотченко так представляет себе эту идею:

«На сегодняшний день национальная идея может быть сформулирована как национально-освободительная идея от оккупировавшей всю страну этой оголтелой массы чиновников, функционеров — взяточников, посредников и т.д., которая набивает свои карманы, которая заботится только о своем благополучии, благополучии своих семей, родственников. Пока вся эта порочная вертикаль не рухнет, то ничего в стране не произойдет».

А. Девотченко забывает самое главное — разрушение не может быть национальной идеей, так как протест против прежней власти не является созидательной силой, он не строит города, не возрождает промышленность и армию, не ведет народ к великим свершениям. Такие действия называются одним словом — анархия. В разрушении можно растерять все самое главное, что составляло русскую душу, — веру, собранность и любовь к ближнему. А. Девотченко, так же как и И. Кобзон, не говорил о русском народе, глубоко чужды ему чаяния и надежды народа, на плечах которого лежит великий труд — Россия. Этот труд не понять актеру и певцу, так как они никогда не созидали Державы, а лишь развлекали публику, подобно бродячим музыкантам и скоморохам.

Третий участник передачи, журналист А. Красовский, так сформулировал национальную идею:

«В чем национальная идея? Национальная идея имеет все-таки отношение к какой-то одной нации. Россия — это империя, здесь не может быть никакой национальной идеи. События на Манежной площади — вот национальная идея русской нации».

А.Красовский не понимает самого главного — Российская империя не является империей в ее классическом понимании. Российская империя не предполагает наличия колоний и поработанных народов, а только равноправное сосуществование, где русскому народу отведена главенствующая роль заботливого отца: защита границ, созидание мощной и экономически стабильной Державы, возрастание культурных и языковых традиций национальных меньшинств и народностей. Не будь России, русского народа, не устоял бы ни один из многочисленных народов, населяющих Россию. Именно поэтому так важна для всех народностей русская национальная идея, скрепляющая собой русский народ, ведущая его по пути созидательного труда на благо России, возвышающая его культуру и традиции. Русский народ — это ствол России, вокруг которого произрастают ветки — нации и народности, дающие плоды и листья. Захиреет ствол, не даст живительные соки для веток, не дадут ветки листьев и плодов, но засохнут и отвалиться.

Последний участник передачи «Ищем национальную идею» — Константин Боровой, бизнесмен и политик, непримиримый русофоб и поклонник «творчества» В.Новодворской, высказался так:

«Нет никаких национальных идей, есть государственная идея, изложенная в Конституции — свобода, демократия, выборы. Всё остальное: национальная идея, русская идея — это то, что противоречит Конституции. В нашей стране не может быть доминирующей идеологии, это записано в Конституции. Нет у нас никакой национальной идеи, кроме расизма и фашизма».

Конечно, с позиции русофоба любое проявление русского самосознания — фашизм, и даже само слово «русский» должно быть изъято из употребления. Такие злобные сентенции давно известны в психиатрической практике и потому останавливаться на них не имеет смысла, это занятие профессионалов. К.Боровой, сам того не ожидая, сказал очень глубокую мысль: **национальная идея — это государственная идея!** На этой мысли необходимо остановиться и рассмотреть ее подробнее.

Действительно, именно русская национальная идея должна стать государственной идеей и найти свое отражение в измененной Конституции, где должна быть прописана роль русского народа как государствообразующего, формирующего федеральную (центральную) власть из своих рядов. Национальный состав правительства должен гарантировать русскому народу защиту его интересов перед всеми осталь-

ными народами и этносами, населяющими Россию. Также он должен гарантировать неприкосновенность государственных интересов русского народа, его самобытную культуру, веру и традиции. Вместе с этим русский народ должен гарантировать неприкосновенность культуры, веры и традиций любых народов и этносов, исторически проживающих на территории России. Такой взаимопроникающий национальный интерес и гарантии смогут скрепить не просто независимость разных наций, но и создать основу для тесного сотрудничества.

Этого простого сотрудничества русского народа и других этносов не смогли понять или не хотели приглашенные на передачу «эксперты». Ни один из них так и не приблизился к пониманию того, что нужно русскому человеку, России.

Прежде чем приниматься рассуждать на тему национальной идеи, нужно четко понимать, для чего нам необходимо собраться вместе, какие цели и задачи мы, русские люди, должны будем решать в будущем, какой фундамент надо заложить сегодня, чтобы завтра на нем построить великолепное здание под названием — Россия.

1. Прежде всего русская национальная идея — это государственная идея. Это идея государственного строительства во главе с русским народом, который возьмет все тяготы созидательного труда на свои плечи. Следовательно, формирование федеральной, центральной власти и силовых ведомств должно происходить только на русской национальной основе.

2. Самое важное — возрождение православной веры, культуры и традиций русского народа. Без возрождения духовности не будет возрождения нации, не будет возрождения России. Крепкий духовный фундамент — залог успеха в будущем, когда никакие неприятности и войны не смогут поколебать русский народ, а наоборот, возродят в нем невиданный патриотизм.

3. В основу принятия важных государственных решений и формирования органов власти должна быть, прежде всего, положена соборность народа. Только «всемирно», на Соборе можно решить насущные вопросы — лучшими людьми нашего Отечества, выбранными из среды народа простым голосованием. Эти народные избранники и создадут тот фундамент властной структуры, который будет подотчетен только Собору, а, следовательно, и всему народу.

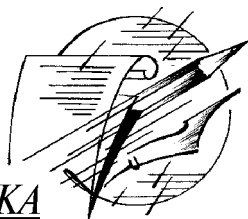
Русская национальная идея, заключающая в себе простую формулу — государственность, духовность и народность, способна вдохнуть в русский народ и Россию так необходи-

мую ей созидательную энергию роста нашей Отчизны. Не надо бояться, что прохиндеи и казнокрады снова обманом захватят власть, обмануть народ нельзя, тем более сплоченный своей верой и культурой, стремящийся создать свое государство, построенное на принципах социализма и равноправия, ответственности и важности каждого члена нашего общества. Созидательный труд, направленный на возрастание боевой и промышленной мощи России, — государства, не зависящего от международных финансовых корпораций, не входящего в глобальный проект мирового правительства, не участвующий в международном разделении труда, будет залогом независимости и политической мощи нашей Отчизны.

ТЕЗИСЫ О КОНЦЕ СВЕТА

1. Всё, что имело начало, будет иметь конец. Об этом еще Платон писал. Нелепо думать, что тварная человеческая история будет развиваться по бесконечной восходящей линии, как это полагают сторонники теории прогресса. Что касается христиан, то им прямо предсказан конец грешной земной жизни в Откровении Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21, 1).

2. История продолжается до тех пор, пока люди радуют Бога. В наше время, как никогда раньше, множатся признаки близящегося конца. Открыто формируется так называемое «мировое правительство» («И дана ему власть над всяким коленом и народом». — Откр. 13, 7); складывается транснациональная экономика, где не только каждый производитель и торговец, но просто всякий человек будет занесен в суперкомпьютер мирового банка («И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их. И что никому

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». — Откр. 13, 16—17); растет люциферианская мировая религия, в экуменическом культе которой окончательно снимается различие между правым и левым, между Богом и сатаной («И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним?» — Откр. 13, 4); торжествует всемирная информационно-пропагандистская псевдокультура, управляющая подсознанием человечества на основе новейших психосемантических технологий (т.н. «информационное оружие»). По мере увеличения знания (информации) возрастает соприкосновение с неизвестным; чем больше люди знают, тем меньше понимают. Рациональное мышление работает в узких пределах макромира, оказываясь совершенно беспомощным на метафизическом уровне. На гей-парады в столицах Европы выходи до миллиона человек, что свидетельствует о полной утрате массовым сознанием границы между добром и злом (постмодерн). Все это вместе взятое готовит единое ментальное (сетевое) пространство-время антихриста, чтобы было куда войти ему.

3. Вплоть до февраля 1917-го главным препятствием на пути антихристианских сил (антицеркви) оставалась царская Россия с ее православной государственностью и культурой. Сам принцип устройства общественного сознания и социальной практики монархической России отличался не механически-юридическим совершенством процедур, благодаря которым справедливость достигается как бы автоматически (т.е. не по-христиански), а именно нацеленностью всех своих отношений на Правду, которая сама по себе не от мира сего и потому требует если не подвига, то усилия для своего воплощения. Об этой особенности русской «политической этики» хорошо сказал С.А. Аскольдов в 1918 году: «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку Крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной». Добавлю, что дело тут не в «рабах» и «рабовладельцах» (остатки либеральной терминологии у Аскольдова), дело в сообща несомом Кресте, по отношению к которому и те и другие равно грешны и равно святы.

4. Главная трагедия России (значительно приблизившая конец мирового процесса) произошла в феврале 1917 года. Волею Промысла император Николай Второй оказался «крайним» в той цепи нисхождения (инволюции) национальной (и общеевропейской) истории, которая вела (и ведет) от христианской монархии к сетевой власти олигархических кланов — «новому прекрасному миру». Ни Иоанн Грозный, ни Петр Великий не смогли бы удержать рушащуюся с религиозно-онтологического «верха» к прагматически-буржуазному «низу» Империю — разве что несколько задержать («подморозить», по слову К.Н. Леонтьева) это падение. Отречение последнего Царя — акт, направленный на спасение русской крови от междоусобицы в условиях, когда большинство правящей элиты (как «правые», так и «левые») уже вошло в зону нехристианского социального соблазна, подтолкнув туда же уставший от затянувшейся войны народ.

5. Разрушившая традиционную и успешную для России монархическую государственность буржуазная власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским состояло из тайных и явных масонов, тогда как в Красной армии царских офицеров и генералов оказалось немногим меньше, чем в Белой. Разумеется, «ленинско-троцкистская гвардия» — это демоны революции («красная» русофобия). Политику красного террора («диктатура пролетариата») развернули в октябре семнадцатого именно они. Начав с расстрела юнкерских училищ и священников, они зверски убили затем царскую семью, потопили в крови кронштадтское восстание и отравили газми тамбовских крестьян. Один из первых совдеповских концлагерей — знаменитый СЛОН на Соловецких островах — заработал на полную мощность уже в 1923 году. Вместе с тем именно большевики собрали рухнувшую в феврале семнадцатого Россию почти в прежних имперских границах. Вопреки наследственному интеллигентскому презрению к собственному Отечеству и поддержке нью-йоркских банков, на которые они опирались, Ленин и Троцкий ввели «отчавившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выиграв Гражданскую войну. Великая, Малая и Белая Россия, Средняя Азия и Кавказ к 1922 году опять стали частями единой страны. Если бы действия советской власти сводились к заговору пассажиров «пломбированного вагона», проехавшего в апреле 1917 года через линию фронта и в котором действительно не было ни одного русского человека, — и рассуждать было бы не о чем. Но речь идет о судьбе России,

всего ее многомиллионного народа, и тут нужен Божий суд, который видит вещи в их полноте. Ныне, спустя почти сто лет, уже невозможно отрицать, что советская власть оказалась превращенной формой русской идеи: живи не так, как хочется, а так, как Бог велит. Смысл знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года и заключался в констатации этого факта, по сути признанного теперь и зарубежной Церковью, воссоединившейся в 2007 году с Московским Патриархатом. 70 лет советской власти не были «выпадением из истории» — это была бессознательная попытка удержания («подмораживания») России от того антихристианского духовного распада, которым характеризовалось состояние модернистской цивилизации Запада после Первой мировой войны.

6. Новое усилие на пути противодействия мировой инволюции (демонического конца истории) Россия сделала в период Второй мировой войны. Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав энергетику тысячелетней православной традиции, одержал в середине XX века победу над самой страшной inferнальной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь (и весь мир) в истории. Вопреки большевистскому фетишу мировой революции (вот где Промысел Божий!), Сталину удалось построить вписанную в ментальное пространство России «самодержавную республику» (термин К.Д. Кавелина) и тем самым вытянуть ее из ямы, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся либералы. К сожалению, энергетика Победы 1945 года была постепенно растрочена в утопических попытках «обогнать Америку по американским правилам» (формулировка А.С. Панарина).

7. В настоящее время (2011 год) можно констатировать фактическое завершение христианской истории на постмодернистском Западе. Сегодня на пространстве Евроатлантики осуществляется не ценностное приращение бытия, а его технологическая эксплуатация. Технический прогресс Запада происходит по инерции, моделируя компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы жизни. В современном мире утрачен *смысл*. Как писал полвека тому назад М. Хайдеггер, в Европе (и тем более в Америке) уже нет бытия — там есть подручное, прирученное существование, когда субъект такого существования сидит перед телевизором или компьютером (мир как иллюзия-выставка), имея в качестве собственника всю Вселенную. Вопреки всей само-

довольной позе подобного «царства теней», в истоке его лежит утопия — социальная и технологическая утопия гуманизма, вплоть до «американской мечты» о просперити с безлозубой улыбкой, отграничивающей ее владельца от всего низшего — варварского, от всего внешнего — чужого, опасного, но и от всего высшего — богоносного, таинственного. Это утопия мира без страдания, без греха и Воскресения. В сущности, это насмешка над творением Божиим, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

8. Современный Восток и Юг не представляют собой альтернативы наличным тенденциям духовного нисхождения. Знаменитое «японское чудо» по существу исчерпало себя. Что касается Китая, то эта древнейшая нация Земли (ханьцы) переживает в XXI веке свое второе рождение. Огромная по численности страна быстро растет как промышленный, финансовый и военный гигант, не говоря уже о единстве и сплоченности народа и государства. Нынешний Китай — это монолит, за прочность конструкции которого заплачено сотнями жизней во время разгона танками «оранжевой» молодежной демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 году. К середине текущего столетия китайская коммунистическая империя достигнет, вероятно, фактического паритета с Соединенными Штатами по всем важнейшим показателям (если США еще до того не угодят долговую яму). При этом, однако, конкуренция между Евроатлантикой и Китаем будет носить (и уже носит) скорее военно-экономический, чем духовно-культурный характер. Вопреки собственным коммунистическим лозунгам, КНР строит нечто вроде госкапитализма с конфуцианской спецификой. Рыночный социализм — это последняя правда буржуазности, и как раз такой «коммуно-капитализм» выращивается сегодня в Поднебесной. Примерно то же самое происходит нынче и в Индии, с учетом отличия индуизма и буддизма от конфуцианства. В любом случае эти азиатские цивилизации не могут служить ориентиром духовного становления, так как они не знали или отвергли Христа.

Несколько иначе обстоит дело на мусульманском Востоке. Цивилизация ислама — самая религиозно «горячая» на сегодня цивилизация мира — бросает вызов Западу именно в плане личного и национального начала. Мусульманские фундаменталисты не хотят идти вслед за Евроатлантикой к идолу свободы бездуховного человека и коммерчески понимаемой нации обывателей, бога которых зовут «о'кей». Вооруженные Кораном и джихадом, исламисты стремятся как бы обойти Запад по другой исторической дороге или даже, по

мере возможности, вернуть человечество в до-западное (домодернистское) состояние. О серьезности этих претензий свидетельствует простая статистика: некоторые европейские города уже на треть мусульманские. Последние события на Ближнем Востоке подтверждают масштаб намерений и энергетики мусульманской цивилизации, однако цели ее остаются ее внутренним ценностным выбором.

9. Что касается России, то на основе вышесказанного позволительно заключить, Русь-Россия во всех своих исторических формах (включая советскую), так или иначе, с большим или меньшим успехом исполняла роль Удерживающего (2 Фессал. 2,7) в нисходящем движении истории, предсказанном в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении этого стремления мирового социокультурного «человеяника» вниз, ко всё более темным (вплоть до inferнальных) уровням тварного существования. Последовательная либеральная жизненная практика есть плод уже остывшей или остывающей цивилизации, где предельные религиозные (смысложизненные) вопросы давно «разрешены» и отданы на откуп частному мнению, а незыблемой почвой общественного согласия «о главном» является необсуждаемая заинтересованность любых партий, классов и «меньшинств» в сытой и удобной жизни. Такого «бога» зовут *o'кей*, и это есть подлинно антихристианский «бог». От его имени говорил Великий инквизитор Ф.М. Достоевского. Самые большие грешники на этой падшей земле те, кто наиболее комфортно устроился среди всеобщего греха. По ходу времени возрастает напряженность антиномии добро/зло. Физических сроков и конкретных завершительных форм внутриисторического апокалипсиса людям знать не дано, но, по-видимому, основные события метафизического плана развернутся в наступившем XXI столетии. В определенном смысле конец света уже наступил, только не все это заметили. В таком плане последняя жертва России Богу может заключаться в том, чтобы своим онтологическим неблагополучием отвергнуть тотальное приспособление к греху как норме личной и общественной жизни в утерявшем вертикальное измерение мире. Тогда конец света (конец духовной истории) может приобрести положительный смысл в христианском смысле слова.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

ДРУГ ДЕТСТВА

Телеграмму Витьке Антонову отбили в январе, когда его отец был уже при смерти. Служил Витька далеко, на Дальнем Востоке, на границе с Китаем, но приехал быстро и успел застать отца живым.

Витька был старше меня на два года. В ту пору, когда его призвали в армию, я ходил в десятый класс. Несмотря на разницу в возрасте, мы были близкими друзьями. Я, как и все деревенские мальчишки, уважал его за доброту, честность, умение постоять за себя и защитить слабых.

Витькин отец — Василий Кузьмич — не попал на фронт по состоянию здоровья, но когда война прокатилась тревожным эхом по родной земле, ушел в лес, в партизанский отряд. Воевал подрывником, был ранен. После войны часто болел. «Ваши легкие, как промокашка», — говорили ему врачи и советовали беречься от простуды. Но Василий Кузьмич не обращал на эти советы никакого внимания. «Чему быть — того не миновать», — говорил бывалый партизан. Он продолжал работать — пас колхозный скот. И однажды осенью попал под

ПРОЗА

проливной дождь, простудился, слег и стал таять на глазах. Вот тогда тетка Серафима и дала сыну телеграмму, чтобы он смог повидать отца перед смертью, проститься с ним.

Краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам солдат-пограничник старался уплотнить до предела и тем самым хотя бы немного облегчить дальнейшую участь матери. Он работал, не покладая рук: чистил хлев от навоза, таскал на санках воду и наполнял ею всю имеющуюся в доме посуду, пилил и колол дрова и даже поправил соломенную крышу сарая. По вечерам Витька садился у кровати отца и рассказывал ему о проделанной работе. Высохший до неузнаваемости отец одобрительно кивал головой и, давясь кашлем, сетовал: «Дров не хватит до весны. Я не успел заготовить...» — «Не волнуйся, — успокаивал его Витька, — что-нибудь придумаю...»

Та зима выдалась на редкость снежной, морозной. Все, от мала до велика, сидели по домам и без острой надобности старались не покидать своих теплых, занесенных по самую крышу, хат. И когда осунувшийся Витька заглянул к нам, я понял, что его привела крайняя нужда.

— У тебя каникулы — помоги заготовить дрова. Мне одному не справиться.

— О чем разговор, — отозвался я. — А как насчет лошади? Договорился?

— Да, бригадир выделил на завтра, — кивнул унылый Витька.

Рано поутру мы были уже на конюшне. Антонов запряг старую, с круглыми боками пегую лошадь по кличке Боня, уложил в сани топоры и веревки, подостлал немного сена, и мы отправились в лес.

Накануне был обильный снегопад, зимник завалило, и Боня едва тащилась, утопая в снегу. Мороз чуть спал, но, проехав немного, мы почувствовали, как коченеет. И тогда, чтобы согреться, Витька предложил бежать за санями по очереди. По санному следу бежать было трудно, но мы видели, что лошади было вдвойне труднее торить дорогу. У нее взмокли бока.

— Обратно будет легче, — подбадривал меня Витька. — Пока мы будем рубить, другие утрамбуют зимник. Бригадир на сегодняшний день выделил четырех лошадок...

Мы свернули в глубь леса и остановились пораженные. Молодой березняк, толщиной в оглоблю, стоял плотной белой стеной. Свет разливался вокруг. В ядреном воздухе царил звенящая от мороза зимняя тишина. Белые глянцево-стволы берез, укрытые белыми шапками, низкое белесое небо и искрящийся снег — все магнитом притягивало взгляд.

Витька снял фуфайку и накинул на спину потной Боне, чтобы та не простудилась. Я последовал его примеру. Потом

он ослабил поводья лошади, разнуздал ее, положил охапку сена. Боня стала неторопливо жевать, а мы, взяв топоры, принялись за работу.

Когда первый воз был готов, Витька, удовлетворенно потирая руки, сказал:

— Ну вот, начало положено. Я повезу дрова, а ты потихоньку руби. Нам надо успеть привезти три воза до темноты.

— Только не задерживайся, — напутствовал я его.

Витьки не было долго, а когда вернулся, по его лицу я понял: что-то случилось. Парень по-стариковски, не спеша вылез из саней и чужим голосом чуть слышно сказал:

— Отец умер...

Некоторое время мы стояли молча. Витька крепился, не плакал. Но тут Боня дернула сани, и возок зацепил Антонова за колено. Он присел и тихо заплакал.

— Не плачь, — твердым голосом сказал я. — Отца уже не вернешь. — Надо о матери позаботиться. Давай дальше работать...

Витька успокоился. Однако было видно, что силы оставили его. Он заметно устал и работал без огонька.

— Давай перекурим, — сказал Витька, — хотя мы оба не курили. — Ты отдохни, а я пока пройду вперед, поищу березняк потолще. Слышишь, впереди кто-то рубит...

Прошло несколько минут. Витька вернулся и сказал:

— Эти дрова пусть пока лежат. Здесь неподалеку чей-то воз сухого березняка, заваленный снегом. Видно заготовили еще по осени. Мы живо погрузим те дрова, а свои отвезем третьим возом.

Я был удивлен — раньше за Витькой подобного не водилось — никогда не ловчил, был поборником честного труда. Я попытался отговорить его:

— Мы потихоньку нарубим сами. Мало ли что... — И, чтобы Витька не принял меня за труса, добавил: — А вдруг это дрова какой старушки? Если не успеем сегодня нарубить три воза, нарубим в другой день.

— Нет, завтра хлопот много. А через два дня мне уезжать. Да и бригадир вряд ли даст еще раз лошадь, — стоял на своем Витька.

Мы подъехали к чужим дровам. Когда я притронулся к ним, чтобы вслед за своим товарищем начать погрузку, нехорошее предчувствие шевельнулось во мне. До того мне никогда не приходилось воровать, да еще среди бела дня. Яблоки в чужих садах не в счет — в этом был грешен каждый деревенский мальчишка. Я еще раз попытался отговорить Витьку, но он решительно сказал:

— Грузим быстрее...

Мы уже заканчивали погрузку, когда за спиной раздался резкий окрик:

— Стой, стрелять буду!

Мы оглянулись как по команде. Позади нас в нескольких метрах стоял на лыжах Володька Бузыкин, по прозвищу Буза, с ружьем на изготовку.

— Что, на халяву позарились, на дармовщинку нарвались... А ну, живо разгружай, а то насквозь продырявлю и положу рядышком, как эти дрова, — рявкнул Буза.

Мы знали, что с ним шутки плохи. Тридцатипятилетний крижистый мужик, из соседней деревни Карповки, был известен в округе как злостный хулиган, отсидевший два срока за драку.

Мы стояли как истуканы. Раздался щелчок — Буза взвел курки. Потихоньку, не глядя друг на друга, мы стали разгружать воз. Когда дрова были сложены на прежнее место, Буза подъехал к нам вплотную. Повернув ружье дулом вниз, он резко ткнул Витьку прикладом в голову. Тот как сноп упал на дрова. Из раны на лбу хлынула кровь. Я потянулся за чуркой — обрубком березы, но Буза крикнул: «Стоять!»

— Будешь знать, как на чужое зариться, — скрипнул зубами и сплюнул на снег Буза, сурово глядя на Витьку. И тотчас развернулся, повесил ружье на плечо и скрылся в лесу.

Витька сидел на дровах. Все вокруг было залито кровью. Я комкал снег и прикладывал к Витькиной ране. Но кровь на морозе не густела. Мимо нас, восседая на возу березняка, проехал деревенский мужик — Степка Гаврилин. Взглянув в нашу сторону, он ехидно ухмыльнулся, но ничего не сказал. В деревне Степку не любили за длинный язык и окрестили Звонарем. Мы поняли, что он обо всем знает, видно, наблюдал из-за деревьев.

В Ольховку мы вернулись в сумерках. Возле дома Антоновых толпился народ. О происшествии в лесу знала уже вся деревня. «Степка Звонарь растрезвонил, — сказал убитый горем Витька. — Это мне наука впредь».

Когда мы подъехали к Витькиному дому, навстречу нам вышла тетка Серафима и тихонько заплакала. Мы боялись, что деревенские бабы осудят нас: в деревне всегда не любили воров. Но вопреки всему бабы заняли нашу сторону. Объяснить это было не трудно — в семье Антоновых было большое горе. «Чтоб у тебя руки отсохли, бандит проклятый», — крикнула, глядя в сторону соседней Карповки, крепкая на слово баба Дуня. А тетка Серафима плакала и приговаривала: «Ненавдящих и обидящих нас прости, Господи...»

Сразу после похорон Витька укатил на границу, продолжать службу. Но не прошло и двух месяцев, как он вернулся домой в цинковом гробу. Пограничник Антонов героически погиб в схватке с китайцами при защите острова Даманского на реке Уссури. Вся деревня провожала его в последний путь. Бабы плакали.

В тот мрачный мартовский день закончилось мое детство.

Пригородный поезд прибыл на станцию вечером, когда в поселке Загорье уже зажигались огни.

Черная косматая туча, повисшая на макушках привокзальных тополей, сочилась нудным холодным дождем.

Из-за осенней распутицы последний рейс автобуса на Николаевку отменили — Павлу предстояло добираться до деревни пешком. Путь это неблизкий — верст десять, да еще по раскисшей дороге. Попутчик Терехина решил остановиться на ночлег в поселке. Предлагал Павлу, но он наотрез отказался. Терехин и мысли не допускал, чтобы после семи лет разлуки отсрочить встречу с женой и сыном. Оттого и к родственникам не зашел: во-первых, боялся потерять драгоценные минуты, а, во-вторых, не победитель же с поля брани возвратился, а арестант из тюрьмы. Начнутся расспросы — что да как, а за ними сочувствия, вздохи, до слез дойдет. А ему так не по нутру все это...

Павел закинул за спину спортивную сумку и тронулся в путь. «Часа через два буду дома, — подумал он, — а ежели повезет с попуткой, то и раньше».

Чтобы путь показался короче, он начал мысленно «проигрывать» предстоящую встречу с семьей: «Катерина, небось, на шею кинется, всплакнет, поцелует... Целуется она крепко, смачно, душа трепещет. За ласку и полюбилась — сразу и навеки». От этих мыслей заиграла все внутри, тепло разлилось по каждой клеточке, по каждой прожилочке, будто стакан вина залпом выпил. Но тут Павел вспомнил о сыне, и приятные ощущения мигом улетучились. «Интересно, обрадуется ли Алик или волчонком будет смотреть? Ведь вырос почитай без отца». Павел вспомнил последнее письмо Катерины: «...Сын уже совсем взрослый, шестнадцатый год идет. Но помощник из него неважный. С хулиганьем деревенским водится, занятия в школе прогуливает, выпивает. Куда ни пойду — жалуются на него, упрекают за плохое воспитание... Собрал твой старый мотоцикл и гоняет с девчонками ночи напролет. Совсем от рук отбился...»

В сгущающихся осенних сумерках Терехин с трудом угадывал разбитую машинами и тракторами грунтовую дорогу, петляющую по угрюмо чернеющему обнаженному лесу. Пару раз он оступился и едва не провалился в глубокую придорожную канаву, доверху наполненную дождевой водой. Когда дорога вышла на открытую местность, в сером мареве угасающего ненастного дня замаячили одинокие деревья с лохмотьями желтой листвы. Стало чуточку виднее, а посему значительно проще ориентироваться. Вот впереди показалась развилка

лесных дорог, далее справа песчаный карьер, а сразу за карьером тянутся дальние заливные луга, где его бригада когда-то заготавливала душистое, как чай, сено. Дальше за лугом опять небольшая лес. Антиповским зовется, в честь хозяев бывшего хутора. На его опушке красивая березовая роща. А там и до деревни рукой подать — всего четверть часа ходьбы.

Желая сократить расстояние, Павел свернул с большака на проселок, ведущий через рощу к деревне. Когда он поднялся на взгорок, то увидел знакомые с детства молодые березки, застывшие в оцепенении. Как выросли они, как стройны и белы, несмотря на осеннее ненастье! И вспомнилось Павлу, как еще подростком на Духов день ходил он в молодую рощу завивать венки на едва распустившихся березах. Играла гармонь, женщины пели, молодежь гуляла до зари. Позднее, уже юношей, он отмечал с ребятами в роще престольные праздники, а потом под хмельком, грудь на распашку, шли гурьбой в сельский клуб, чтобы показать чужакам, кто в деревне хозяин, и навсегда отбить у них охоту до местных красавиц. А после армии, когда женился и работал в колхозе на тракторе, в осеннюю пору справляли здесь День урожая.

Вот в один из таких праздников судьба и сыграла с ним злую шутку.

Павел приревновал свою Катерину к рыжему шоферюге Жорке Дугину. По глупости, конечно, — пьян был. Взял он Жорку за руку, когда тот танцевал с Катей, и предложил отойти в сторонку — на пару ласковых. А Жорка, недолго думая, наотмашь ударил его. Сшиб с ног. Прилюдно. И Павел схватился за нож. В колонии было время хорошенько обо всем подумать, и Павел пришел к выводу, что сам во всем виноват. В результате же свою жизнь исковеркал и жизнь родных и близких...

Выйдя на опушку рощи, Терехин увидел невдалеке редкие огоньки родной деревни. Сердце с места рвануло во всю прыть, затрепетало и подкатило к горлу, пытаясь вырваться наружу — мало ему стало грудной клетки. Сколько раз в тюремных снах Павлу грезились эти тусклые, дрожащие и манящие к себе оранжевые огоньки! Но стоило открыть глаза — огоньки пропадали бесследно, и только темень оставалась на душе. Сколько слез пролито на тюремных нарах только при одном воспоминании об этих огоньках?!

Чтобы передохнуть, немного успокоиться, стряхнуть с себя груз нелегких раздумий, Терехин остановился и закурил. И в эту минуту ему послышались в роще чьи-то голоса. Тотчас затарахтели моторы, и навстречу Павлу выкатили два мотоцикла. Местные рокеры, не выключая фар, остановились прямо перед ним, перекрывая дорогу.

— Мужик, дай закурить, — настойчиво сказал один из парней.

— Вот, угощайтесь, — протянул пачку сигарет Павел, и она исчезла в темноте.

— Кучеряво живешь — дорогие куришь, — и издевкой произнес тот же голос. — Придется конфисковать...

— А вы, хлопцы, местные будете, николаевские? — дружелюбно спросил Павел, не желая накалять обстановку.

— Может, и на бутылку найдется? — отклоняя вопрос, нагло заявил другой парень.

— Ребята, я же не с приисков... — начал было Павел.

— А если в сумке покопаться? — угрожающе спросил первый.

Павел едва сдерживал себя — пацаны явно нарывались...

— Да что ты с ним церемонишься? — крикнула осипшим голосом из-за спины парня девушка. — Заводи мотор.

Парень включил скорость и нажал на газ. Терехин успел отпрыгнуть в сторону и интуитивно закрыл голову руками. Сильный удар ногой в пах свалил его на землю. Рокеры тут же окружили его и принялись наносить увесистые удары ногами, от которых он не успевал увертываться.

Увидев, что Павел затих, один из парней крикнул другому:

— Баста, Теря, забирай сумку и по коням.

Когда парень склонился над поверженным Павлом и потянул с его плеча сумку, Терехин приоткрыл глаза и в свете фар успел заметить на подбородке юноши родимое пятно. «Как у моего Алика», — мелькнуло в голове Павла. И тотчас получив сокрушительный удар, Терехин полетел в небытие, будто сорвался в пропасть.

Очнулся Павел, когда заметно рассвело. Неподалеку лаяли собаки, скрипел колодезный журавль, гремели ведрами бабы. Кое-где в деревне курились избы. Потянуло горьковатым дымком. В горле у Павла запершило, на глаза навернулись слезы.

Он попытался вспомнить, что же произошло накануне, но голова отказывалась что-либо соображать и гудела как телеграфный столб. Павел потрогал рукой лицо — сплошь запеклась кровь. Распухшие губы кровоточили, во рту ощущался металлический привкус.

Терехин попытался встать, но не тут-то было — опухшая в колене нога болью пронзила тело. Рука тоже плохо слушалась его. Павел по-пластунски дополз до ближайшей березы и, цепляясь здоровой рукой за ее ствол, подтянулся и с трудом поднялся на ноги. Постоял немного, прижавшись к дереву, подождал, пока пройдет головокружение. Потом шагнул к кусту орешника, выломал сухую палку и, опираясь на нее, заковылял по тропинке в деревню.

— Павлуша, миленький, неужто это ты?! — всплеснув руками, запричитала Катерина, увидев на пороге помятого, окровавленного мужа.

— Где Алик? — дрожащим от волнения голосом спросил Павел.

— Спит в чулане, — сквозь слезы ответила Катерина. — Заявился под утро и, похоже, опять пьяненький. Разбудить его?

— Не надо. Мы уже повидались с ним. А сумку мою не видела?

— Как повидались? Какую сумку? — затараторила Катерина.

Но Павел молчал, и вопросы повисли в воздухе. Лишь несколько минут спустя она начала соображать, в чем дело.

— Неужели на отца родного руку поднял? — вновь заголосоила Катерина.

— Тише, Катюша, успокойся, я сам виноват, — пожалел жену Павел и, отодвинув занавеску, заглянул в чулан. Сын лежал на спине, разбросав руки и задрал кверху белобрысую голову. Он тяжело дышал, слегка приоткрыв рот. На подбородке чернело знакомое родимое пятно...

ХУТОРЯНКА ЛАРА

Давно это было — в конце шестидесятых. Я проходил срочную службу в Прибалтике, тогда еще советской, в небольшом латвийском городе Приекуле. Городок тот был знаменит, пожалуй, лишь одним — там выращивали скаковых лошадей редких пород. На окраине этого заштатного городка и дислоцировалась наша часть — школа младшего начальствующего состава радиотехнических войск ПВО.

Школа эта имела богатую историю. Старожилы утверждали, что во времена немецкой оккупации здесь размещалась школа вермахта по подготовке немецких разведчиков. Многое свидетельствовало о том, что в этом далеком от больших дорог городишке нашло пристанище «осиное гнездо». Красно-каменные казармы, гаражи, столовые, брусчатые полигоны, плацы, мостовые — все было сделано по-немецки основательно и строго. Да и место было подобрано со знанием дела: вокруг стеной лес, а за ним глубокий овраг, на дне которого, петляя среди зарослей кустарника, бежит проворная речушка. А на противоположной стороне оврага — разбросанные по полям латвийские хутора.

По традиции лучших курсантов оставляли в стенах школы как замену старослужащим сержантам — младшим ко-

мандирам. Окончив школу с отличием и получив звание младшего сержанта, я был зачислен в штат военно-учебного заведения.

Среди тех немногих, кто остался для дальнейшей службы в школе, был и Ваня Изотов из небольшого приволжского городка. Простодушный упитанный красавец-весельчак сразу же приглянулся мне, и я почувствовал к нему расположение. Симпатии были взаимны, и мы крепко подружились. Мне предстояло сменить уходящего на дембель замкомвзвода старшего сержанта Журомского из Риги, а Ване — Николая Стасюкевича из Белоруссии. Журомский быстро передал мне свои полномочия и укатил домой. Стасюкевич же, взвалив на Ваню свой нелегкий воз, в ожидании дембельского эшелона проводил время, как ему заблагорассудится: вечерами исчезал из казармы и появлялся только к завтраку, а днем отсыпался в каптерке старшины роты.

Однажды он появился навеселе и сказал нам с Ваней:

— Все, ребята, я вольная птица в свободном полете. Завтра отчаливает мой поезд, и я помашу вам рукой... Вам и своей зазнобушке. Есть у меня здесь на хуторе любовь... Она русская. Имя — Лариса, или Лара, как называют ее местные. Женщина, я скажу вам, редкой красоты и обаяния... Как оказалась далеко от родины, на затерянном среди лесов латышском хуторе — одному Богу известно. Я в душу не лез, а она не рассказывала. Слышал только, что влюбилась когда-то до безумия в одного студента-латыша и бросилась за ним из Москвы в Прибалтику. Но родители строго-настрога запретили сыну жениться на русской девушке, к тому же беременной до брака. Они выгнали ее из дому. Лару приютили старики с соседнего хутора. Она сделала аборт и стала им прислуживать. Когда старики умерли, Лара осталась хозяйкой на хуторе. Поговаривают, что этот тип, ее возлюбленный латыш, после смерти родителей ползал перед Ларой на коленях — умолял уехать с ним в Ригу, но она была непреклонна...

— А как ты познакомился с ней? — заинтересовался я.

— Случайно. Во время увольнения забрел на хутор. Смотрю, молодка — кровь с молоком, дрова рубит. Предложил свою помощь. Полгода к себе не подпускала, чем еще больше привлекла меня. Я клялся ей в любви, обещал жениться после демобилизации и увезти к себе на родину — в Витебскую область. Она поверила мне, и мы стали жить как муж и жена... Хороша, конечно, слов нет — и красавица, и чистюля, и хозяйка отменная... Но зачем она мне? Я погулять хочу, а ей уже под тридцать. Да и прошлое у нее темное, любовь эта сумасшедшая... Я вижу — заинтериговал вас. Ну что ж, могу

передать ее одному, самому смелому. Берите — не пожалее-те, — ехидно улыбнулся Николай. — Вам ведь служить еще, как медным котелкам...

Мой друг Ваня, увлекающаяся натура, действительно заинтригованный рассказом Стасюкевича, сразу же выразил желание увидеться с Ларой. Не спешите осуждать его, ведь служба солдатская нелегка. Вдали от дома, считай на чужбине, да еще в учебном подразделении, где увольнение можно увидеть столь же редко, как и скромное прибалтийское солнышко. К тому же мы тогда еще не знали, кто такая Лара.

Вечером, после отбоя, Ваня ушел со Стасюкевичем в са-моход. Тот пообещал познакомить его с Ларой.

Зима в тот год выдалась ранней. В конце октября уже выпал снег, ударили морозы, и стал лед на быстрой реке. Друзья отправились в ночь, не забыв предупредить меня: «В случае тревоги посылай нарочного на хутор».

Ваня разбудил меня в полночь. От него разило вином, состоя-ние друга было возбужденным. По всему чувствовалось, что он остался доволен своим вояжем. «Они весь вечер ворковали, слов-но голубки, и меня попросту не замечали, — шептал Ваня. — Но я умудрился привлечь к себе внимание девушки — прикинулся пьяным, и Лара отвела меня в темную комнату. Когда укладыва-ла спать, я обнял ее, привлек к себе и поцеловал... У меня есть верный шанс завладеть ею... Слава богу, Николай проводит у нее последнюю ночь...» — восторженно заключил Ваня.

Стасюкевич скрыл от Лары, что дембельский поезд ухо-дил на следующий день. Он простился с ней, как обычно, но девушка что-то почувствовала. Николай поспешил успоко-ить ее: «Не волнуйся. Сиди на чемоданах и жди. В самое бли-жайшее время дам тебе знать...»

Прощаясь с нами на КПП, Стасюкевич ослабил и ци-нично заявил: «Не забывайте здесь мою красавицу-хуторянку Лару. Ох, и влюбчивая натура...»

Спустя пару дней Ваня отправился в самоволку на хутор.

— Передам ей, что Николай велел кланяться... Интересно, какой будет ее реакция? — вслух рассуждал Ваня. — Как примет меня? Я ведь тоже парень не промах — повиднее и половчее Кольки буду. Словом, замена достойная. Уверен, что Лара ухватится за меня, как утопающий хватается за со-ломинку. Ей ведь надо вырваться из этой глуши, с этого чер-тового хутора... А посему выбора у нее нет. А где нет альтер-натив — капризов быть не может...

Как и в прошлый раз, Ваня разбудил меня среди ночи. Вид у него был удрученный: помятая форма, потухшие глаза, раз-битая голова.

— Я потерпел фиаско, — сокрушенно вымолвил друг. — Только открыла дверь, сразу: «Где Коля?» Я не успел и слова молвить — она сама все поняла и прямо на пороге забилась в истерику. Я впал в ступор — стоял как истукан и молчал. Чем я мог ей помочь? Где было взять слова утешения? Не мог же я предложить себя взамен, хотя и шел с этой целью. Впервые я поймал себя на мысли, что противен себе... Мне никогда не приходилось видеть, чтобы так убивались по живому человеку. И я понял одно — она безумно любила этого негодяя Стасюкевича...

— Ну, а с головой что? Где тебя угоразило? — спросил я.

— Она выпроводила меня за порог, сказав на прощание: «Забудь сюда дорогу». Я брел по заснеженному полю и все думал о ней, о ее печальной судьбе. Когда переходил речку, припорошенную снегом, поскользнулся и ударился затылком об лед... Это мне за мое коварство — ведь я хотел только позабыть с ней, а потом передать, как Николай, другому...

Прошло полгода. Воскресным летним днем, когда начальство редкий гость в роте, мы с Ваней решили отдохнуть от ратных дел. Через дыру в заборе проникли в овраг, переплыли речку и расположились на валунах — их в Прибалтике тьма. Подставив спины скупому балтийскому солнцу, мы обсуждали перипетии предстоящего дембеля, мечтали о вольной жизни на гражданке, строили грандиозные планы, выдумывали будущее... Неожиданно Ваня обернулся и горячечно зашептал: «Смотри, смотри, вот она, Лара...»

Две женщины неподалеку убирали в копны душистое сено. Они были примерно одного возраста, но я безошибочно угадал Лару. Стройная, в голубом сарафане, подчеркивающим ее точеную фигуру, с русой косой, уложенной короной на голове, она выглядела богиней, сошедшей с небес. Я залюбовался ею.

Мы встали и откровенно разглядывали женщин, а точнее — Лару. Мне показалось, что Ваня в какое-то мгновение дернулся ей навстречу и даже что-то изрек. Лара презрительно окинула его взглядом своих чистых бирюзовых глаз, и Ваня замер на месте.

— Ну, как она? — спросил меня Ваня, немного придя в себя.

В ответ я молча поднял вверх большой палец.

Больше я ее не видел. Но Ваня каким-то образом получал сведения о Ларе и делился ими со мной.

Однажды, ближе к осени, он сообщил мне, что интуиция его не подвела — Лара действительно была беременна от Николая и по весне сделала аборт. А вскоре после этого получила покаянное письмо от Стасюкевича. Тот просил разреше-

ния приехать и переговорить по очень важному для них обоим вопросу. Лара не ответила ему.

Перед самым отъездом на дембель Ваня рассказал, что недавно к Ларе сватался один богатый латыш, у которого рано умерла жена. Но она и ему отказала. Из каких источников Ваня черпал информацию о Ларе, для меня так и осталось тогда загадкой.

Ненастным осенним днем, когда дембельский поезд увозил нас из Прибалтики, Ваня признался мне: «Я оставляю в этом неприветливом, неудобном краю свое сердце. У одного мудрого писателя я прочел, что любовь — это когда хочется того, чего нет и не бывает. Пусть так, пусть не бывает, но я все равно люблю и буду любить Лару, — заверил он меня. — Я знаю, что Стасюкевич убил в ней веру во все самое светлое. Но я попытаюсь сделать так, чтобы она могла забыть свое прошлое, постараюсь оживить ее унылое лицо улыбкой. Я напишу ей, расскажу о своих чувствах, о серьезных намерениях... Я зажгу в ее глазах огоньки счастья...»

Так случилось, что вскоре после демобилизации я утерял свою записную книжку, и мне долго было неизвестно, удалось ли моему армейскому другу Ване Изотову достучаться до сердца некогда обманутой мужчинами хуторянки Лары.

Пару лет спустя я получил письмо от Ивана. Он писал, что сразу же после прибытия домой написал письма Ларе и Марте — девушке с соседнего хутора, той, что гребла тогда сено с Ларой. Марта ответила и посоветовала писать Ларе — для нее очень важно получать весточки с далекой родины (вот он, источник информации, подумал я). В следующем письме он сообщал: «Ты не можешь представить мою радость, ведь Лара не просто ответила мне — она поверила мне и призналась, что ждет моих писем — они дают ей силы жить. А ведь у нее была попытка отчаяния — поджечь хутор и погибнуть в огне. Ее спасла Марта. Она же убедила подругу поверить в искренность моих чувств... И теперь я в ответе за нее — мне никак нельзя обмануть ее...»

Прошло всего несколько месяцев, когда я получил новое письмо от армейского друга: «Прости, дружище, — писал Ваня, — что не пригласил тебя на свадьбу. Во-первых, невеста пожелала, чтобы церемония прошла как можно скромнее. А во-вторых, я до последней минуты... побаивался тебя. Ведь ты тоже был влюблен в Лару.. Признайся, что это так... Ладно, ладно, я шучу!.. Но непременно приглашу тебя на серебряную свадьбу...»

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЯБЛОКИ

На дворе стоял конец августа, и в доме вкусно пахло свежими яблоками. А сами они — виновники этого замечательного аромата — пламенели красными боками в центре стола, сложенные горкой в большой вазе синего стекла. Но обстановка в доме царила серьёзная, а скорее — печальная. Поводом к тому служил гроб, стоящий рядом со столом, окружённый сидящими на стульях людьми, в котором лежал упокоившийся от мирских дел мужчина, одетый в добротный, темного цвета костюм и белую рубашу — светлый лицом, чуть скрытым седой бородой. Это его покойное благообразие было настолько естественно, что казалось, прикрытые глаза вот-вот откроются и мужчина улыбнётся, разымет скрещённые руки и скажет что-то недоговорённое, чего все эти печальные люди, как потом окажется, только и ждут услышать. Да и взоры приходящих спервоначалу обращались не к безмятежному лику покойного, а на вазу с краснобокими яблоками и люди высказывались по-своему, но об одном и том же: «Ну, вот, Миша и урожай успел собрать. Есть чем помянуть доброго челове-

ПРОЗА

ка». Когда кто-нибудь вставал от гроба и собирался уходить, то его непременно одаривали яблоками из той самой вазы, стоящей прямо против головы покойного. Делал это молодой человек, высоким лбом и изгибом носа очень напоминающий облик покойного. Раздавая яблоки, он приговаривал: «Берите, берите. Дедушка так велел», — и видно было, как слёзы туманили его чистые, юные глаза. Потом он ненадолго выходил, приносил в корзине яблоки и вновь наполнял ими вазу и никто не успевал увидеть её пустой.

Ворота, как водится, были открыты настежь и желающие проститься с упокоившимся хозяином дома люди входили и выходили, толпились у крыльца и за оградой, вели разговоры о бренности земной жизни, о человеческой смертной доле, о земных делах и памяти о них. А память о созидательных трудах покойного находилась рядом, радовала ветвистыми деревьями с добром ухоженного сада, что слегка шумел ещё зелёною листвою, встречая приходящих людей, но тут же затихал, как бы в печали, вспоминая об утомившихся, всегда заботливых хозяйских руках. Одни деревья шелестели уже пустыми ветвями, другие же гнулись под тяжестью поздних, ещё ждущих своего времени созревания плодов. Они были красивы, эти растения, посаженные здесь маленькими саженцами, взрослые и теперь приносящие плоды человеку, который своей заботой и любовью даровал им жизнь на земле. Что же будет теперь с вами, жители этой чудесной части земли, где весной бушует разноцветное море цветущего сада, а осенью наливаются живительным соком райские плоды труда природы и человека? А что может случиться с садом после ухода доброго хозяина? Без заботы и труда всё вокруг дичает — и люди и деревья.

Конечно, непросто взять и покинуть мир, где живёт твоя забота о каком-нибудь хорошем деле, но кто-то должен перенять, подхватить дело из ослабевших рук, и тогда продолжится на земле праздник цветения и плодоношения, и смерть не покажется концом света. Об этом случае и говорили люди, пришедшие проститься. Хозяин и при жизни не отказывал людям в плодах своего труда, и теперь внук его изо всех сил старался исполнить волю деда и наделял яблоками всех, кто заходил в осиротевший дом. Вот и говорили, что внук готов продолжить заботу о дедовом наследии. Воспитан на труде в саду, знает, как надобно ухаживать за деревом, да и любит это дело — вместе с дедом с малолетства живёт, а значит, будет у яблонь и груш заботник и хозяин. А посему саду этому цвести изо года в год. Говорилось о том по-доброму, по-человечески.

Осень уже заметно вкрадывалась в природу, меняя краски, волнительными цветами увядания прощалась с летом.

Таким осенним тёплым днём и наступил день похорон. Людей собралось много, вынесли гроб с телом покойного, установили во дворе, чтобы проститься, всплакнули родные, целуя холодный лоб усопшего. Но вот гроб подняли и понесли к воротам, чтобы погрузить в машину. И тут случилось нечто, что запало в души и сердца людей, как порыв чувства необычайной любви и преданности деревьев своему хозяину. Только приподняли мужики на плечи тело покойного, как вдруг поднялся ветер, листва полетела под ноги и устелила собою двор, путь к воротам и дно открытого кузова машины, и сразу стало тихо, и только шорох под ногами падших листьев напоминал изумлённым людям о необычности произошедшего случая. Затихли голоса людей, и будто откуда-то издали послышалось: «Говорят, бездушное дерево, а тоже прощается по-своему. Листве-то ещё и падать время не пришло, а вот ведь, будто слезой прошибло. Господи, мир-то воистину Твоею любовью устроен».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

Володька Фомин разбился. Разбился насмерть. Бывало у него, сядет на мотоцикл, уедет за город и гоняет там по бездорожью, будто помешанный. Потом ничего, загонит машину в сарай и не вспоминает с неделю, а то и больше. Найдёт блажь, снова целыми днями может гонять, кончится кураж, мотоцикл на приколы забудет. Вроде запоя что-то, только без водки.

И в этот раз всё было так же. Гонял, гонял, а потом нашли его метрах в двадцати от мотоцикла. Лицо начисто снёс. Лежал теперь в гробу, вместо головы — бинты. Потому, вроде, как и не он. И только мать знала, что он. Она гладила закрытое бинтами лицо, время от времени припадала к нему щекой, замирала, как бы прислушиваясь. Горе её было так велико, что сдавило её со всех сторон, она сжалась в маленький чёрный комочек, застывший на стуле возле гроба.

Приходили Володины друзья, громоздились у гроба в виноватых позах, явно недопонимая произошедшее. Они же зачем-то приволокли с места трагедии искорёженный мотоцикл, и тот краснел грудой металла у дровяного сарая. Его, конечно, можно будет восстановить, да вот только Володька уже не сядет за его руль. Такие мысли возникали у многих людей, приходивших проститься. Друзей у Фомина было много, потому их присутствие казалось постоянным. На самом деле они просто подменяли друг друга на этом печальном дежурстве. Многие из них искренне любили Володю и теперь пугливо глядели на его обезличенную марлей голову.

Они не верили, что там, за нелепой повязкой из бинтов, кроется такое знакомое многим с самого детства лицо. Лицо красивое и славное. В гробу лежал кусок их жизни. Добрый кусок. В гробу лежал не только Володя. Там лежало многое, для многих. А для матери всё. Это всё останавливало мысли, движения, давило объёмом непонятности, безвозвратности и потому невозможности мыслить. Были слова, но они не запоминались, пропадали в неясности своего будущего. Потому как будущего не стало. Как не стало его у Володьки Фомина.

Фомин, в своей жизни, был человеком со странностями. Да и у кого их нет? У одних это считается нормальным, у других странным. Вообще-то он был нормальным парнем, как все, до случая, которые происходят сплошь и рядом. Лет пятнадцать тому назад была у Фомина невеста. Всё окончательно договорено у них промеж собою было. Уже и свадьбу хотели играть по осени, да она пропала невесть куда, невеста та. Володька туда-сюда ищет, но никто ничего не знает. Только, почитай, через неделю мамаша невестина призналась, что та уехала с залётным офицером куда-то аж за Байкал. За Баргузин, короче, подалась.

Фомина после этого как подменили, молчалив стал, к девочкам ни шагу. Сколько за ним красавиц увивалось, но он будто замороженный стал. С матерью вдвоём так и жили. Работал он по командировкам, половину месяца работает, потом дома. То приемник какой-нибудь новейший собирает, то мотоцикл купит и воспитывает его на бездорожье. В доме у него все на своём месте. Как у людей. Да вот не женился никак. Мать вначале пыталась поговорить с ним о женитьбе, да после отказалась от того. Не хочет он о том говорить. Начали сердобольные люди невест ему сватать, так он так взбрыкнул, что и все остальные от него отступились.

А так со всеми был дружен. Только приедет из командировки, тут же друзей полон дом. Иногда и выпивали понемногу. Но не часто, да и не зло как-то пили. Больше для разговора, чем для крика. Зарабатывал Володька хорошо, почему бы не посидеть с друзьями, не выпить? В общем, завидный был жених, да не женился. Да ещё невеста его через год-полтора явилась домой, притихшая да помятая, с приплодом. Оправилась понемногу, посмелела, призабыла чуть забайкальского гусара, да тоже стала на Володьку поглядывать. Было на что посмотреть. Как говорится, и ростом и лицом вышел. Начала всё к матери его похаживать с разговорами, пока Володьки дома нет. Да он их как-то застал на их тайной вечере, не ждали, видно, ну всё и прекратилось. Поговорили, конечно. Мать его потом рассказывала соседям: «Сидим, говорим о нём, а он вот и входит. Гости, говорит, у нас, а что

же стол не накрыт? Ну, думаю, слава Богу, пронесло. Собрала на стол, он бутылку принёс. Выпили, закусили. Он и говорит: «Вот это наша свадьба была. — Снова налил, выпил. — А это вот — развод. — Мы и глаза вытаращили. — До пояса, говорит, я тебя ещё люблю, а вот ниже, простите, — нет. А половиной ведь ты стать не можешь? Не можешь. Я лучше тебя ту, давнюю, буду любить полностью, чем эту твою нынешнюю половину. Прощайте». — И ушёл. А мы так с открытыми ртами и остались сидеть». Ну, а потом всё по-старому пошло.

Бывает такое, вроде у всех чувства, да у всех по-разному. Одному — та ли женщина, другая, без разницы. А у другого, как замкнёт, от первой любви никуда. Носит в себе одному ему понятную радость, тешится ей. Говорят, что несчастлив он. А кто его знает, кто более счастлив, тот, кто баб каждый день меняет, или кто один на своей свадьбе гуляет? Кто свою первую любовь чистой сберёт, хотя бы для себя. Как он там с ней по ночам беседует, никто не слышал. А если кто и слышал, не расскажет. Это тайна. Тайна, которую знает один. Досушие вымыслы — это равнение на себя. Не все так смогут, зараз отлюбить на всю жизнь. Или, скорее, наоборот, всю жизнь любить один раз. Это не только в романах, но и в жизни бывает. Только в жизни неясно как-то. Неярко.

Похоронили Володьку. Всё честь честью. По-христиански. Обрела покой душа его, а с ней и любовь. Любовь его тут же, у гроба, рыдала. Белугой редела. Тоже, видно, не просто у неё всё это было и прошло. Дорого ей своё беспамятство далось. Так бывает, в мут бух, ничего не видно, не слышно — хорошо, а вынырнешь — опять то же, что было, только уже видней. Вот тут боль, как резанёт по глазам, по сердцу. А тут крест на всём этом. Крест, и всё тут. Под крестом отмучившийся лежит, а вокруг мученики стоят. Кто чем мается. Под крестом у каждого своя боль осталась. Вроде хорошо, зарыли боль, нет её. Ан, нет, связь с этой болью потеряешь — даже вздрогнешь от такой потери. Человек — он из боли состоит. Чтобы знал, что живой. Всё думает себе, скорей бы боль прошла, а пройдёт, себе не рад, всё о прошлом вспоминает, всё боль свою там ищет. Найдёт, тешится. А если зарыли, где найдёшь? Мечтать не всякий человек способен.

Но как бы ни было — схоронили Володьку. Помянули, как водится, дома. Друзья как столбы за столом сидели, мать как тростиночка меж ними. Каждый за поминальным столом о смерти думал. О несправедливости её, непонятности. Дом был полон людей, а казался пустым. Всё было мёртвым: слова, движения. Им не было продолжения, и они, не успев родиться, погибли, сраженные своей незначительностью. Разошлись поздно, старушки остались молиться, другие по домам пошли.

Воскресенье занялось свободным, светлым утром. Первым пришёл Витька Михайлов. Он влез в дверь, посмотрел на старушек, поздоровался, помялся малость и выдал такие слова:

— Тётъ Маша, я тут Володьке денег должен. Строился, дак занимал. Вот принёс.

Старушки повернули в его сторону свои отжившие лица. Лица поморщились, как будто что-то вспоминая, и через некоторое время выразили удивление. Мать поправила чёрный платок:

— Бог с тобой, Витя. Зачем они ему теперь. Оставь себе. Вспомнишь когда.

— Что вы, тётъ Маша, не могу я так. Друг ведь он мне. Не хочу, чтобы промеж нас долг был.

— Дак ведь помер он, сыночек-то мой.

— Не помер он вовсе, просто ушёл от нас. Надоели мы ему, видно. Он сильный был, вот и ушёл. Должны были мы, да мы не можем.

— Окстись, Витя, что говоришь-то, — одна из старушек покачала головой.

Витька положил деньги на стол и хотел было выйти, но на встречу, оттолкнув его, вошёл ещё один Володькин друг Николай. Он был угрюм и озабочен. Разговор с матерью повторился. Деньги легли рядом с первыми. Потом пошло. Друзей набился полон дом. Приносили по-всякому. Кто сколько раньше брал, то и приносил. Горка денег на столе росла. Старушки притихли. Не привыкшие в своей жизни к деньгам, они испуганно смотрели на деньги, никому не принадлежащие. Парни стояли вокруг, не зная о чём говорить, да и нужно ли были разговоры в этот миг. Были деньги, были люди, но не было человека, который мог распорядиться этим богатством. Без него им не суждено было выполнять своё предназначение. Деньги перестали быть деньгами. Они стали доброй памятью о человеке, помогающем людям. Может быть, первый раз деньги напоминали о добре. Неожиданно для всех горка из денежных купюр стала памятником. Мемориалом дружбы, доброты, всего хорошего, что ещё осталось у людей. Каждый думал о своём, но в мыслях этих людей не было жадности. Одни отдали долг, другие его не приняли. Не потому, что им не нужны были деньги, но потому, что они им не принадлежали. Это был ритуал возвращения человеческой честности. Своего рода посвящение в неё. Деньги не были деньгами, люди стали людьми. Вдруг судорожно сжалась и заплакала мать. Старушки кинулись её утешить. Вскоре она успокоилась. Глаза её немного просветлели, и она медленно поднялась. Она на что-то решилась. Подгребла со всех сторон денежные бумажки, обвела взглядом комнату. Лицо её прояснилось.

«Пусть каждый, — сказала она, — возьмёт себе денег столько, сколько ему нужно. Считайте, что это говорит вам Володя. Исполните его просьбу. Он бы не сказал по-другому. Это последнее, о чём он вас просит».

Мать опустилась на лавку, и лицо её как-то сразу померкло. Она снова стала маленьким темным комочком, сжатым со всех сторон пустотой. Мир для неё был сыном. Теперь мир был пуст. Пустота огромна. В пустоте всё маленькое. Всё, кроме памяти. Память боролась с пустотой. Лицо матери снова начало озаряться теплым светом, она что-то вспомнила. Взяла пачку денег со стола и сунула её в руки сидевшей рядом старушке. Та закрестилась. Вскоре все старушки были оделены деньгами. Кто-то из парней сдвинулся с места первым, а может, первого и не было вовсе. Просто все сразу подошли к столу. Каждый брал денег, сколько мог меньше. Брали с краю. Видно, боялись сломать памятник. Потихоньку выходили из дому. Никто не прятал взятых денег. Так и расходились, держа деньги в руках. Они держали в руках память. Память нельзя прятать.

ЛОШАДИ ВЕЗУТ

Мишка Штейн был еврей. Настоящий. И папа, и мама и все остальные в его родне были тоже евреи. Но сам Мишка евреем не был. То есть он им был, но только по паспорту. Он им не принадлежал. Нация — не паспорт, нация — продолжение мысли, определяющей эту нацию. Этой-то мысли в Мишке и не было, тем более её продолжения. Нет, в него её, эту мысль, закладывали, но она не проросла. Мишкин папа был этим очень и очень удручён. В своих сетованиях к кому-либо он вздымал руки, закатывал глаза и говорил: «Видит Бог, я всё делаю для того, чтобы он стал человеком». Человек, видимо, было для него понятием давно определённым. Мишка был единственным его ребёнком, и потому скрасить огорчение было нечем, то есть некем.

Дом у семьи был большой, но изнутри смотрелся как временное пристанище. Новые, шикарные вещи соседствовали с рухлядью, и потому казалось, что кто-то ещё не совсем уехал, а кто-то не совсем приехал. Не было уюта, священного смысла дома. Сам хозяин, по имени Мордехай, которого с лёгкой руки, а скорее с лёгкого языка его жены за глаза все звали Мордой, работал неизвестно где и невесть кем. Аккуратно уходил и приходил в одно и то же время, ничем, в общем-то, не выделялся среди жителей квартала, разве только

большой связкой ключей, которые постоянно держал в руке, да осторожностью высказываний на спорные темы.

Жена его больше интересовалась бытом соседей, нежели своим. Потому её редко кто видел прибранной, да и мужа тоже. Они часто ругались между собой, отголоски их разногласий краем достигали соседских ушей, но на том погасали, а так как бранились они только наедине, большего откровения от них добиться было невозможно. Но случался праздник, и они, на удивление соседям, выходили в лучших, немного мешковатых одеждах, под руку, раскланивались и улыбались каждому встречному. Так что об их жизни могли судить только они сами. Мордой жена звала мужа, видимо, как-то по-своему ласково, но незнание языка превратило ласковое название в грубое прозвище.

Жену звали Рая, она не работала, потому целый день болталась по соседям, но к возвращению мужа всегда торопилась домой. Кроме обстановки, в доме присутствовал еще вечный горелый запах, то ли котлет, то ли рыбы, а скорее и того и другого. И ещё, болтали злые языки, в семейных ссорах муж упрекал жену в прелюбодействе. Намекал на непонятность сына.

Ещё учась в школе, Мишка перестал подавать своему папе надежды. Учился отвратительно, хулиганил, а главное, никогда не хотел вывернуться. Виноват — соглашался и получал наказание. К советам отца был безразличен и поступал против них. Вообще был сыном не своего отца. Мать, правда, мало обращала внимания на этот факт. Была до надоедливости ласкова с сыном, похожа на клушу, которая не замечает, что цыплёнок вовсе не цыплёнок, а утёнок, лишь бы вырос целым.

Папа не разделял её безумной любви. Было в его жизни одно непреодолимое обстоятельство, которого он страшно боялся. У него стыла в жилах кровь, когда он проходил мимо городского ипподрома. Именно здесь сын перестал быть его сыном. Это он сам привёл его на скачки, а потом узнал, что после школы Мишка ходит на ипподром и в конюшне ухаживает за лошадьми. Даже просит, чтобы ему разрешили почистить конюшню. И чистит. Об этом ведь никого долго просить не надо. Сначала все думали, со временем эта его дурь пройдёт, но после окончания школы Мишка стал работать там постоянно. Он чистил конюшни, иногда объезжал лошадей. Родственники вначале качали головами, теперь откровенно ухмылялись. Вот до какой неприличности дошло дело.

Папа не знал, что ему делать. Все душеспасительные беседы, тет-а-тет с сыном, не помогали. Ответом был с каждым

днём усиливающийся лошадиный запах и больше ничего. Сын даже не пытался отвечать. Книги он покупал только о лошадях. Оклеил свою комнату фотографиями коней. Если человек думает только о лошадях, может ли он понимать отца? Об этом постоянно думал Морда. От этих мыслей он становился медлительней. Он, даже наедине с собой, вздымал руки и говорил одному ему понятные слова о человеке. А для этого нужна была остановка. Остановки становились всё чаще. От непонятности происходящего он стал похож на безумного. Рае до него не было никакого дела. Она привыкла к странностям мужа или же вообще не собиралась к ним привыкать. Это одно и то же. К чему-то привыкнуть и чего-то не знать — равноценны понятия. Рая носилась по соседям. Морда всё больше уходил в себя. Мишка приходил домой только ночевать, приносил конский запах, от которого морщился отец и которого вовсе не замечала мать. Родственники заходили редко. Продолжения у семьи не было, а значит, не было и перспективы. К неперспективным евреям родичи не ходят. Они сочувствуют, качают головами, говорят: «Ай, ай», — но в гости не ходят. Потому, может быть, глава семьи часто сидел вечером возле дома на низенькой скамейке, наверное, ждал, что кто-нибудь из родственников вспомнит о нём. Потом выходила Рая и уводила его домой. Войдя в свой двор, они о чём-то гортанно кричали, тоскливо и нервно, потом хлопала дверь, как бы закрываясь за ещё одним днём — безрадостным, кромешным для Морды и обычным для семьи.

Но однажды всё изменилось. Морда шёл своим привычным путём, на работу. При подходе к ипподрому кровь его начала стывать, потому походка стала медленней. Он даже сумел рассмотреть слова в объявлении, висящем на заборе. Объявление носило следующее содержание: Состоятся скачки... число, год. Поимённо лошади участницы, с цезаревскими кличками. А в самом конце стояло: «Главный администратор ипподрома Михаил Штейн». Кровь, готовая остыть, забурлила, мышцы напряглись. Он не мог оторвать взгляда от этой надписи, сделанной крупными печатными буквами. Что это, когда это случилось? Он просто слишком глубоко поверил в неразумность поведения сына и забыл, что в каждом деле возможен успех.

Шагая вечером со службы, он уже был отцом главного администратора ипподрома. По дороге он встретил близкого родственника Мориса и от своего имени пригласил на семейный праздник по случаю вступления сына в должность. Тот округлил глаза, благодарно закивал, долго жал руку, говорил какие-то давно забытые Мордой слова. Когда он шёл по своему кварталу, ему казалось, что люди специально выш-

ли на улицу, чтобы встретить его. Просто в своём отрешении, граничащем с безумием, счастливо закончившимся, он забыл о текущей рядом жизни. Он раскланивался с соседями и даже говорил комплименты женщинам. Те смущались, опирались засаленные халаты и добрели. В этот вечер он перестал быть Мордой, он стал отцом Михаила Штейна, главного администратора ипподрома.

Зайдя в свой двор, он не стал запирасть, по обычаю, ворота, а сразу прошёл в дом. Рая обезумела от его поцелуя, заверещала, засуетилась, убежала в спальню и явилась обратно в праздничном платье:

— Ты уже всё знаешь, Мордехай, какой молодец наш сын! Я уже приготовила стол. Сегодня, наверное, будут гости. Соседи, говорили, найдут.

— Пусть заходят все, — торжественно ответил муж. — Я всегда говорил, что мой сын будет человеком. Я всё сделал для него. Как ты думаешь, что мне надеть для такого случая?

Через некоторое время гордый, переодетый во всё новое, Мордехай встречал гостей, провожал их к столу, потчевал, благодарил, что они уважили его в приятный для семьи день. Желающих уйти не отпускал, называл друзьями и потчевал, потчевал.

Когда гости разошлись, они с женой ещё долго сидели за столом, болтали. Мордехай говорил: «Не пришёл только Буткевич. Но когда Михаил станет директором, он придёт. Будь уверена, жена, он придёт». Они ещё долго сидели за столом, говорили о своих родственниках и ждали, ждали своего сына, главного администратора ипподрома.

Стало совсем поздно. Решили лечь спать, отложив встречу на утро. Одетый в полосатую пижаму, сидя в кресле возле кровати, Мордехай говорил лежащей перед ним жене: «Конечно, у нашего сына теперь много забот. Столько народу, да и лошадей тоже много. Со всеми надо разговаривать. К каждому человеку нужен подход, Рая, да и к лошадям тоже. Лошади тоже иногда везут. Когда ты к ним добр, они везут». Он поднялся, погладил жену по голове и выключил свет. Уже в темноте он проговорил: «Рая, нам нужно заменить старую мебель. У нас теперь бывают люди».

ЦЕРКОВЬ

Всегда люди старались строить Божьи дома повыше, на пригорке, на горочке, пусть небольшой, но всё поближе к небу, Богу. Строили крепко, красиво и навечно. Вечное не может быть убогим. Если Бог вечен, значит, и посвящение

ему должно быть под стать. Под стать вере и любви, обращённым к всевышнему познанию, ибо познание высокого и есть Бог. Познание красивого, доброго, вечного.

Нельзя восхвалять пустоту. Она невидима. Восхвалять великое нет нужды. Остаётся среднее, хвала самой жизни. Хвала её свету и тьме. Жизнь и есть нечто среднее между пустым и великим.

Эта церковь тоже была построена на пригорке и когда-то оповещала малиновым звоном своих колоколов о движении жизни, обзванивала праздники и беды, печалилась к смерти и благовестила о рождении. Это было так давно, что даже людей, которые помнили о том, никто уже не знал. Они, конечно, жили, эти люди, но затаились где-то, как затаилась и сама церковь между высокими домами большого города. Её колокольня едва достигала четверти роста зданий, окружавших её. Было похоже, что не в меру выросшие сыновья, склонившись над старушкой-матерью, упрекали её в чём-то, она же, слушая их слова, тяготясь их громкостью, в то же время светила улыбкой понимания, доступного только материнству. Разговор, как всегда меж ними, шёл о Боге. Сыновья уверяли мать, что даже со всей высоты своего роста они не видят его. И никто рядом тоже. Что же тогда хранит она, такая маленькая? Что же она может видеть из-за громадин нового мира? Она отвечала им, что ей и не нужно ничего видеть, но она чувствует близость их родства и счастлива этим. Рада радостью матери, что её старость будет согрета теплом своего продолжения. А что до Бога, она помолится, чтобы он хранил продолжение это, память людскую от разрушений. Ведь и создана она — мать — из памяти. Видно было, что не впервые затевался этот разговор и каждый раз, в окончании спора, казалось, что сыновья становились меньше ростом перед светлым взглядом своей матери.

Во дворе церкви, прямо за воротами, была пристроена сторожка. Она, видимо, строилась гораздо позднее и потому не очень подходила к добротной и крепкой постройке самой церкви. Но эта пристройка служила местом обитания единственного живого здесь существа — сторожа церкви. По каким-то неведомым обстоятельствам хозяева давно покинули свой дом, но сторож остался просто по причине своей старости. Сторожа звали Никифор. Он имел небольшой рост, но очень благообразную внешность и редкую для своих лет подвижность. От его постоянных заботливых и уже, как могло показаться, мало кому нужных усилий церковь всегда гляделась чистенькой, пригожей и радовала глаза и душу жителей города какой-то далёкой тайной, неясной, но необходи-

мой. Дорожки во дворе церкви всегда были разметены, деревья пострижены, цветы ухожены. Часто можно было видеть, как по утрам и вечерам церковь посещали старушки, что-то приносившие в узелках, видимо, еду сторожу. Они выходили из каких-то тайных щелей большого города и темными пятнышками своих одеяний бесшумно направлялись к церкви. Двигались они всегда торопливо, как умеют спешить только старушки, не глядя по сторонам и перебегая улицы в самый неподходящий момент, крестясь после того, как их минует опасность перехода. Скрипнув, церковная калитка сглатывала их, этих странниц, спешащих сюда со всех концов города, в свой мир, такой потерянный среди выстроенных громад новой жизни.

Чтобы понять величие прошлого, вовсе не нужно умалять заслуги настоящего. Просто нужно суметь прошлое приблизить. Оно должно стать неотрывным от течения нашей жизни. Оно и настоящее — целое. Целое время. Время нашей жизни.

Кто знает, о чём толковали старушки там, за церковным забором? Чем делились промеж собой? Горестями или радостью? Да и какие в старости радости. В детстве есть радость познания, а в старости, когда всё уже понятно, что есть? Есть только место, где можно укрыться от своей старости. Этим местом и была церковь. Здесь всё было прошлым. Прошлое — это ведь тоже чья-то юность. Когда это понимаешь, многое видится по-другому. Становится понятна вера людей, мученики этой веры. Понятен сам Бог. Понимаешь — Бог и есть понятность. Понятность того времени, что уже прожито. Ведь люди умирают, а Бог живёт вечно. Живёт для того, чтобы люди поняли, что в его жизни разное время их судеб — одно целое. Всевышнее осознание единства. От Адама и до тебя. Перед нами целая вечность жизни, но мы всё придумываем себе новые её начала, для того чтобы разделиться. Но потом снова возвращаемся туда, откуда пришли. Бог всех ведёт одной и той же дорогой. Рождаются воители, идут воевать, чтобы объединить разделённый мир в одно целое, целую жизнь. Они облачают себя разными целями. Но цель одна — объединение. Цель не всегда до конца осознанная, но единственная. Никому ещё не удалось объединить наши жизни и не удастся. Потому что люди разделили Бога. Бога объединить невозможно. Новые боги не позволяют этого сделать. Иначе им не управлять народами. И самое страшное, что эти новые боги спешат создавать свою новую жизнь. Но как можно созидать новое, будучи смертным? Можно только продолжать. Никто не хочет понять, что разрушение един-

ства не есть созидание. Как люди продолжают себя в детях, так и всё должно продолжаться. И так будет всегда, хотим мы того или нет.

Так думали старушки, приходящие к Никифору, сам, Никифор, дома, окружившие церковь, люди, проходящие мимо. Но кто-то думал не так. Кто-то не смог увековечить себя, свою жизнь созиданием и решил сделать это разрушением. Сделать пустоту памятником своему бездушию.

Сейчас трудно сказать, кто первым понял происходящее вокруг. Сама церковь, дома вокруг, Никифор, старушки. Но поняли все. Возле церкви остановилась грузовая машина, из её кузова посыпались лопаты, ломы и люди, в одежде строителей. Потом подъехала ещё какая-то страшная машина, древняя, стенобитная. Люди начали по-хозяйски разбирать ограду у церкви. Со всех сторон начали стекаться зеваки. Среди них виднелись тёмные пятнышки старух. Будто кто-то оповестил их о приближающейся беде, и они спешили сюда, пока ещё не зная, зачем. Может быть, надеялись, что их убогий вид затронет душу разрушителей. Куда-то пропал Никифор. А его никто и не искал, кроме старушек, боявшихся, что его завалит при разрушении Божьего дома. Ведь где же ещё ему было быть, как не в церкви. Больше у него не было ничего. Об этом они толковали строителям, и те нехотя оглядывали здание. Но долго не искали, торопились. Надо было опередить пробуждение совести.

Забор вскоре был разобран. Без изгороди явилась взглядом собравшихся сиротливая беззащитность церквушки. Будто бы церковь хотела куда-то уйти, но для этого калитка была мала, и пришлось разобрать забор. Эта непривычность пугала. Эта открытая испуганность церкви, непонятность предпринятого перехода останавливала людей, будила тревожные мысли. Толпа росла. Вместе с ней рос вопрос. Почему? Почему нужно сделать пустоту? Пустоту в памяти. Кому и зачем это нужно? Вопрос охватывал своим изгибом церковь, толпу, гудел от напряжения, ожидая ответа.

Стенобитная машина тем временем подобралась к зданию церкви вплотную. Чистенькая церквушка ласково улыбалась своими куполами навстречу этому чудовищу цивилизации. Толпа затаила дух. Никто ничего не хотел. Только замерли. Так замирает внезапно испуганный человек. Напрягшись, приготовившись к защите, ещё не зная от чего. Не сориентировавшись в опасности, но замерев от её ожидания. Церковь тоже замерла, всё ещё улыбаясь, но уже как-то потерянно. Улыбка сходила с её лица вместе с приходящим пониманием опасности. Машина размахнулась, будто в руко-

пашной, но тут ударил набат. Звон колокола так рванул воздух, что некоторые люди даже пригнулись. С каждым новым ударом колокола звон догонял предыдущий и постепенно слился в единый звук, который тревогой заполнил пространство вокруг. Пространство памяти. Пространство памяти велико и дремуче, но если его пробудить, всё становится ясным, понятным. Звон ударялся в стены больших домов, перелёстывал через них, обхватывал вокруг и лился, лился в какую-то дальнюю даль, как лился многие годы, призывая людей к единству. Было в этом что-то до того сильное и смелое, что распрямляло плечи, вдыхало в грудь свежесть и звало, звало. Была в этом гудящем набате гордая память чего-то бывшего, в громаду которого и должен был вырасти этот звук. Огромное пространство памяти пробуждалось этим звуком. Звук был корнем, на котором должна была вырасти необходимость смелости.

Память это не только когда-то виденное, это переданное нам поколениями. Звон разбудил в людях чувства их прадедов. Дрогнула душа памятью и окрепла. Окрепла и стала силой. Силой единения духа.

Это случилось так быстро, что не каждый понимал, что делал. Пробуждённое, давно забытое чувство долга перед прошлым опередило разум. Сразу стало понятна нелепость размахнувшейся машины и звучность колокола. Вскоре машина стояла за оградой, вернее за чертой бывшей ограды, а рядом с ней стояли рабочие, тоже замороженные звуками далёкой жизни. Быстро восстановили ограду, с торопливостью, с какой просят прощения невзначай напакостившие дети.

Народ не расходился. Чего-то ждали. Колокол как-то радостно запричитал и остановился, замолчал. Звук его ещё плыл в душах людей, а из церкви в это время выходил Никифор. Его будто вытолкнуло остывающим звуком набата. Он был совершенно на себя не похож. Волосы на голове и бороде всклокочены. Глаза, потухшие, сгоревшие, черными щелями безобразили бледное лицо. Покачиваясь, прошел он через двор и присел на крыльцо сторожки. Многим показалось, что это вовсе не Никифор, а они вернулись из дальнего похода и, воздав хвалу Всевышнему, присели отдохнуть. Другие ощутили близкое родство человека, сидящего на крыльчке, и озноб неслучившейся беды кольнул тело. Долго не расходились. Было тепло и хорошо вместе. Вместе с началом и продолжением.

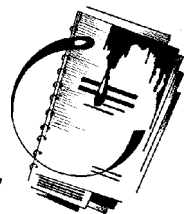
ВОЙНА И ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОСНОВА ГЕОПОЛИТИКИ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Вновь — в который раз за последние 12 лет! — мы были свидетелями очередной, санкционированной ООН, интервенции международных вооруженных сил против еще одного суверенного государства — и снова «во имя демократии и гуманизма».

Стратегия «управляемого хаоса» обнаружила себя не сегодня, и рухнуло международное право не тотчас. Началось это ровно 12 лет назад, когда в марте 1999 года американо-натовские — «умные» — ракеты и бомбы обрушились на Белград, Приштину и другие мирные югославские города. А еще раньше, в самом начале 90-х, на той же самой земле и с теми же самыми действующими лицами эта манипуляция с принципиальными основами межгосударственных отношений прошла свою генеральную репетицию.

Ну а концепции детерминированного хаоса и вовсе без малого полвека. Ее можно найти как в математических работах по теории игр, так и в знаменитом манифесте З.Бжезинского, опубликованном на самом рубеже 70-х и на десятилетия определившем ход построения современного нам «нового мирового порядка».

Если отвлечься от того, что социальное применение технологий «детерминированного хаоса» на 90% носит сугубо утилитарный

ДОСЬЕ "МГ"

характер, то с идеологической точки зрения они представляют собой практически идеальное воплощение древнеримского принципа *divide et impera*, «разделяй и властвуй», а в социальном плане воплощают стратегию разрушения самостоятельных территориально-административных образований-государств (прежде всего, как субъектов мирового рынка), вывод из-под их контроля стратегических ресурсов (в первую очередь, энергетических и ключевых технологических) вместе с основными средствами жизнеобеспечения и максимальное использование **всего** присущего захватываемому региону потенциала для усиления «победителей» (устроителей «нового мирового порядка»).

Четыре интервенции американо-натовских «умиротворителей», начиная с 1999 года (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия), позволяют сформулировать общие признаки этих акций в контексте мировой политики.

Во-первых, все операции по установлению контроля над новыми территориями и ресурсами осуществляются под плотным информационным прикрытием, целью которого является максимальное шельмование их жертв; жертвы должны быть представлены в глазах мировой общественности (слепой и глухой, огородившей себя экранами телевизоров и компьютерных мониторов) «невыносимыми злодеями» — «врагами общества, цивилизации, человечности, демократии» и т.д., а «миротворческая» агрессия — актом демонстративно-назидательного «наказания за преступления».

Во-вторых, при создании названной информационной завесы используются провокаторы из функционеров наркомафии и союзные им экстремисты из национально-религиозных сепаратистских организаций. Последнее утверждение может удивить, но достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что все страны — жертвы нападений агрессоров-«миротворцев» лежат на магистральных путях наркотрафика, а то и вовсе являются его узловыми пунктами. Например, Афганистан и Ирак являются крупнейшими мировыми производителями гашиша, марихуаны, героина, а албанцы-косовары — этнической группой, образующей единый мафиозный клан, чей глава Хашим Тачи (кличка «Змея»), прежде «крестный отец», и премьер-министр самопровозглашенной Косовской республики, является крупнейшим наркодилером Европы.

Факт связи так называемых «борцов за национально-религиозное освобождение от тирании» и бойцов наркомафии (зачастую это одни и те же лица — отсюда, кстати, их соответствующая боевая подготовка и вооружение) хорошо из-

вестен структурам, борющимся с оборотом наркотиков. Так, директор Российской Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Иванов, выступая 2 марта 2011 г. на пресс-конференции в Риме, прямым текстом заявил: «... но есть и третье последствие (помимо отрицательных влияний на здоровье и воздействия на общественный порядок. — К.Г.), которое связано с глобальным движением больших объемов наркотиков, — это проблемы, связанные с дестабилизацией политических ситуаций, режимов, которые ведут к серьезным политическим последствиям... По нашим данным, именно трафики и гигантское движение наркотиков, которые плодят организованную преступность, картелизацию, ведут к раскачиванию ситуации в Нигерии, Кот-д'Ивуаре, привели к волнениям в Алжире, Тунисе, Ливии и Египте... Образно можно сказать, что революция в эти страны просочилась по каналам наркотрафика».

В-третьих, официальные структуры глобального управления, опираясь на сотворенный сетевыми СМИ и спецслужбами миф, по-быстрому выпекают «горяченький» мандат на «справедливое возмездие кровавому диктатору», после чего коалиция вооруженных сил стран, добровольно взявших на себя функции карателей «нового мирового порядка», используя превосходство в вооружениях, с безопасного расстояния уничтожает военную и гражданскую инфраструктуру жертвы. При этом потери среди гражданского населения (ради которого, по официальной легенде, все и затеяно) в расчет не берутся, и от Югославии до Ливии многократно превышают число погибших в боях «мучеников» — нарко-боевиков.

Ну и, в-четвертых, после того, как обескровленное государство-жертва капитулирует, оно отдается на откуп мафиозному интернационалу. Представителями официальных властных структур там становятся лидеры тех самых мятежных мафиозно-сепаратистских формирований, руками которых и организовывались беспорядки, или эмиссары их глобальных патронов, специально подготовленные и присланные обустроить жизнь по новым («демократическим») стандартам. Стратегические технологические и энергетические ресурсы передаются в разработку «доверенным ТНК» (чем больше «доверие», тем больше отхваченный кусок пирога). А население консервируется в полудиком состоянии, наиболее удобном для использования «в тёмную» в качестве расходного материала в целях мафии. Страна в целом превращается в гигантский бандитский притон под присмотром «цивилизованных» натовских оккупантов, в котором одним отведена

роль боевиков, другим — обслуживающего персонала и порученцев преступных синдикатов, третьим — рабов, четвертым — жертв.

Всё присущее прежним колониям в странах-жертвах организуется на месте — и банановый диктатор, и расхищение ресурсов, и разгул бандитских разборок, и полное уничтожение самого понятия «права человека». (Достаточно взглянуть хотя бы на вершину этого айсберга, на то, что просочилось в СМИ и стало достоянием гласности: например, на издевательства янки над афганцами и иракцами, на их авиаохоту на аборигенов, на сексуальные издевательства над заключенными в тюрьмах, на «центр принудительной трансплантологии», созданный кликой Х.Тачи прямо в центре Европейского континента в Косово, где интернированные и заключенные заживо разделялись на части для продажи отдельных человеческих органов на подпольных рынках Европы и Америки.)

Однако всё перечисленное является лишь местными «изюминками», бонусами, увеличивающими богатство и власть тех, кто заваривает кашу в глобальном котле «нового мирового порядка, а заодно и «сокращает число бесполезных едоков». Главное в другом — в распространении зоны хаоса, концентрации в ней контролируемого извне потенциала, способного оказывать все возрастающее влияние на глобализованное человечество. То есть в создании своего рода управляемой раковой опухоли или «серой слизи», призванной обеспечить почти неминуемый передел мира под придуманную ранее модель общественного устройства.

Революции, произошедшие в январе — марте 2011 г. в странах Северной Африки и Ближнего Востока, должны были привести к созданию почти непрерывного «пояса хаоса» от Афганистана до Марокко (пока еще этому препятствует непреклонно защищающий свой суверенитет Иран). Помимо достижения очевидных целей — создания стратегического плацдарма, позволяющего почти полностью держать «под прицелом» события в Евразии и Северной Африке, и установления близкого к монопольному контроля на нефтяном и газовом рынках (что позволяет манипулировать, как вздувается, с ценами на энергоносители, организовывать и прекращать мировые экономические кризисы) результатом создаваемой геополитической язвы должно стать дальнейшее распространение хаоса, прежде всего в государствах с европейской культурой путем неуклонно нарастающего экспорта туда — как по трубе — «серой слизи»: наркотиков и мигрантов.

И хотя вряд ли количество этой взрывчатой смеси может достичь критической массы быстро, сполохи будущего взрыва уже сейчас угадываются в этно-культурных разногласиях, обернувшихся социальными конфликтами во Франции и Германии. Так что можно не сомневаться — и до старушки Европы у «глобальных архитекторов» однажды руки дойдут. А пока они заняты теми, кто «созрел»: Сирией, Ираном, Венесуэлой... Ираном в особенности, так как он не только отвечает критериям страны-кандидата к «хаос-утверждающей революции», но и еще «смутьян», объявивший себя врагом Израиля и к тому же нарушающий непрерывность создаваемого криминального пояса (того самого — от Афганистана до Марокко) и активнейшим образом противодействующий наркотрафику.

Впрочем, войны с «демократизаторами» Ирану не избежать — это вопрос практически решенный. И не только потому, что последние арабские «революции» лишили его союзников и обезопасили Израиль от ударов с тыла, но и потому, что военные действия в виртуальном мире уже развязаны, а натовские военачальники видят Иран следующим непосредственно за Ливией (или в такой последовательности: Ливия, Сирия, Иран...).

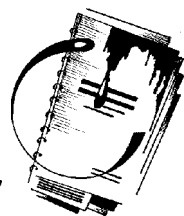
В заключение надо ответить только на один вопрос: почему именно бандитский беспредел стал преобладающей формой современной геополитики, а организованная преступность с её вооружёнными силами — едва ли не главным инструментом «нового мирового порядка»? Ответ простой: подобное растворяется в подобном. Ложно интерпретированная модель из математической теории игр, взятая за основу в искусственной перекройке общества и успешно примененная на практике, позволила преобразовать охваченную ею часть человеческого общества в корпоративно-сетевую структуру — идентичную структуру мафии. Ну а родственное содержание порождает близкие формы, аналогичные принципы, методы, способы действий. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для состояния современной Мир-системы.

«МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ АРЕСТОВАТЬ ПРЕЗИДЕНТА»

(20 июля 1998 года Бориса Ельцина должны были арестовать — власть в стране перешла бы к военным. За две недели до этого организатора заговора генерала Льва Рохлина нашли убитым на собственной даче. Через 13 лет после несостоявшегося переворота журналисты поговорили с участниками и свидетелями заговора и воссоздали картину предполагавшейся смены власти)

— Я особо и не конспирировался, если честно. Думал, все «за». А кто мог быть против-то? В Кремлевский полк, блин, прямо через Спасскую башню с двумя чемоданами, полными затворов, перся, еле-еле закрывались — во-от такие чемоданы! — Отставной полковник Николай Баталов вскакивает со стула, разводит в стороны свои ручищи, и понимаешь: чемоданы действительно были огромные, и затворов в них действительно было много. А Кремлевскому полку они понадобились потому, что карабины у них без затворов, не боевые.

Сейчас Баталов работает директором «по общим вопросам» одного из химических заводов Волгоградской области. А в то время

ДОСЬЕ "МГ"

был сначала заместителем командира 8-го армейского корпуса, а потом возглавлял региональное отделение Движения в поддержку армии. И был допущен почти ко всем подробностям плана захвата власти. Говорить об этом он может совершенно свободно, потому что никакого уголовного дела по тем событиям не заведено, официально заговора как бы и не было. И что именно он проносил в своих чемоданах через Спаскую башню, уже никакому следователю не интересно.

— И вот у меня эти чемоданы затворов, а у другого товарища куча патронов, — продолжает Баталов. — Прошли, оставили. Готовились... А оказались мы лохами кончеными! Конспираторы мы были никакие. На этом и погорели.

— К тому моменту за Рохлиным и его ближайшим окружением были установлены тотальная слежка и прослушивание — это вне всякого сомнения. То есть все знали, что он готовит... — рассказывал бывший командующий ВДВ генерал Владислав Ачалов, интервью с которым записано буквально за несколько недель до его неожиданной смерти.

Мятежный генерал

Лев Рохлин действительно готовил военный переворот. Это был, пожалуй, единственный за всю постсоветскую историю прецедент того, что можно было бы назвать «настоящим военным заговором». А если брать шире, то и за всю российскую историю после восстания декабристов. Ведь за прошедшие с тех пор два века во всех революциях, переворотах, мятежах армия если и играла какую-то роль, то это была роль статиста.

Генерал-лейтенант и депутат Госдумы Лев Рохлин, отказавшийся в свое время от звания Героя России за «гражданскую войну в Чечне», развил в 1997—1998 годах настолько бурную оппозиционную деятельность, что испугал этим и Кремль, и других оппозиционеров. «Мы сметем этих Рохлиных!» — бросил в сердцах Борис Ельцин, а депутаты от КПРФ поспособствовали смещению мятежника с поста главы парламентского комитета по обороне.

В Госдуму боевой генерал, штурмовавший Грозный в первую чеченскую кампанию, попал по спискам вполне официозного движения «Наш дом — Россия». Но быстро разошелся со слабой партией власти во взглядах (главу НДР Черномырдина Рохлин в кругу своих соратников называл не иначе как «пауком»), покинул фракцию и создал Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА).

В оргкомитет движения вошли бывший министр обороны Игорь Родионов, бывший командующий ВДВ Владислав

Ачалов, экс-глава КГБ Владимир Крючков и еще ряд не менее примечательных отставников, обладавших заметным влиянием и связями в среде силовиков.

Потом были поездки по регионам, персональный самолет, услужливо предоставленный кем-то из руководителей военно-промышленного комплекса, встречи с губернаторами, забитые до отказа залы в крупных городах и самых отдаленных воинских гарнизонах.

— Я с Рохлиным был в нескольких командировках — в Казани, других местах, — вспоминал генерал Ачалов, — слышал выступления, видел, как его воспринимают. Выражался он предельно жестко. Услышать такое сегодня от федерального депутата немыслимо. И все его тогда испугались — не только Кремль, но и КПРФ, ЛДПР..

— Бывали моменты, что мы очень узким кругом собирались у него на даче, нас было буквально пять-шесть человек, — продолжал Ачалов. — Конечно, первоначально не было планов вооруженного захвата власти, вооруженного восстания. Но потом жизненная обстановка к этому подтолкнула. Потому что чехарда в государстве набирала темпы, росла просто катастрофически быстро. Вы же помните 1998 год? С весны премьером был мальчик Кириенко, а в августе случился дефолт. Вот и представьте себе, что случилось бы, если б Рохлина не убили в июле. Вариант привлечения армии был вовсе не исключен.

О каких-то дополнительных подробностях Ачалов рассказывать не стал. Обронив, однако, что Рохлин «в любых вопросах мог опереться на волгоградский 8-й корпус». Этим корпусом Рохлин командовал с 1993 года. С ним он прошел «первую чеченскую». И даже когда стал депутатом, уделял ему совершенно особое внимание: регулярно встречался с офицерами, лично курировал вопросы перевооружения и оснащения корпуса, превратив его в одно из наиболее боеспособных соединений.

— Го́да через два после смерти Рохлина я разговаривал с офицерами этого волгоградского корпуса, они мне кое-что рассказывали, и, исходя из этих рассказов, там действительно могло что-то получиться, — уверяет нас и глава «Союза офицеров» Станислав Терехов, тоже одно время входивший в окружение Рохлина.

План переворота: армия

— Деталей, значит, хочешь, — задумчиво глядит на меня полковник Баталов.

Раннее утро, мы сидим в баре волгоградской гостиницы. Я назираю на то, что прошло почти полтора десятка лет, все

сроки давности вышли, и о многом можно рассказывать открыто. Наконец полковник соглашается:

— Хорошо. Как вообще это мероприятие планировалось? Хотели силовой захват власти. Силовой! Вот даже разговора не было о каких-то там «протестных мероприятиях». Это так, несерьезно. Вот сюда, в центр Волгограда, на площадь Павших Борцов и площадь Возрождения, планировалось вывести силы корпуса.

— Буквально как декабристы на Сенатскую? — уточняю я.

— Верно. Но Ельцин здесь не имел тех сил, которые были в Санкт-Петербурге у Николая I, расстрелявшего восставших картечью. Кроме корпуса здесь вообще никаких сил не было. Ну, бригада внутренних войск в Калаче. Еще конвойный батальон. И остановить нас, если бы мы действительно вышли, было бы некому.

— А что дальше?

— После выступления корпуса происходит оповещение по другим армейским частям. Нас поддержали бы в самых разных местах. Всю схему я не знаю. Говорю за то, что знаю. Вот Кремлевский полк, полк охраны, он был пополам: часть командования за Рохлина, часть — за президента. Этот полк не смог бы нам помешать, хотя бы мы прямо в Кремль пришли. Главный запасной командный пункт вооруженных сил был просто куплен — дали деньги кому надо, хорошие бабки, и он говорит: «Все, в это время будет снята охрана. Я уйду, и вот вам связь со всем миром». А уж со страной — там и говорить нечего, со всеми армейскими структурами. У нас два самолета транспортных, допустим, на Тихоокеанском флоте стояли, морпехи, два батальона, двое или трое суток на аэродроме прожили.

— Зачем? Чтобы лететь в Москву?

— Да! И то же самое на Черноморском флоте. В Севастополе стояла в готовности бригада морских пехотинцев. Естественно, Рязанское высшее училище ВДВ. Курсантам стажировку отменили. Они где-то на полигонах были, но к определенному моменту их вернули в Рязань. Потому что Рязань — это двести километров от Москвы. Училище было на сто процентов за нас. И договоренность была с руководством Таманской и Кантемировской дивизий, что они, как минимум, не выступают против нас.

План переворота: гражданка

— Это был добротный системный проект, отвечающий всем требованиям того, что в науке называется «системная инженерия проектов», — подводит научный базис под несостоявшийся-

ся переворот бывший советник Рохлина Петр Хомяков. — Есть классические работы на этот счет. Того же Дженкинса. Ядро проекта в данном случае — это силовые акции армии. А среда осуществления — массовые протестные акции, информационные акции, политическая поддержка на местах, экономическая поддержка. И даже внешняя поддержка. Исходя из этого, мы проанализировали товарные потоки в столице. И наличие мощных, активных стачкомов в населенных пунктах вдоль этих маршрутов. Планировалось, что накануне выступления армии стачечники якобы стихийно перекрывают трассы, по которым в Москву доставлялись некоторые товары, отсутствие которых вызвало бы социальную напряженность. Например, сигареты. Отсутствие курева накалило бы обстановку в Москве, шел бы рост негативных настроений.

— А откуда вам были известны все эти маршруты?

— Да из московской мэрии! Лужков был непосредственным участником проекта Рохлина. Кстати, в день убийства генерала на 11 часов утра была запланирована встреча Рохлина и Лужкова для уточнения некоторых деталей. Московские СМИ по команде Лужкова обвинили бы в табачном кризисе Кремль.

В команде Рохлина Хомяков отвечал за разработку механизмов социально-экономической поддержки армейских выступлений. Одновременно был политическим обозревателем РИА «Новости», а еще доктором технических наук, профессором Института системного анализа РАН. В 2006 году он присоединился к российской карликовой ультранационалистической организации «Северное братство», а после того как руководителя «Братства» Антона Мухачева арестовали, бежал на Украину, где просил политического убежища, а оттуда — в Грузию.

Параллельно с созданием товарного дефицита планировались массовые выступления. Все было расписано. Кто из какого региона за что отвечает после прибытия в Москву. Мосты, вокзалы, телеграфы. Парализовать работу аппарата несложно, — рассуждает Николай Баталов. — Пришли десять человек и выключили подстанцию — вот и все, нет связи. И остальное так же. Пришли, по телевизору объявили: «Ельцин низвергнут, отправлен на пенсию — вот его отречение». А чего? Ему паяльник в ж... — он бы точно подписал отречение. А ГКЧП — придурки, прости за выражение, которые тряслись и не знали, чего хотят. Мы-то четко знали, чего мы хотим и что надо делать. Тысяч пятнадцать-двадцать человек в один день в Москву бы приехали только из Волго-

рада. Этого было бы достаточно, чтобы парализовать деятельность всех властных институтов. Лично я должен был привезти полторы тысячи. У меня уже было расписано: кто поездами, кто автобусами.

— А откуда на это были деньги?

— Рохлин давал. Вот однажды говорит: «Держи 24 тысячи долларов — это на расходы, связанные с выдвижением народа». Хотя многие помогали от чистого сердца. Например, начальник железнодорожного депо, когда я к нему пришел просить помощи — переправить людей в Москву, — говорит: «Пару вагонов подцепим к пассажирскому поезду, набьешь туда народу». Автобусы стояли, рефрижераторы с продуктами. Директор одного из заводов мне говорил: «Вот стоит подключенный рефрижератор, забит полностью тушенкой. Это все от моего завода, все куплено. Второй рефрижератор — еда разная вам». А, допустим, мэр Волжского говорил: «Дам сорок автобусов». Ну, сорок не получилось бы — где-то штук пятнадцать автобусов он должен был дать. Евгений Ищенко у нас одно время мэром был, потом его посадили под надуманным предлогом. Я в 1998 году с ним встретился, говорю: «Надо немножко помочь — людей переодеть одинаково». Он на свои деньги купил тысяч пять комплектов обмундирования. Я ездил на машине — у меня «восьмерка», «жигуль» — рекогносцировку маршрута проводил: где стоять, где заправляться. По дороге смотрел, где заправки, нефтебазы. Даже заготовил специальные расписки — что, когда власть возьмем, деньги вернем — столько, на сколько солярки налили...

Откуда была финансовая поддержка у Льва Рохлина? Судя по всему, действительно от близких ему предприятий военно-промышленного комплекса, которые страдали тогда от сворачивания гособоронзаказа.

— Рохлин имел очень четкую программу поддержки производственного бизнеса, в разработке которой принимали участие я и мои коллеги из Института системного анализа РАН — я с ними активно консультировался, — рассказывает Петр Хомяков. — Так что бизнесмены-производственники поддерживали генерала и всячески тайно ему содействовали. Так, большинство забастовок того периода организовывали они сами, разумеется, не афишируя это, и согласовывали с генералом время и место этих забастовок. На майские праздники 1998 года прошла серия выступлений под флагами Движения в поддержку армии. Это был еще и зондаж армейской среды — как поддерживают мероприятия действующие офицеры разных частей, как относится к этому командование этих частей. Все было проверено. В итоге марш

армейских частей на Москву был бы политически триумфальным. И каждый выдвинувшийся полк у Москвы вернулся бы в дивизию при поддержке колонн буквально сотен тысяч стачечников.

Внешняя поддержка должна была прийти с Запада. Конечно, не от НАТО, а от Александра Лукашенко.

— Я сам не участвовал в организации этого мероприятия, но от других членов команды знаю, что была тайная встреча генерала Рохлина и Лукашенко в лесу на границе с Белоруссией, — говорит Хомяков. — Знаете, интересно: когда Лукашенко давал пресс-конференцию в РИА «Новости» и шел в зал, Рохлин стоял в проходе, пропуская Александра Григорьевича. Они не поздоровались. Но обменялись такими многозначительными взглядами! Это было понятно только для них самих и для тех, кто был в теме и стоял рядом. Потом, когда некоторые настырные журналисты говорили, что они поздоровались, генерал улыбался и отвечал: «Что вы?! Мы же не знакомы. Мы в двух метрах стояли друг от друга и ни слова друг другу не сказали».

Неудачная репетиция

Первая попытка выступления была назначена на двадцатые числа июня. Лев Рохлин тогда в очередной раз приехал в Волгоград.

— После баньки мы это все дело обсудили, утром командиры разъехались, а в четыре утра все здесь загудело: нас заблокировала бригада внутренних войск. Та самая, из Калача, — вспоминает Николай Баталов. — Я ко Льву Яковлевичу мчусь, говорю: «Так и так, что делать? Нас накрыли». Но они не знали, где командный пункт. КП уже вышел в поле, машин двадцать, связь и все остальное. Рохлин говорит: «Давай все в исходное возвращать. А я еду в Москву. Ничего не получится — повяжут всех». Мероприятие пришлось отложить. Две недели он не прожил... Я на «восьмерке» — посадил Льва Яковлевича и погнал в Москву, прямо до Госдумы. Он успел на заседание и там говорит: «Ничего, мол, не знаю». Пока был жив, нас прикрывал. А потом меня в ФСБ вызывали. Но я с должности замкомандира корпуса к тому времени ушел и только отделение ДПА возглавлял. А офицеров пошугали. Кого-то сразу уволили, кого-то перевели. Мне давали слушать весь наш разговор в этой бане.

— Вас писали?

— Да. Всё они, в общем, знали. Вот когда Рохлин в парилке непосредственно с кем-то разговаривал — этих записей у

них не было. Мы по одному туда ходили. Жарко — аппаратура, видимо, не сработала. А в зале они всё слышали...

После случившегося прославленный корпус расформировали. Так же демонстративно, как его офицеры собирались угрожать столице. В музее Сталинградской битвы мы не смогли найти знамя корпуса, первоначально там выставленное. Оказалось, что его запросили в Москву, в Центральный музей Вооруженных сил, и сдали в знаменный архив. Чтобы уже ничего в Волгограде о корпусе не напоминало.

— Мне Казанцев (Виктор Казанцев, в то время командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. — «МГ») тогда лично сказал: «Путчист, ты у меня служить не будешь, езжай в Забайкалье», — вспоминает бывший начальник связи 8-го корпуса Виктор Никифоров.

Он один из тех, кого подозревали в причастности к подготовке мятежа. Хотя сам Никифоров это и сейчас отрицает.

— Прилетал как-то Лев Яковлевич сюда, устроили они, как обычно, офицерские посиделки, — рассказывает он. — Выпили. Я там не был, к сожалению. А потом горячие головы начали: «Да что там Москва, мы ее раздавим, народ поднимется!» Настроение боевое после Чечни. И было там неосторожное заявление Рохлина, что «дивизии все с нами, и авиация поддержит». Люди просто за столом сидели на кухне, выпивали. А ребята из КГБ-ФСБ их слушали. И Рохлин тогда обронил: «У Никифорова все есть, у него склады, оборудование». А у меня действительно хорошее зональное оборудование, мастерская, склад. Не для того, чтобы Москву брать, а чтобы Родину защищать. Меня на той встрече не было! И все равно в ФСБ таскали, а через год из армии вытурили. Только потому, что мою фамилию один раз Рохлин произнес.

Слова Виктора Никифорова можно интерпретировать по-разному. Можно посчитать, что он все-таки участвовал в заговоре, но даже сейчас, по прошествии 13 лет, боится в этом признаться. А можно верить ему, и тогда окажется, что генерал Рохлин не до конца понимал, чьей поддержкой он располагает, а чьей — нет, и стал заложником собственного ближайшего окружения, которое уверяло его в том, что армия его действия поддерживает безоговорочно. В любом случае шансы заговорщиков уже не представляются такими очевидными.

— К сожалению, Рохлин подставился сам — как неопытный политик. Будем прямо говорить, несколько прямолинейный, — вспоминает лидер «Союза офицеров» Станислав Терехов. — Я тоже прямолинейный, но я чувствую, где есть предатель, вот нутром чувствую. Рохлин то ли чувствовал, то ли нет, но вокруг него было слишком много чужих людей.

После провала первой попытки переворота второе, решающее выступление наметили на 20 июля. А 3 июля Льва Рохлина застрелили.

Комитет спасения России

Был ли у заговорщиков реальный план действий в случае победы? И да и нет. Но первые организационные шаги они себе представляли.

— С точки зрения политических реалий предполагался некий переходный период. Военно-революционная диктатура! — предельно откровенен Петр Хомяков. — Но Лев Яковлевич совершенно не хотел этот период затягивать. Планировался немедленный созыв Учредительного собрания. И потом полноценные конкурентные выборы. В том, что он и его команда совершенно честно эти выборы выиграли бы, сомнений не было и нет.

— В переходном правительстве должно было быть пять человек, — утверждает Николай Баталов. — Я военный, и для меня это сверхдемократично. Но кто эти пятеро — не знаю.

— Ну, Рохлин-то среди них должен был быть?

— Нет, нет, сто процентов! Он не хотел быть в верховной власти. Ни диктатором, ни правителем. Никем. Он инструмент, выполняет задачу — низвергает Ельцина и его клику. А у власти становятся пять человек — Комитет спасения России. Все равны. Председателя нет. В регионах же через структуры ДПА создаются институты «смотрящих за властью». На них замыкаются и исполнительная власть, и законодательная, и армия, и милиция, и все остальное. Вот, допустим, я должен был быть таким «смотрящим» в Волгоградской области. Сразу же генерал-лейтенанта получил бы: своя власть! Захотел бы — генерал-полковника себе повесил. Так что было за что биться. Но это я так, образно.

Если верить Баталову, заговорщики были обеспокоены даже таким, казалось бы, второстепенным вопросом, как воспрепятствование анархии и хаосу уже после переворота:

— Мы думали даже, как бы беспорядков не было — как нам этого не допустить. Мало ли что? Ты где-то чего-то разгромил, а толпа пойдет громить дальше. Кому это надо? Мы этого ничего не хотели.

Выстрел в заговор

3 июля 1998 года Рохлин был убит на собственной даче в деревне Клоково Московской области. Прокуратура утвер-

ждала, что в спящего генерала из наградного пистолета стреляла его супруга Тамара. Причина — семейная ссора.

Сторонники генерала уверены: это мечь Кремля и попытка предотвратить армейские выступления. Владислав Ачалов прямо называет убийство «политическим», рассказывает, что после смерти Рохлина в лесу нашли «обгоревшие трупы» — так были «ликвидированы ликвидаторы или те люди, которые участвовали в этой операции». О том же самом свидетельствует и Петр Хомяков:

— Охрана была подкуплена. На чердаке спрятались трое убийц. Они убили генерала и покинули дачу. Потом их самих ликвидировали тут же в находящейся в 800 метрах лесопосадке. Трупы облили бензином и подожгли. На улице стояла 29-градусная жара. Потом на полном серьезе говорили, что трупы лежали там две недели. Версия для идиотов!

В конце концов дело Рохлиной спустили на тормозах. В 2005 году Европейский суд по правам человека удовлетворил жалобу вдовы генерала на долгое рассмотрение дела в суде, отметив, что протяженность судебного процесса, составляющая более шести лет, представляет собой нарушение Европейской конвенции по правам человека в части «права на справедливый процесс в разумные сроки». После этого Наро-Фоминский суд приговорил Рохлину к четырем годам заключения, но зачел в этот срок содержание в следственном изоляторе. Рохлина оказалась на свободе и приговор не оспаривала. Таким образом, был зафиксирован удобный для всех и сохраняющийся поныне статус-кво. Вдову генерала правоохранители больше не преследуют, но и других убийц не ищут.

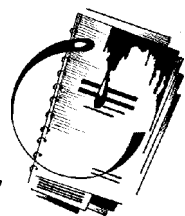
Следствие по делу о несостоявшемся перевороте тоже ничем не закончилось. Обвинения никому предъявлены не были. Все ограничилось чисткой в офицерских рядах и расформированием 8-го армейского корпуса.

УБИЙСТВО ПОЛКОВНИКА БУДАНОВА

10 июня 2011 года в Москве был застрелен полковник Юрий Буданов. Напомним: ветерана двух чеченских войн Юрия Дмитриевича Буданова арестовали по обвинению в убийстве Эльзы Кунгаевой на следующий день после того, как президентом РФ был избран Владимир Путин — 27 марта 2000 года

Сразу после расправы над русским офицером Интернет обошли подробности его военной биографии, изложенные в период, когда он еще находился под следствием:

«Служил танкист Буданов на дальних рубежах нашей Родины, командиром 160-го полка стал в Забайкалье. Полк его никогда не считался каким-то стратегическим резервом вооруженных сил, сохранился в полном своем составе скорее по инерции, чем в ходе военных реформ. Имели танкисты-забайкальцы на своем вооружении довольно старые танки Т-62, лет тридцать назад снятые с производства. Однако, когда получили приказ отправиться на Северный Кавказ для участия в контртеррористической операции, обсуждать и осуждать его не стали, загрузились в эшелоны и поехали. С первых же боев в Чечне полковник Буданов показал себя настоящим офицером и прекрасным командиром.

ДОСЬЕ "МГ"

Его полк находился на острие атаки, но потерь не нес, хотя почти все старенькие Т-62 имели пробоины от вражеских противотанковых ракет. Юрий Буданов старался беречь не только своих подчиненных, к которым относился буквально как к родным сыновьям, но и жизни мирных чеченцев. Перед началом любой операции он первым делом (и подчас лично!) шел на переговоры со старейшинами близлежащих сел. Если удавалось достичь компромисса, то его танки не делали ни одного выстрела. Даже если мирное соглашение нарушалось и боевики открывали огонь первыми, то никакой тактики выжженной земли полк Буданова не применял. Танкисты быстро определяли, откуда идет стрельба, и снайперским огнем своих пушек подавляли только огневые точки. Именно за воинское мастерство и редкую для чеченской войны выдержку боевики больше всего ненавидели полковника Буданова. Они искали любой повод свести с ним кровавый счет.

Казалось, что основная часть крупномасштабной антитеррористической операции выполнена. За несколько месяцев кровопролитных боев часть Буданова потеряла только одного (!) человека. Командир сберег практически всех. Полк стал лагерем недалеко от Старого Ачхоя. И был совершенно неожиданно атакован. По танкам велся очень прицельный огонь противотанковыми управляемыми ракетами — ПТУРами. Почти каждая ракета попадала в башню, и счастье танкистов было в том, что в этих башнях никто не сидел. Буданов не бросился вызывать на помощь авиацию или артиллерию, которые смели бы все вокруг его лагеря на десятки квадратных километров. Он приказал своим танкистам броситься к машинам и вычислить, откуда идет огонь. Настоящие мастера сделали это в одну минуту. Определили, что на возвышенности, отстоящей от лагеря на четыре километра, стоит автомобиль «Нива», рядом с которым находится огневая позиция боевиков. Вторым неуправляемым (!) снарядом забайкальцы попали точно в позицию бандитских стрелков. Отнюдь неравноправная снайперская дуэль на дистанции в четыре километра закончилась победой человека над управляемой машиной. И этот эпизод должен войти в курсы всех военных академий мира. Только за тот бой полковник Юрий Буданов был бы достоин звания Героя России. Его танкисты уничтожили лучшего снайпера-противотанкиста, имя которого так и осталось тайной бандитских формирований. Именно этот мастер прицельного огня в августе 1999 года взорвал с предельно допустимой дальности стрельбы вертолет Анатолия Квашнина. Лишь чудом начальник Генерального штаба остался жив. Словом, гибель такого мастера чеченские боевики простить 160-му полку и его командиру не могли. Когда танкисты прекратили свое участие в боевых операциях и начали готовиться к отправке домой, на них

началась снайперская охота. За пять дней были убиты двенадцать солдат и офицеров. Сравните: один воин за несколько месяцев боев и двенадцать за пять дней «мира». А дальше все как бы известно. Сами чеченцы «стукнули» Буданову, кто именно убивал его подчиненных. В первый и последний раз танкисты стреляли по мятежному селу, разрушив один дом, а полковник примчался в Танги-Чу, схватил подозреваемую и... убил ее, в чем сразу и сознался. А между тем никто из компетентных правоохранительных органов не задался вопросом: а что же сама Эльза Кунгаева?.. Почему обвинения против нее не выделены в отдельное судопроизводство? Кого убил полковник Буданов — невинную девушку или хладнокровного молодого снайпера, лишившего жизни дюжину молодых парней? Станным образом после трагической кончины Эльзы Кунгаевой снайперские обстрелы позиций 160-го полка прекратились».

Тело полковника Юрия Буданова лежало на земле, его еще не осматривали криминалисты, ожидая, пока территорию у дома 38/16 по Комсомольскому проспекту проверят саперы, а официальный представитель Следственного комитета России Владимир Маркин успел заявить: «Данных о причастности к убийству этнических группировок нет». Таким образом сразу следователям была дана устная инструкция: в убийстве русского офицера не искать чеченский след. А какой след искать? И здесь Владимир Маркин дал прозрачный намек: водитель машины с преступниками — «лицо славянской внешности».

Понимают ли это наши государственные мужи или нет, но скоропалительные заявления такого рода безответственны, аморальны и представляют угрозу для безопасности страны.

Мы это уже проходили, причем несколько раз. Подрывы «Невского экспресса» — и одного и другого — организовали якобы террористы славянской внешности; к терактам в Московском метро причастны якобы русские женщины; смертник в Домодедовском аэропорту был русским... Потом все эти версии рассеивались, как дым, но запущенная по горячим следам «деза» работает всегда эффективнее, чем правда, которая узнается потом (если узнается), когда страсти остынут.

Рассеялась, разумеется, и эта версия. 26 августа был арестован уроженец Чечни некто Магомед Сулейманов. Ему было предъявлено обвинение в убийстве полковника Буданова. Сведения о Сулейманове крайне скупы и достаточно противоречивы. Родился он в городе Аргуне Чеченской Республики. Но, как сообщали СМИ, в родном городе такого человека не помнят. С другой стороны, о нем говорят, как об уважаемом на родине авторитете в области мусульманского права и национальных традиций, часто приглашавшегося на различного рода церемонии и праздники. А в Москве он якобы высту-

пал в роли посредника и переговорщика между различными влиятельными людьми и группировками, причем не только из чеченской диаспоры. Но как заметил адвокат Сулейманов Александр Грачев, в роли «авторитетов» выступают люди, уже побывавшие в заключении, а Магомед Сулейманов никогда не был судим. Такое впечатление, что о Сулейманове боятся говорить всю правду. Неизвестно, где он учился, где работал (вскользь было сказано, что Сулейманов занимался строительным бизнесом), а главное, где и когда этот человек научился убивать так, как сумеет не всякий даже опытный киллер. В Буданова было послано шесть пуль: четыре в голову и две в грудь. Сулейманов (если, конечно, был он) использовал крайне редкий способ стрельбы спаренными выстрелами — «двойками»: он быстро нажимал на курок по два раза за короткий промежуток времени, так, что все пули легли почти одна в одну, пока жертва еще была жива. «Так в СССР и в России учили стрелять только в двух структурах — военной контрразведке и ГРУ», — писала газета «Московский комсомолец», ссылаясь на свой источник в спецслужбах.

Все было сделано слишком профессионально: убийца знал, где находятся видеокamеры, не попадал в их поле зрения, знал, под каким углом ему можно поворачиваться к камере и ни разу не «засветил» своего лица. Видеонаблюдение могло зафиксировать только силуэт преступника (в этой связи не совсем понятно, о каком фотороботе убийцы мог говорить официальный представитель Следственного комитета России 10 июня). Киллер выбрал для расстрела самую «слепую точку» — она не просматривается ни с одной камеры и к тому же надежно прикрыта листвой деревьев, хладнокровно ждал, когда Буданов перешагнет черту, фиксируемую видеозаписью. Убийце было заранее известно место и время, куда придет его жертва. Очевидно, что мобильный телефон Юрия Буданова прослушивался. Киллер скрылся на автомобиле «Мицубиси Лансер», точно копирующем автомобиль той же марки, имеющем такой же номер, что и его двойник, по технологии изготовления ничем не отличающийся от номера оригинала. Убийство, следовательно, тщательно и не в одиночку готовилось. Добавим, что полковник Буданов был убит из газового пистолета с глушителем «Иж» (аналог пистолета Макарова), переделанного под стрельбу боевыми патронами. Таким образом речь должна идти о целой организации, готовившей преступление.

Власть, похоже, не заинтересована в его раскрытии. Об этом свидетельствует тот факт, что депутаты Госдумы на заседании 14 июня проголосовали против предложения вызвать в парламент директора ФСБ Александра Бортникова и главу МВД Рашида Нургалиева в связи с убийством Юрия Буданова. Предложение

заслушать руководство силовых структур было выдвинуто депутатом от КПРФ Владимиром Уласом. «Буданов заявлял в МВД о слежке за собой, но реакция была нулевая», — сказал депутат. То есть ведомство Нургалиева ничего не сделало, чтоб сберечь жизнь ветерана двух чеченских войн, которого Рамзан Кадыров назвал «признанным врагом чеченского народа». Оно, кстати, отрицает то, что полковник обращался в органы милиции с таким заявлением. Оставим это утверждение на совести МВД, а вот «Росбалт» сообщил такую подробность: «В апреле 2011 года в соответствующие службы Москвы поступил запрос о персональных данных полковника, которые позволяют установить его нынешнее место работы и жительства. Отследить Буданова попросили сотрудника правоохранительных органов, работающего в московском регионе (неофициальная стоимость такой услуги минимальна и составляет несколько тысяч рублей). Просьба, как выяснилось уже после убийства, поступила сотруднику от знакомых из Чечни». То есть полиция не только не защитила Буданова, она навела убийцу на след.

Создается впечатление, что самой главной задачей для власти было снять в связи с делом Юрия Буданова вопрос об этническом экстремизме, отвести все подозрения от действительных заказчиков преступления и перевести стрелки на русских националистов. «Учитывая личность Буданова, следствие не исключает, что убийство было совершено в провокационных целях», — заявил официальный представитель СК под одобрительные комментарии либеральных СМИ и аплодисменты правозащитников, называющих Буданова не иначе как «бывшим полковником, убившим Эльзу Кунгаеву». А если «данных о причастности этнических группировок» нет, ясно, кто навел пистолет в кавалера ордена Мужества, ветерана двух чеченских войн. В печати заговорили о погромах, готовящихся русскими националистами в связи со смертью полковника.

Арест Сулейманова, казалось бы, поставил жирную точку на всей этой провокационной возне. Но нет: у оперативников якобы появилась информация, что скинхеды обсуждали возможность нападения на Сулейманова, и ему поменяли СИЗО, перевели в Лефортово, которое подчиняется не МВД, а ФСБ и скинхедов не держит.

Учитывая близость думских выборов, на гибели Буданова ловкачи тут же попытались нажить себе политический капитал. Так, Владимир Жириновский ввел сына Юрия Буданова, Валерия, в список ЛДПР на выборах в Госдуму, спекулируя на народной любви к убиенному воину (выражая эту любовь, священник храма святых Космы и Дамиана в Химках отец Михаил, духовник русского героя, сказал: «Мы приобрели нового

святого. На небесах вместе с Александром Невским, Дмитрием Донским и Евгением Родионовым он будет молиться за нас»).

В комментариях к резонансному убийству нередко задавался вопрос: почему оно произошло именно в июне 2011 года, почему Буданову дали возможность побыть на воле в течение полтора лет? Посмотрим, не поможет ли ответить на этот вопрос сопоставление некоторых дат.

Юрий Дмитриевич Буданов вышел на свободу в январе 2009 года. 19 января был убит адвокат семьи Эльзы Кунгаевой Станислав Маркелов. В том же году по подозрению в его убийстве была арестована активистка правозащитной организации «Русский вердикт» Евгения Хасис и ее муж, один из основателей журнала «Русский образ» Никита Тихонов. Суд, который с большой натяжкой трудно назвать объективным, 6 мая этого года приговорил Тихонова к пожизненному заключению, а его жену к восемнадцати годам лишения свободы. Приговор Мосгорсуда позволил властям решить две задачи. Во-первых, нанести удар по патриотическому движению, по сути, ликвидировав двух его активных участников. Во-вторых, сыграть на этнических чувствах тех, для кого Станислав Маркелов являлся выразителем интересов пострадавшей чеченской семьи. Очевидно, что расправа над Будановым могла быть произведена только после того, как была решена участь Тихонова и Хасис. Приговор им был вынесен судом присяжных с перевесом всего в один голос. Будь Буданов убит до этого приговора, их вердикт был бы наверняка оправдательным: смерть Маркелова потеряла бы свою «резонансность» на фоне громкого убийства Буданова, да и симпатии общества к покойному юристу заметно поубавились.

В этом контексте очевидно, что подготовка операции по ликвидации Юрия Буданова могла начаться только после 6 мая. Она заняла месяц и четыре дня.

Время покажет, чем закончится следствие по делу об этом зловещем убийстве. Возможно, оно просто рассыплется, и Сулейманов будет оправдан за отсутствием улик. И совсем уж сомнительно, что будут названы не только исполнители, но и заказчики преступления. Ведь объяснить его кровной мстью нельзя: у Сулейманова не было никаких личных мотивов для совершения убийства — он не является даже дальним родственником семьи Кунгаевых. Можно ожидать, что суд попытается спустить дело на тормозах. Это ведь ему не скинхедов судить. Это тот узел, в котором, скорее всего, переплетены интересы весьма влиятельных структур как в Грозном, так и в Москве.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ (г. Москва)

ГРЯЗЬ К АЛМАЗАМ НЕ ПРИСТАЕТ

(Фрагмент романа «Обреченная на жизнь»)

День был солнечным и влажным. Природа за ночь поплакала и подсыхала, как слезы на ресницах притихшего ребенка. Ильин предложил поехать к штабс-капитану Тульневу. Дом инвалидов был рядом с Борованштрассе. Получалось удобно: повидать друга деда, а потом — к Маркову.

Вступив за ограду богоугодного заведения, Ильин заволновался: вспомнилась надпись на подаренной фотографии — «...завершить незавершенное».

— Что поделаешь, если мораль, как лавина, упала к подножию и назад на пьедестал ее не затащишь, — сказал он вслух Дорине.

— К чему это ты? — насторожилась она.

— Это не то, о чем ты подумала.

— Ты имеешь в виду, что я теперь у твоих ног?

— Не знаю, кто у чьих? И вообще с тобой вслух думать опасно: у тебя фантазия богаче.

У дежурной они узнали номер комнаты. На табличке под номером шесть стояло две фамилии. На стук никто не отве-

тил. Стучали громче — опять молчание. Ильин осторожно тронул дверь и в щель увидел одинокого старичка, сидящего на металлической койке и внимательно читающего газету «Труд». Увидев людей, тот весело, даже слегка придурковато улыбнулся и чуть не пропел:

— Пожалуйста! Вам кого?

— Штабс-капитана Тульнева, — в тон отозвался Ильин.

— Штабс-капитан перед вами. — С этими словами старичок попытался молодечески выправиться и встать, но это не в полной мере получилось.

Штабс-капитана, однако, это ничуть не смутило, он оперся на большую стопку книг, лежащих на шкафчике рядом с постелью, те рассыпались, но хозяин устоял. Старичок походил на веселого оловянного солдатика-отставника: с взбитым, взлетевшим высоко наверх клоком волос и изумленным лицом, на котором все черты приобрели удлиненное, вопросительное выражение.

— Лица незнакомые, но приятные, — пел его голос, в котором прорывалось удовлетворение человека, долго молчавшего. Речь его была скандирующая, он наседали на гласные, проплеывая через подсыхающий с боков рот. — Проходите, проходите, с кем имею честь? — протянул он легкую руку и еле слышно прикоснулся в руке Ильина.

— Внук полковника Шаргунова — Владимир Сергеевич Ильин, — с некоторым военным изыском доложил Ильин.

— Вольдемар, тебя ли я вижу, мой мальчик? Значит, вот ты какой?

Откинув корпус и подбоченясь, Тульнев описал полукруг, изучая Ильина, и твердо заявил Дорине:

— Не правда ли, красавец? И ростом выше меня.

— Но не умом, — весело подхватил тон хозяина Ильин, — Маркса не читаю.

С этими словами он поднял «Капитал» Маркса, оказавшийся среди упавших книг.

— О, это мое снотворное. Две страницы на ночь — и вот, сплю как новорожденный.

— А я решил, что это пособие для вдохновения или диссертации.

— Что вы, Вольдемар, разве этот субъект может научить чему-нибудь хорошему? Его мамаша все время ему повторяла: «Вместо того, чтобы писать «Капитал», Карл, нужно его накопить». А я бы добавил: человеку, который выдумал «Капитал», а жил на деньги приятеля и жены, следовало бы сменить название сочинения на «Карманную чахотку». Нет-нет, Вольдемар, успокойтесь, я не марксист. Опыт не оставляет

иллюзий. Многомятежное человеческое хотение привело к катастрофе. Теперь нам нужен здоровый консерватизм, а не сверхобщество. Россия все равно сошьет свою идеологию из «старого платья»: держава, православие и служение через жертву. Эта русская тройка — единственная сила, способная вывезти нашу страну. Другой просто нет! Другая «тройка» — это уже не Россия, а неведомое нам отечество.

— Это ваша мысль? — поинтересовался Ильин.

— Совершенно верно, мой дорогой. Моя! Записана в двадцатых годах в дневнике, когда я впервые использовал Маркса в качестве снотворного. Присаживайтесь. Представьте мне даму, Вольдемар!

Дорина протянула руку и назвалась.

— Вы не француженка?

— Нет, я болгарка, но французский знаю.

— А что, моя дорогая, это богатство. В моей научной работе мне всегда не хватало знания иностранных языков. Бог с ними, с французским и немецким, их я кое-как знаю, но латынь, греческий — они у меня вылетели постепенно, но окончательно. Вольдемар, тебя ждет подарок, — многозначительно уставился на Ильина штабс-капитан, — я систематизировал свой труд и решил, что, как ты появишься, подарю его тебе. С его дедушкой, Дорина, мы были самыми близкими друзьями, к тому же в 1920 году он спас мне жизнь. Но об этом после. Мой мальчик, — торжественно заговорил старик, — возможно, ты станешь богатым! В этом дрянном шкафу — мои сокровища, коллекция минералов, собранных в течение шестидесяти лет.

Он распахнул дверцы стоящего в глубине гардероба, и Ильин увидел, что тот забит снизу доверху коробками.

— Я собирался это отдать представителям одной фирмы, но сейчас у меня есть наследник, и я вручаю эту коллекцию тебе, мой мальчик. Ее надо вывезти быстро и в надежное место. Они меня уговаривали подписать предварительную бумагу, но твое появление меняет дело. Как только ты объявился, я сказал себе: «Вот кто продолжит вековой труд». Продолжит или отдаст его в надежные руки.

— Спасибо, — беспокойно ответил Ильин, — но что я с этим буду делать?

— С богатством делают одно — его приумножают.

Ильин осторожно притронулся к коробкам и с удивлением спросил:

— Откуда же у военного человека такая привязанность к камням?

— Мой дорогой, для того, чтобы все рассказать — не хватит жизни, но коротко отвечу: я из Екатеринбурга. Дед мой с

бабкой работали на знаменитом петровско-малаховском месторождении. Один уникат из этого месторождения я храню семьдесят лет. Это подарок моей бабушки Анны, царство ей небесное, потом я его обязательно покажу. Я военный по случайности, по стечению обстоятельств. По профессии я геолог, а точнее — шлифовальщик редких минералов. Здесь, в этом шкафу, — история болгарской земли, неповторимость ее природы, прослеженная мною за шестьдесят лет.

Ильин слушал Тульнева и не мог не удивляться. Откуда что бралось? Совсем не стариковское здравомыслие, неистовая увлеченность, лик профессора на кафедре и эта неожиданно вспыхнувшая привязанность к нему — все казалось неправдоподобным, но происходящим на глазах и трогательным до слез.

— Твоему дедушке, Вольдемар, было нелегко, он долго не мог определиться. Потом он стал электротехником, и все стало на место. Я же с первых дней эмиграции пристроился к геологической партии. Вначале — чернорабочим, потом — шлифовальщиком. И так до пенсии. Я счастливый человек, я занимался любимым делом всю жизнь. Пусть не на Родине, пусть вдалеке, но делал то, что мне поручил Бог. В этой коллекции зафиксированы все минералы, повторов которых уже в природе нет, ибо магнитное поле Земли не повторяется.

Он схватил Ильина за руку и ближе подвел к шкафу.

— Вот каталог. — Он раскрыл небольшую потертую тетрадку, в которой были записаны цифры и даты. — Коллектора у меня нет, но все подробности, номера, годы и описание месторождений и минералов записаны точно. Эта сторона представляет особую значимость. Это аметисты, вот тут друзья аметистов, из которых делают украшения для женщин: браслеты, серьги, ожерелья и многое другое. Вольдемар! — с удовольствием воскликнул старик. — Это капитал, который не теряет своей стоимости. Но это не главное и не самое дорогое. Есть то, что сделает тебя, мой мальчик, богатым.

— Спасибо, но почему все это мне? — удивился Ильин. — Неужели у вас нет родных, близких?

— Кроме тебя — никого! Все там, — он указал на пол, — я верил, что ты появишься. Я тебя выдумал и давно ждал. Поэтому прошу тебя — внимай мне, как Пимену, хотя это далеко не Чудов монастырь. — Шутка пришлась ему по вкусу, и он по-детски захихикал.

— Как дедушка вас спас?

— Под Новороссийском один мерзавец, по природе мародер, знавший о моих нескольких ящиках в рюкзаке, решил убраться во время боя. Когда он целился, твой дед сразил

его наповал. Я ему сообщил о возможности покушения и не ошибся в выборе. У тебя хорошие глаза, мой мальчик, а камни служат только избранным для добра. — Он обнял Ильина и обернулся к Дорине. — Не правда ли, он достоин?

Дорина кивнула и тоже заулыбалась.

— Теперь о главном. Дорина, оставь нас буквально на несколько минут. Есть вещи, которые должен знать только один Вольдемар.

Сказано это было так галантно, что Дорина тотчас же исполнила просьбу.

— Вольдемар, еще раз повторяю: уникальность коллекции сама по себе, особенно сейчас, после 10 ноября, когда ее можно предложить для реализации, — бесценна. Учти, что в Болгарии нет сильной школы минералогии, кое-чему они учились у немцев, которые, тати, помогли мне найти то, что должен знать только ты. В тридцатых годах в Пиринейские горы часто ездили немцы. Чаще всего это так называемые экскурсии. Одну такую экскурсию геологов я выследил. В брошенной ими небольшой шахте осталась жила, которую я продолжил. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он быстро передал Ильину несколько коробок и из глубины вытащил сверток, завернутый в вафельное полотенце. Это были коробки, аккуратно заполненные ватой. В них лежали камни, похожие на зеленый лед. Их было более двадцати, сантиметров по восемь длиною.

— Что это такое? — почему-то шепотом спросил Ильин.

— Это — изумруды. Каждый камень стоит огромных денег. Здесь их двадцать один. Мне заниматься этим поздно, тебе же, мой мальчик, и карты в руки. Вывези это, — старик округлым движением указал на шкаф, — в двадцать четыре часа — иначе будет поздно.

— Почему так срочно? Что-нибудь случилось?

— Ничего! Предчувствие, мой мальчик. А теперь, — он завернул изумруды и задвинул их на место, — зови твою возлюбленную.

— С чего вы решили?

— Не решил, а знаю. — Он вдруг медленно присел и тяжело закрыл глаза. — У стариков, Вольдемар, как у древних змей, чувство смерти и жизни в глазах.

Ильин позвал Дорину. На сей раз старик откуда-то сверху достал очень красивый шлифованный камень.

— Это — яшма, — заговорил он торжественным голосом. — Этот камень может околдовать, но и... принести счастье. Вглядитесь в шлифованную плоскость, здесь указан смысл бытия.

Ильин пригляделся и действительно увидел странный рисунок, светящийся изнутри. На фоне красно-коричневых облаков величественно подсыхало красивое дерево, а сверху была протянута чья-то рука: то ли спасающая, то ли указующая. Дорина и Ильин от изумления переглянулись и вопросительно уставились на штабс-капитана.

— Это работа древних мастеров, наших предков. У нее два названия: «Конец земли», второе — «Начало жизни» — одигитрия по-гречески.

— И все-таки, что же это? — спросил Ильин.

— В том-то и секрет, мой мальчик, что видит это каждый по-своему. Я одним глазом, а ты — другим.

Он вдруг присел и опять медленно закрыл глаза.

— Что случилось? — встревожился Ильин.

— Сердце, черт бы его побрал, галопом поскакало. Вот... эмоции, они хороши, но мстительны, мой мальчик. Но ничего... Там вон, в шкафчике, — валидол.

— У вас здесь какой-нибудь медицинский персонал есть?

— Еще бы: Амосов Чиркова подпирает.

Ильин нашел упаковку валидола и передал Тульневу. Старик вытянулся на кровати и закрыл ладонью слегка побелевшее лицо. На какое-то время он замер.

— Валидол-то возьмите, — нарушил тишину Ильин.

— Да-да, забыл.

Тульнев выдавил таблетку и положил ее под язык.

— Все это уже не помогает, так, для самообмана.

— Может быть, вызвать врача?

— Не надо, ни к чему. — Он нащупал руку Ильина и, прижав его к себе, сказал: — Сегодня же займись вывозом коллекции. В понедельник будет смена дежурных, и это сделать станет намного труднее.

— Почему?

— Санитар из той смены за мной следит, фирма, кажется, наняла соглядатая, поэтому надо торопиться.

— Господи, — воскликнул Ильин, — сколько неприятностей из-за моего появления.

— Не из-за тебя, мой мальчик, коллекция дорого стоит, они это знают.

— У вас с этой фирмой есть договор?

— В случае моей кончины и отсутствия наследника они могут воспользоваться моей коллекцией.

— Что мне делать?

— Нужна машина и место, куда коллекцию вывезти, — вмешалась Дорина.

— Правильно, — обрадовался старик, — помоги ему.

— Вот что, — по-деловому и решительно проговорила Дорина, — езда на Борованштрассе, там телефон, и сообрази, как все организовать. Я останусь здесь и буду ждать. Кстати, здесь есть телефон?

— В конце коридора, — отозвался Тульнев. — Я напишу дарственную, а вы... — он опять замер и на сей раз надолго замолчал.

— Ровно через час я тебе позвоню, — отчеканила Дорина.

— Может быть, все-таки вызвать врача? — неуверенно спросил Ильин.

— Не надо, пусть дежурная измерит давление и даст резерпин, — прошептал Тульнев.

— Я все сделаю, миленький, а ты немедленно езжай и будь на телефоне.

Ильин пожал старику руку и неожиданно поцеловал ее.

— Не беспокойся за меня, главное мы уже сделали. Иди, Вольдемар.

КОГО ОТМЕЧАЕТ БОГ

(Фрагмент романа «Обреченная на жизнь»)

В купе к Ильину подсела лишь супружеская пара, четвертое место оставалось свободным. Пожилой мужчина был высоким, худым, в роговых очках. Тонкое, нервное лицо обрамляла чуть намечавшаяся бородка. Спутница его была, очевидно, больна, опиралась на костыль. Ильин ответил на короткое приветствие и продолжал читать газету, изредка досадуя на неожиданных попутчиков. Мужчина изысканно устраивал дорожный быт: на столике появилась минеральная вода, фрукты, красивые чашки. Женщина с увядшим, когда-то очень красивым лицом, на котором теперь застыла гримаса недуга, привычно руководила мужем, и он охотно исполнял любое ее желание. Вскоре они устроились и только тогда вежливо отреагировали на появившееся из-за газеты лицо Ильина. Поезд постукивал колесами, мелькали с черепичными крышами домики и похожие на дворцы виллы, сменявшиеся уступами гор, редкими стрелочниками с торжественными застывшими лицами и деревьями — чаще ивой, лиственницей, реже — сосной. Наконец соседи перекусили, помолвившись в начале и в конце своего короткого ужина. Ильин не любил дорожных разговоров, и установившаяся тишина его вполне устраивала. Вскоре женщина прилегла на нижнем месте и затихла. Сосед вышел покурить и, вернувшись, стал устраивать постель на верхней полке. Вот только тут Ильин вмешался:

— Я бы вам советовал расположиться внизу, на моем месте, — на ломаном болгарском сказал Ильин.

— Правда? — с каким-то детским удивлением спросил мужчина по-русски.

— А что вы так удивляетесь?

— Но ведь это ваше место. К тому же вы человек, который любит укромность и благоустроенность.

— Почему вы так решили?

— Смею надеяться — наблюдательность. Чаще всего люди по природе своей болтливы, особенно женщины. Разговориться — это значит разорвать путы, избавиться от одиночества, в котором мы от колыбели до последнего вздоха, не правда ли?

— А поделиться своей удивительностью, разве это не главная цель? — весомо перебил Ильин.

— Конечно, и это тоже. Всякий человек — это тысячецветная радуга, и каждый чувствует этот божий отсвет, но по природе человек — рабское создание. Однако есть редкий тип людей, с которых сорвать печать молчания — мука невообразимая. К этому типу, по-моему, принадлежите вы. Конечно, условно и недавно.

— Вы что, экстрасенс?

— Нет, я — священнослужитель.

— Как интересно, вы до Москвы?

— Да.

— А почему условно и недавно?

— Вы очень напряжены. У вас одна и та же поза. Редко человек троекратно одной ногой обвивает другую. Вы словно готовитесь к какому-то испытанию. Потребность в концентрации во время чтения настолько вам необходима, что даже лист газеты вы переворачиваете почти судорожно. Вы боитесь оторваться, потому что придут мысли, которые вас беспокоят.

— Да, отменная наблюдательность. Это плод знания или духовной проницательности?

— Конечно, и знаний. Но не главным образом знаний.

— И все это вы успели заметить за короткий промежуток времени?

— Ну, положим, не такой короткий.

— Да ведь вы даже моего лица не видели! — воскликнул Ильин.

— Нет, видел. Наш Спаситель — эзотеричен, он не человек, а божественное начало, которое есть у каждого человеческого существа. Когда оно не в гармонии, мы, священнослужители, обязаны видеть или убираться из храма вон, как гнали торговцев в Святом Писании.

— Значит, вы обнаружили отсутствие гармонии во мне? В чем же это выражается?

— В каждом человеке есть Божие святилище. Оно во всем: в лице, в походке, во взгляде, но больше всего — в выборе поступков. У Господа нету выбора, поэтому каждый ступивший мимо сразу может быть замечен.

Ильин только теперь, после всего услышанного, начал приглядываться заново к этому неожиданному попутчику. Все в нем было ровно: пластика, постав головы, чуть отброшенные назад плечи, а слово, оно было намагничено живой энергией вдохновения, уверенности, но не той шумной и показной, а ровной, животворной и лишенной всякой позы. Особенно хороши были его глаза: серые, глубоко упакованные в замшевую подкладку кожи, несущие черты нелегкой, шероховатой и глубоко выстраданной жизни. Самым удивительным в нем была манера общения: он не учил, не гарцевал, а выстраивал и высветлял, как в литургии, то, что, казалось, Ильин хорошо и давно знает.

— С вами легко говорить, такое впечатление, что вы подслушиваете мысли.

— Нет, в этом нет необходимости. Человеческое лицо — это такой экран, на котором при желании все можно прочесть.

— Видите ли, моя профессия — это как раз научить прятать лицо за спиной поступков. И жизнь так устроена, что одно мы думаем, другое говорим, а делаем нередко третье.

— Это явление временное. Только на период, когда человек болезненно контролирует себя. К тому же это противоестественное состояние. Рука невидимого садовника, формирующего генеалогическую крону человечества, подрезает и отсекает ветви, не соответствующие задуманному образу.

— Ну, это уже какая-то мистика.

— Правильно. Совершенно правильно, потому что человеческая жизнь, ее существо — экзистенция, кроется не во внешних обстоятельствах, а в мистических свойствах человеческих судеб.

Ильин на секунду задумался и еще раз внимательно посмотрел на собеседника. Нет, сосед не казался ему одержимым или фаталистом, но такая предначертанная и централизованная программа, проводимая кем-то, не соответствовала ни его способу жизни, ни житейскому опыту. Однако его тянуло к этому человеку, но вместе с тем хотелось возражать ему, найти в его логике дырку, через которую истечет весь этот гармонический розовый дух.

— Один из лучших писателей прошлого века воскликнул, что не нужен ему рай, если он построен на слезе одного ребен-

ка. С тех пор человечество дожило до атомной бомбы, звездных войн, нацеленных уже вовне; человечество думает о военной программе для защиты против инопланетян. Как все это «сшить» с некоей божественной режиссурой, которая голодных не кормит, больных не лечит, а кукловодов оберегает? Где же выход? И есть ли он вообще? — уставился Ильин на собеседника.

— Выход есть. И он совсем рядом, он в нас самих. Мы должны вернуться к образу оптимального человеческого поведения. В геронтологии человека заложены не только сроки жизни, но и выбор способа этой жизни. Не являются ли заповеди, данные Богом Моисею, кодексом поведения чадам своим? И только нарушение этих заповедей вело к неминуемой расплате. В истории, в летописях, в живой практике сегодняшнего дня за каждым дьявольским поступком идет наказание: «казни египетские», потопы, землетрясения, распри, голод, насилие, войны... В геноме человека есть «взрывной код». Каждый наш неверный шаг, преступление не остаются не отмеченными. Ты преступил, но не заметил, что началась психическая и физиологическая реакция, после чего изменяются процессы жизнедеятельности, наступает болезнь, гибель или безумие.

— Значит, этот снежный ком мы не можем остановить? Так, что ли?

— Совершенно правильно. Не можем, но должны.

— Дай бы Бог, побольше таких людей, как вы! — Ильин свернул газету и засунул ее за сетчатую полку. — Как вас, кстати, величают?

— Отец Грознов. В миру — Борислав, а по-русски Боря, вернее — Борис.

— А по батюшке как?

— Борис Аспарухович. Был у нас такой царь — отца называли его именем.

— Звучит внушительно: Грознов, почти Грозный...

— Вы не ошиблись, есть свидетельства, что ниточку боковой ветви Грозного мы унаследовали.

Ильин даже присвистнул от удивления и еще с большим вниманием уставился на собеседника.

— А где вы учились? У вас такие обширные знания.

Отец Грознов тихо рассмеялся и вдруг процитировал уже знакомое:

— «Мы все учились понемногу»... Учился в Греции, сразу после войны. Но главное, повезло с учителем. Моим духовным наставником был Партений, епископ Левкийский — одна из самых светлых личностей в нашей иерархии.

— Он жив?

— Нет, он умер. Но оставил много учеников, и хороших, и посредственных — всяких...

— И такое бывает у великих учителей?

— Конечно. Кстати, наш патриарх — тоже его ученик.

— Борис Аспарухович, — откровенно заговорил Ильин, — я с натяжкой религиозный человек. Верю я, скажем так, кустарно, от случая к случаю. И сучу ручонкой от лба к пупу тоже не всегда, чаще даже лукаво.

— Хорошо, что признаетесь. Значит, еще не все потеряно, — вновь весело засмеялся отец Грознов.

— Не знаю, но говорю честно, что чувствую. А вот что для вас религия?

— Религия — это высшая форма философии. Царство небесное — это не что иное, как будущее.

— Интересно, а кому оно принадлежит, это будущее? Посмотрите, как стягивается капитал мира в ограниченный и непреступный круг особых людей, как по мановению дирижерской палочки сменяются правительства, сметаются премьеры, президенты и государства. Вы говорите, сопротивление велико, а мне кажется, что оно бессмысленно.

— И, тем не менее, будущее принадлежит «нищим духом» и «изгнанным за правду». Князьям мира путь в царство небесное заказан, — твердо возразил сосед, — те же, кто в поте лица добывают хлеб свой, вознаграждаются.

— Но как в это поверить после фашизма? После Хиросимы и Нагасаки? После серии «мутантов», которые управляли социализмом? Как поверить во все это спасение божье после «подкорковой операции», сделанной сотням миллионов людей, поверивших в «светлое будущее» и выброшенных сейчас за черту бедности, на грань вымирания?

— Первые же страницы Евангелия открывают главную тайну мира...

— Подождите вы с Евангелиями, мой дорогой отец. Как что, сразу — Евангелие, — горячо возразил Ильин. — Верю, что вы правильно понимаете эти «чудесные узоры» человеческой мудрости и найдете там верный ответ. В конечном итоге, допустим, так и будет, как там сказано. Но практика и мечта — на разных меридианах бытия. Гитлеры, Сталины, Трумэны, равно как Буши и Горбачевы — только фантомы. А есть другие исполнители главных ролей мирового концерта, которые из ложи поощряют или низводят своих подопечных — «белых мышек». И пока во всем этом человеческом эксперименте все удается только тем, кто сидит в ложе и меняет по мере надобности световой спектр и партитуру этого «миро-

вого концерта». И вся эта Вселенная у них не разбегается, вопреки утверждениям астрономов, она без Нострадамуса предсказана и связана мостами и туннелями. Завтра эти конкистадоры прорвутся за триллионы до Урала, перебросят дорогу через Берингов пролив, откроют новые рабочие места в Антарктиде, поближе к озоновой дыре, куда «пригласят» миллионы неимущих дураков. Крестоносцы Мамоны, внедрившись незваными в очередную страну-жертву, агрессивно впиваются в ее тело и, разрушив изнутри займами и ультиматумами, перекупают все лучшее по дешевке, цинично называя колонизацию «задушевной демократией». Но вот посмей противостоять, распорядиться самому в своей стране, то тут все рушится: летят головы, звереет охранительная пресса — трубят «SOS» и все «дружно» загоняют «белых мышек» в те клетки, которые привычны пейзажу и вашей Болгарии, и нашей России, да что там — всему миру. Вот с этим как быть, святой отец? Как это соотносить с той «загадочной пустотой», когда прикасаешься к анализу бытия «главных экспериментаторов»? Вот тут-то как раз и возникает вопрос о предназначении человека! Что же, в конце концов, необходимо делать во спасение подопытной «белой мышки», чтобы устроить сносную жизнь? И, наконец, являются ли такими путеводителями божественные заповеди, данные Моисеем? Ведь это уже было, когда Библию назвали Забавной, так почему же следующим шагом не станет — изменение ее содержания не в слове, а на практике?!

— Я вас очень понимаю. Не исключено, что такой конспиративный сговор и существует, потому что дискредитация Духа Божьего идет постоянно. Порнография, извращения, проповедь сатанизма — все это подогревается и кем-то, безусловно, внедряется. Но апологеты этого — не черти из табакерок, они — люди. Они платят за это достаточно дорогой ценой: за кнут, награбленное богатство платят потомки — своим бесплодием и вырождением. Но не думайте никогда, что Бог отвернулся от нас. Он отпустил узды, а мы устремились по ложной дороге. Его право наказывать нас за неправильно использованную свободу.

ПОЧТИ ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

ПОКАЯНИЕ

Господи, и почему нас пытаются убедить, что на свете нет чудес?! Чудеса случаются, да еще какие! Вот послушайте-ка, что произошло однажды в тридесятom государстве, как раз на заговение, в пост.

Собрались как-то вечером у бывшего первого министра государства бывшие уже «величины»: первый и второй экс-президенты, экс-председатель парламента, несколько бывших парламентариев. Затем появился ряд высокопоставленных сановников, которые немедленно устремились за стол...

Именно в тот момент, когда дамы уже накрыли скатерти всевозможными яствами, как то: голубчиками, тонущими в сметане, шашлыками и индейкой, запеченными в тесте, ягнятами с зеленью во рту и множеством других господских блюд, хозяин дома торжественно поднял бокал с шампанским, брызги которого поднялись до потолка, и вдруг неожиданно разрыдался.

Не понимая, в чем дело, высокопоставленные лица встретились, вскочили и окружили бывшего первого министра, который никак не мог успокоиться. Наконец от него можно было услышать следующее:

— Дорогие мои гости! Как видите, стол у нас ломится от вкусной пищи и марочных вин, но... народ... наш бедный народ, который в свое время избрал нас на руководящие посты, томится в нищете, голодает, а ведь кто... кто, как не мы, сделали его несчастным?! Вот мы возвели себе дворцы и дачи, загнали в свои гаражи элитные машины да минимум по миллиончику отхватили... Да гори синим пламенем эти доллары, ведь, что ни говорите, а приносят они одну лишь головную боль! А народ, несчастный, бросил на произвол судьбы своих детей, жен отправил в далекие страны на заработки... Дочери за ломоть хлеба стали продавать себя... Господи, какая нечистая сила надумила нас залезть в народный карман?! Правильно ведь сказано в Библии, что настанет время, когда рогаые наводнят землю... Горе нам! Надо покаяться! Пригласите священника, ибо Господь добр и всепрощающ... Он обязательно нас услышит...

Опухший от слез, поднялся первый экс-президент:

— Господа! Мы наполняем свои желудки дорогими коньяками и винами, а народ действительно пребывает в страш-

ной нужде. Надо покаяться, и да услышит Господь наши стечения и оценит угрызения совести, которые мучают нас. Многие годы мы выжимали соки из своих ближних, столкнули их в яму беспроектности. Со слезами на глазах попросим Господа вытащить наш многострадальный народ из этой пропасти... пусть знает, что мы не забыли о судьбе бедняков...

— Да увидит Господь, да услышит! — закричали присутствующие, откладывая на время свои фужеры.

— А я вот что предлагаю, — смахивая слезу, прошептал дородный экс-парламентарий, — давайте-ка, не откладывая в долгий ящик, отвалим от наших миллионов некоторую толику этим несчастным?

— Заткнись, дурень! — послышалось со всех сторон. — Может, Господь и не подозревает о том, каким путем они нам достались... Конечно же, в нашем мире существует немало бедняков, но разве когда-нибудь кто-то слышал о странах без бедных? Даже во времена святых отцов имелись богатые и бедные. И, в конце концов, если бы не существовало бедных, некому было бы подать копейку или бублик! А без милости ни и покаяния разве попадешь в рай?

— А если богатые от этого самого... от Дьявола? — задал несмелый вопрос какой-то министр.

— Ты, кажется, слишком далеко зашел! — оборвал его второй бывший экс-президент. — Что касается меня, я лично ничего абсолютно не крал: мне добровольно приносили зелененькие и клали на стол, я же лишь закрывал на это глаза, как на моем месте поступил бы любой порядочный человек. Понятно?

— Но, господа, господа... — поднялся из-за стола один из вспотевших сановников, — я не могу отделить от своих миллионов даже маленькую часть. Как-то так получается, что не отделяется эта часть! Вот вы предлагаете дать деньги народу... А разве народ умеет считать миллионы? Не дай Боже, сойдут бедные люди с ума от многочасовых подсчетов, да и где им хранить такие деньги?

— Верно, верно, братцы! — поддержал коллегу другой сановник, уже несколько пришедший в себя. — Мы не имеем права разбазаривать имущество наших маленьких деток. Если хотите покаяться, давайте-ка, покаемся, но устраивать благотворительность... Господь, как известно, богаче, пусть у него и просят!

— Вот и мы согласны покаяться! — донеслось из угла, где собрались жены сановников. — Но раздавать направо и налево свои деньги...

— Покаемся, покаемся! — закричали со всех концов стола, звякая вилками, ложками и бокалами.

— Я бы выделил народу одну из своих машин, — задумчиво молвил экс-премьер, перекладывая в другую руку бокал с шампанским, — но опасаясь, чтобы кто-нибудь не врезался в какой-нибудь столб и не закончил свои дни по моей вине... Не хочу отвечать на том свете!

— И я такого же мнения, — добавил один из министров. — Мелькнула было у меня в голове мысль: отдать какому-нибудь нищему одну свою дачу, да боюсь, что он, бедный, заблудится в огромном количестве комнат, света божьего не взвидит... «Марш в ад, грешник! — скажет мне после этого Господь. — Зачем сделал человека несчастным?!» А Дьявол от удовольствия только хвостиком вильнет... Значит, как ни крути, ничего не получится...

Тут бывший премьер-министр утер слезы чистым полотенцем, заботливо поднесенным супругой, и подвел итоги:

— Итак, дорогие гости, мы не вправе раздавать свое имущество, грешно это, как вы сами понимаете! Но покаяться, как видите, надо! Зовите священника, поднимайте бокалы, и да здравствует наш бедный народ!

Все собравшиеся, кажется, чрезвычайно обрадовались такому благополучному исходу дела, потому что единодушно закричали:

— Слава, слава нашему любимому народу!

НЕУДАЧНИК

— До чего беспросветная жизнь пошла, — жаловался бывшему собутыльнику Василий Чунту, — пятидесяти граммов на целый день человеку глотнуть не дают. Кругом — стража: на работе — коллектив, борьба за трезвость, значит; дома — жена. На фабрику к концу смены за мной каждый раз заходят дети — то дочка, то сынок, шагнуть в сторону не позволят. К забегаловке — не пробиться, к винному магазину — не подойти. Везде — заслон.

— А в выходные? — напомнил собутыльник.

— Пропашие дни, — покрутил головой Василий. — По субботам и воскресеньям вокруг меня — двойной кордон: супруга, а в резерве — теща... Не пробить.

— Остается разве что ночь...

— Была у меня надежда на нее, — оживился Чунту. — Попросил по секрету одного приятеля купить для меня в магазине бутылку водки и пять бутылок минеральной воды, положил все это в сумку. А потом, улучив минутку, потихоньку переклеил этикетку с «Боржоми» на «Столичную». Ну, ду-

маю, моя взяла! Ложась спать, поставил заветную возле кровати, будто от изжоги. Жена даже похвалила: молодец, дескать, о здоровье заботиться стал...

— Ну?

— Ночью, когда все уснули, беру осторожно свою бутылочку, тихонечко глотаю... И чуть не поперхнулся — чистая газировка. Поднимаюсь, крадусь на цыпочках на кухню, пробую из всех бутылок... Везде — вода, чтоб ей пусто, водки — как не бывало. А жена высовывает голову из-под одеяла и злобно эдак говорит: «Пей, муженек, водичку — она и полезна, и мозги не мутит. А водку я сберегу на праздник».

ЗАНАЧКА

Совершил я на днях с женой небольшой рейд по магазинам. Между нами говоря, если в ее руки попадает вся зарплата, считай, что ее нет, как ветром сдувает всю без остатка. Потому и сложилась у меня привычка на всякий случай оставлять заначку — закладывать между листками паспорта несколько купюр, чтобы она о них не знала. Так вот, прохаживаясь в тот день со мной по разным торговым предприятиям и точкам, супруга моя прихватывала то одно, то другое, пока не исчерпала взятую из дома сумму. Но вдруг на глаза ей попались ультрамодные сапожки. Мгновение спустя жена была у прилавка и отойти от него не могла уже никак. Хватает меня за рукав и шепчет:

— Достань полсотни... Хоть из-под земли...

— Как же найду я тебе столько денег прямо здесь, в магазине! — отвечаю я ей тоже тихо. А сам тереблю в кармане свою заначку — как раз полсотни. Отдам ей — сначала обрадуется, а потом начнет догадки строить, и выйду я у нее из доверия навсегда.

Раздумывая над тем, как же быть, вижу своего приятеля, входящего в магазин, тоже с женой. Пожав ему руку, я незаметно сунул знакомому требуемые пятьдесят рублей, громко объяснив при этом, какое у нас сложилось положение, и попросив о займе, столь нужном в ту минуту моей жене. Приятель, конечно, тут же достает всученные мною деньги со словами: «Пожалуйста, возьми!»

Не успел я, однако, их взять, — как жена его схватила злополучные бумажки и чуть не выцарапала ему глаза.

— Бессовестный, — говорит, — давно подозревала, что ты прятешь от меня деньги! А мне сапожки разве не нужны?! — И давай его пилить!

Мы с женой не знали уже, как поскорее улизнуть. Я и думать забыл, что деньги те — мои. А они все ругались и грызлись.

— Если бы мне только могло прийти в голову, что ты прячешь от меня деньги, в тот же день бы с тобой развелась, — говорила потом жена. — Подумать только, какой этот твой приятель негодяй!

Вот как вышло в тот день с моей заначкой. И все потому, что проявил слабость духа...

Темур АМКОЛАДЗЕ (г. Кутаиси)

КРИКИ ШАКАЛОВ

Рассказ

В свое время от учебы он не перетрудился. Но удовлетворительную оценку все равно получал. Когда школу окончил, в горный техникум пристроился.

— Самое главное диплом, не важно какой, это значения не имеет, — говорил он.

Техникум не успел закончить — взяли в армию. Служил где-то в Сибири. Из армии писал, что снежная и лютая сибирская зима приняла его как родного. Даже непонятно, как мог южный человек так быстро породниться с сибирским климатом? Но в дальнейшем стало понятно, что всё это неправда, так как в следующем письме он сообщал своим односельчанам, которым предстояло идти в армию, чтобы всё продали и откупились от службы в этом суровом краю. После демобилизации он благополучно вернулся домой с лимитом для вуза. И поехал в Сухуми поступать в институт.

— Технологом хочу быть, — говорил он, — если деньги сегодня можно сделать, то на вине, — уверял он нас.

Да, действительно, он был прав, на вине в то время делались хорошие деньги.

Через месяц пришло сообщение, что он зачислен на подготовительное отделение Сухумского института. Целый год от него не было известий, но как говорится, земля слухами полна, односельчане узнавали о судьбе нашего героя из многочисленных дополнительных источников. Однажды он написал, что у него полный порядок, по физике и математике он гений (О химии он не упоминал), профессора носят его на

руках. Мы, конечно, не верили во всё это, но не сомневались, что удовлетворительные оценки он мог получить. Кончился учебный год. Кто-то принес известие о его отчислении. После этой вести из Сухуми приехал наш герой.

— Не хочу этого виноделия, бросил я институт. Если окончишь институт, потом надо работать. А за хорошую работу надо заплатить поллимона. Откуда у меня такие деньги? Если бы у меня были такие деньги, я бы купил себе хорошую машину и возил красивых девочек.

— Вай, вай, когда же твое хвастовство кончится? — ехидно смеялся Семен, когда они однажды встретились за одним столом.

Но разве его остановишь.

— Я поеду в Россию, поступлю на юридический, я уже договорился, — рассердился он на Семена, — вот ты смеешься, а я через пять—шесть лет приеду домой с дипломом юриста. А если не закончу юридический, то будет исторический, какая разница. Вступлю в партию, получу хорошую должность и буду жить, как хочу.

Тем не менее он поработал в селе в строительной бригаде — разрушили старые здания клуба, библиотеки и фермы для их полной перестройки, но новых не построили.

А тут и в Россию его понесло. Уехал и долго не приезжал.

— Он что, заучился в России, что ли? — бормотал Семен, — за это время можно было закончить не один институт.

Приближалась 15-я годовщина окончания школы. Когда одноклассники спросили, будет ли он на праздновании, его родители показали письмо, в котором было написано, что он заканчивает учебу в ГПИ, затем направляется в командировку в Монголию, а далее в Индию. В настоящее время работает начальником управления и живет хорошо.

— Конечно, он приедет, — грустно ответили родители, и продолжили, — в настоящее время он живет в Чите, женился, но постоянно находится в разъездах и регулярно, каждые два дня звонит жене. Так что ему можно сообщить напрямую или через жену любую информацию.

Одноклассники потеряли надежду увидеть его на юбилее, но адрес у родителей взяли и послали телеграмму. Банкет был назначен на конец июня.

— И сам не приехал, и телеграмму не соизволил прислать, — возмущались одноклассники.

Через некоторое время пришло письмо на имя Семена, в котором было написано: «...вовремя не узнал о праздновании окончания школы, так как не смог позвонить домой. А если бы и узнал, все равно не смог бы приехать так быстро из Ки-

тая! Насчет здоровья все хорошо. Учусь. Остался один год, и закончу. Работаю в фирме «Загранстрой». Месяц назад работал в Китае, в настоящее время работаю в Монголии, а затем переезжаю в Японию».

— Странно, — удивляясь, смеялся Семен, когда речь зашла о Японии, — для чего в Японии нужны наши строители? — и продолжил чтение письма. Далее в письме было написано следующее: «Потом из Японии поеду в Аргентину. Так что езжу и на весь мир гляжу. А если бы жил в Грузии, то на восток дальше Зестафонии, а на юг дальше Кутаиси не поехал бы. Работаю начальником стройуправления. Два месяца как назначили, до этого был главным инженером. Строим только за границей. Объекты в Китае, Монголии, Сирии, Эфиопии, Аргентине. Есть еще в Румынии, Болгарии, Чехословакии, Египте, на Кубе. В марте появятся новые объекты. Строим совместно. Не знаю, как с такой работой закончу институт. Хочу в августе переехать домой в Грузию. Пока надо место найти, потом для места нужно много денег. Я, ты знаешь, мастером не пойду работать, когда приеду домой. Проезд на самолете и по железной дороге для меня бесплатный. Вот такие мои дела, Семен. Теперь два слова о погоде. В Чите — 47—50 градусов мороза. Так мне сообщили по телефону из дома. Так что приезжай в Читу закаляться. Семен, ты помнишь, как я тебе уже говорил, что если свадьба или, не дай Бог, кто-нибудь умер, то напиши мне по читинскому адресу, который указан на конверте, я приеду. Передавай привет Нугзару, Бено, Бадрию, Тоху, Ираклию. Передай им, что я жду от них письма».

Семен, поняв, что всё, что написано в письме, не соответствует действительности, стал показывать, ехидно смеясь, это письмо односельчанам, и артистично рассказывать о его содержании.

Через некоторое время на Багдадской автостанции (тогда она называлась имени Маяковского) я его неожиданно встретил.

— Из Кутаиси еду.

Подошел автобус. По пыльной и неровной дороге продолжался наш разговор.

— Здесь все по-другому. Очень отличается от Читы. Все равно здесь лучше. Надо когда-нибудь переехать сюда. Надоело по стройкам лазить, не мое это дело. Когда был молодым — лазил, а сейчас от высоты коленки трясутся, не дай Бог что-нибудь случится. Работать на земле и жить в своем доме лучше.

— А как же ты работал начальником? — спросил я. — Зачем тебе нужно лазить по верхам, когда рабочие сами знают свое дело?

— Это правда, дорогой, — ответил он, — но если ты не поднимешься на высоту и не увидишь всю работу собственными глазами, может получиться не так, как нужно.

По приезде в село он пригласил меня к себе в гости на стакан вина. В разговоре мы и не заметили, как наступила полночь. Из леса послышался крик шакалов. Разговор сразу прервался, и в наших глазах появился какой-то блеск, который напоминал нам наши молодые годы, когда мы в детстве слушали эти звуки, похожие на женский плач.

— Папочка, папочка, — испугался прибежавший ребенок и прижался к отцу.

— Тише, тише, — сказал он и стал опять прислушиваться к этому звуку. — А для меня эти крики — лучше музыки. Иногда лежу, сплю в моей квартире в Чите и слышу во сне крик шакалов. Кричат, кричат! А сам думаю во сне, что я здесь, в Грузии и кричу тоже — э-хе-хе! Мой голос теряется где-то в лесу. Проснувшись от крика, долго не понимаю, где нахожусь. А затем, поняв, что в Чите, начинаю жалеть, что не в Грузии, в моем родном селе. Буря воеет, ломает всё, бьет в окна. Что здесь делают шакалы, в центре Читы, на проспекте Ленина? Просыпается жена. Смотри, смотрит на меня и ничего не говорит. А что одна должна сказать?

Через неделю опять мы стояли на дороге и ждали автобуса. Было очень жарко. Горячий воздух крутил пыль на дороге. От проезжавших машин образовался такой пылевой туман, что нельзя было увидеть рядом стоящего человека.

— Иди в зал ожидания, а то запылишься, — говорила жена ему по-русски.

— Ничего, — отвечал он ей и рукой подправлял поднятую ветром шевелюру.

— Сейчас лучше всего полежать в нашем лесу, а не глотать эту пыль, — сказал он, обращаясь ко мне.

Я почувствовал в его голосе, что он с сожалением уезжает из родного края. Я тоже его пожалел.

— Поеду в Читу, закончу все свои дела и вернусь скоро домой, — сказал он мне.

Сколько это «скоро» будет длиться, не знаю. Думаю, что этого не знал и он сам. Наверное, этим он сам себя успокаивал.

Перевел с грузинского Александр Пурицхванидзе

ЗА ТИХИМИ СНАМИ

* * *

Есть ли спасенье?! — Сын человечесий
Жаждет ответа.
Страхом объята, в пламени вечном
Кружат планеты.
Плачет дитя, распадаются царства...
В мире угрюмом
Не облегченье и не лекарство
Долгая дума.
Храм я построил и поле засеял,
Навоевался...
«Есть ли надежда, выход, спасенье?»
Кто отозвался?
Страх искажает души и лица
Всех нас на свете.
Сколько безумию этому длиться?
Кто мне ответит..

МИГРАЦИЯ

Мелодия, свет тела твоего...
И двух сердец безумные качели...
Расстанемся, но этот вечер
Останется в душе, как странный сон,
Где удивленье, тайна, подозренье.
Еще кипит шампанского бокал...
Ты говоришь мне, что Галактион
Талантливее Блока, Элюара.
Я слушаю и голос твой и смех,
Завидуя дымку от сигареты
В объятья заключившему тебя,
Боясь разрушить эту красоту
В которой несомненный привкус ада.
Нам только наше прошлое судья!
Стыдливая, с косичками вразлет,
Там ты опять сидишь за школьной партой.
С покоса возвращается отец,
Сжимая серп своей рукой усталой.
...Придет рассвет

И прозвенит трамвай.
Деревню вспоминаешь ли и мать,
И ту траву
Живую полевую.

СТАТИСТ

День, как фарс. Сценарист
Расписал мизансцены и роли.
Ты всего лишь статист,
Но свою судьбою доволен.
Среди дня и в ночи
Нас хранит неостывшая вера,
Пусть издевкой звучит
В тишине хохоток из партера.
День как фарс. Из кулис
И смеешься и плачешь без звука...
Ты всего лишь статист —
Невеселая это наука.
Вот взлетит наконец
Красный бархат,
Как жар у больного...
Ты безумец и лжец
И мудрец, прозревающий слово.
В сон уйдя с головой,
Тут же голос услышишь тревожный,
Но чужой или свой
Самому различить невозможно.

* * *

Вечер.
Улицы пустынно.
Город стих, устал.
Вот лекарство кто-то ищет,
Путники — вокзал.
Вот усталый работяга
Тащится домой.
Ни гуляк,
Ни шумных пьяниц,
Город,
Как немой.
Сплетни, зависть,
Искушенья

Спят в его крови.
Город-маска,
Город-призрак,
Город без любви.

ЕВА, ПИЦУНДА, 1981 ГОД

Ты из ребра, а чье оно — не в счет,
Ты — хлеб и нескончаемая драма.
Ты — женщина, которая влечет
И вечная надежда для Адама.
Ты — статуэтка хрупкая в горсти.
Когда волна тебя целует смело,
Я глаз уже не в силах отвести
От твоего мерцающего тела.
Шатер небес над вечностью морской
Колышется, как будто крона древа,
И, видно, не замолит род людской
Твой давний грех, твое паденье, Ева.

* * *

Метафоры замшелые,
Заплатанная мысль...
Стоят платаны белые,
Дождем сочится высь.
Площадка танцевальная
Заполнена едва.
Не спит провинциальная
Досужая молва.
От случая до случая,
Превратностей полна,
Несет тебя кипучая
Житейская волна.

Перевел с грузинского Виктор Кирюшин

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НУЖНО ФОРМИРОВАТЬ

Плачевное состояние патриотических сил связано не только с мелочностью «вождей», создающих проекты скорее «под себя», чем для будущего России. Хотя и этот субъективный фактор важен, поскольку люди стремятся к идеальным целям на фоне своих бытовых проблем и хотят как-то устроить свою жизнь. В каждом из политиков живет некий «профессиональный патриот». Но все же главное — в замороченности сознания людей. Они пытаются постигнуть рассудком то, что должны воспринимать духом и душой — через символические формы. Поэтому, когда слышишь порой выступления какого-нибудь активиста из региона или «человека из народа», диву даешься от глубочайшей некомпетентности и несообразности излагаемых мыслей. Вроде бы взрослые люди и вполне способные что-то делать пытаются мыслить в тех областях, где их уровень не выше подросткового.

Мировоззрение в его глубинных смыслах не может быть общим знанием. В силу разнообразия статусов

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

и профессиональных ориентиров людей, каждый из них может быть хорошим специалистом только в своем деле. Далеко не каждый, кто считает себя приличным оратором, действительно способен излагать здравые мысли. И поэтому ему не стоит занимать внимание людей. Надо просто признаться себе, что профессия требует самоотречения, самообучения и постоянства практики. Невозможно быть политическим мыслителем и идеологом в порядке факультативных занятий. Поэтому обнародовать политические идеи должны только те, кто постоянно занимается их производством. Остальным могут быть предложены различные форматы переживаний этих выступлений: от безотчетной эмоциональной рефлексии до возможности вникнуть в весьма непростые, но компактные доктринальные сочинения.

Профессионализация ведущего слоя, вырабатывающего и хранящего мировоззрение нации, создает соблазн «профессионального патриотизма» — распадение нации на множество мелких групп, роящихся вокруг своих «гуру» и вождей, стремящихся обслуживать себя, преследовать свои частные цели под видом служения России. В этом конгломерате царит горячечный негативизм к конкурентам и восторженное прославление своей секты. Общество откликается на это равнодушием. Множественность «партий» и «вождей» стирает образ патриотического движения, он становится невнятным, а непрофессионализм «профессиональных патриотов» обращает любой мобилизующий знак или призыв к консолидации в часть информационного шума.

Символические формы — вот то, что люди вполне в состоянии освоить. Это набор лозунгов и простейших умозаключений, обозначающих границу между «своими» и «чужими». Для патриотического движения таких символов достаточно, и они вызывают правильную реакцию у большинства. Символы государства, слова в защиту истории и культуры, отождествление себя с русским народом, выражение любви к России — все это формы собирания общности «свои».

Как же выделить сектор суждений, чтобы мировоззренческая граница была ясно обозначена? В идейном пространстве достаточно зафиксировать две оппонирующие патриотам силы: либерального индивидуализма и «левого» интернационализма. Первый оправдывает эгоизм и связанные с ним ужасные пороки, второй ставит коллективные (классовые) ценности выше национальных. Обе силы антинациональны, направлены на подрыв и разрушение традиции.

В позитивном плане самоопределение патриотического лагеря связано с изживанием интернационализма и космо-

политизма, определением интересов нации как высших интересов (выше нации только Бог), опорой на традицию (верования, исторически обусловленные формы общественной и государственной жизни, национальный способ производства). Также в позитивном плане патриоты должны в собственном идейном поле усвоить идеи свободы и справедливости, достоинства личности и социальной справедливости, демократии и правового государства. Отрицать все это бессмысленно. Необходимо наполнять идеи, искаженные оппонентами, собственным — национальным и традиционным — содержанием.

Наука побеждать в политике — это наука убеждать. Поэтому пропагандистская задача — отмежевание не только от больших враждебных патриотам групп, охваченных чужой идеологией, но и от «псевдоморфоз» — упакованных в патриотическую риторику идей тех же враждебных групп. Пограничная форма русского национализма вырождается в анархизм и сепаратизм. При этом внешний ориентир на русское большинство выливается в отмежевание от этого большинства как недостойного великих идей по расчленению страны и ликвидации собственного государства («Россия — смирительная рубашка для русских»).

Другая крайняя форма — сервизм (лакейство и даже холуйство), убежденность в том, что только с властью можно нести своему народу «разумное, доброе, вечное». Например, через принцип «малых дел». И тогда стратегией жертвуют, подменяя общественное служение обеспечением своей частной деланки и той общественной функции, которая на ней, якобы реализуется.

Чтобы отречься от собственного народа, оказывается, достаточно узреть, что на некоем собрании не начали дело с молитвы. Из этого делается заключение, что собрались люди неправославные, а с неправославными людьми вообще не нужно иметь дел, ибо это «не имеет перспективы». А вот бюрократия всегда строго исполняет некий набор православных ритуалов, и потому с ней можно иметь дело, пусть и затыкая нос. С русскими людьми, которые не сотворили молитвы в нужное время, дело, оказывается, иметь нельзя. Тем более, если они жестко настроены на смену власти, которая всем уже донельзя опротивела. Как определить такую позицию? В мягком варианте как присоединение к «чужим», в жестком — как предательство «своих».

Мы должны видеть ложность установки: *«Пусть Россия погибнет, лишь бы православие восторжествовало»*. Как и установки: *«Если Россия против русских, то русские должны*

быть против России». Обе эти установки реальны и имеют влиятельных пропагандистов, разлагающих русское движение и вводящих большие группы русских людей по ложным путям.

Итак, наука побеждать требует ясного проведения границ: не с либералами, не с коммунистами, не с анархистами и сепаратистами (даже если все прочие лозунги у них совпадают с национальными), не с сервилитами и сектантами (даже если они декларируют приверженность к русской традиции). Эти границы достаточно описывают позицию, которую должен занять всякий русский пропагандист, всякий, кто хочет не только слушать, но и что-то говорить о русском национальном движении.

Но этого мало. Необходимо нечто знать о «начинке» выделенной в пространстве политических позиций территории. Подобное знание не может быть взято из собственной головы, ибо подобный произвол — прерогатива тех, кто пренебрегает традицией или намерен ее сломать и смести. Подход патриота должен быть консервативным: мы стоим на плечах гигантов.

Достаточно освоить на уровне ключевых идей не такое уж значительное число работ. Для пропагандиста русских национальных интересов минимум — три книги: Иван Ильин «Наши задачи» (может быть, еще «Основы государственного устройства» — небольшое дополнение), Иван Солоневич «Народная монархия» и Константин Победоносцев «Московский сборник». Этим трех книг на первых порах достаточно. В то же время их читателю надо понимать, что до них было достаточно других читателей, причем способных вполне профессионально переосмыслить эти произведения применительно к современности.

Среди компактных сочинений, очерчивающих русское национальное мировоззрение, следует выделить те, которые не являются узкопартийными и изложены доступным языком.

С 1996 года (времени последнего издания) не утратил значения «Манифест возрождения России», долгое время признанный основой идеологии Конгресса русских общин. Все идеи, изложенные в манифесте, многократно повторены в патриотической публицистике и даже превратились местами в банальности. Тем не менее для массовой публики эти идеи остаются ориентиром для мировоззренческого прорыва из пут либеральной пропаганды, льющейся из средств массовой информации каждый день.

Второй компактный документ — «Национальный манифест» (2009 год), отражающий идеи национализма, значи-

мые для любой нации. В этом произведении русская идея превращена в общезначимую, общемировую и применена для конкретного времени — нашей переходной и переломной эпохи. При этом «Национальный манифест» избегает соблазна вещать в интонациях и выражениях XIX века, чем грешат иные идеологи, остающиеся понятыми лишь в узком кругу своих почитателей.

Третий компактный документ — статья «О мерах национальной диктатуры» (2011), в которой в тезисной форме показано, как должна действовать национальная власть, чтобы ликвидировать последствия и возможности реставрации либеральной тирании, которая царствует в России с начала 90-х годов. Этот материал лишь формально имеет статус статьи за подписью двух авторов, а реально — плод напряженной работы с целью самым компактным образом очертить самые необходимые меры в условиях чрезвычайной опасности для существования России и русских.

Все три документа — достаточный материал для любых публицистических изысков, которые могут быть замыслены активистами русского национального движения. Вряд ли найдется иной набор, столь же компактно представляющий идеи, необходимые народу России, чтобы осознать положение дел и свои задачи в текущих условиях.

Выделяя в еще более сжатой форме мировоззрение русского патриотизма, можно представить триаду, в которой есть все содержание русской идеи: Православие, Нация, Империя. Здесь и основа русской традиции, и принципы государственного устройства и задание текущего момента — стать суверенной нацией, продолжающей деяния предков. Что и означает воспроизводство русского народа в его мировоззрении в современных условиях, когда народ либо сходит с исторической сцены, либо превращается в нацию (сообщество осознанной солидарности и ответственности, политическим единством).

Предложенная патриархийными чиновниками триада Вера, Родина, Свобода — чисто либеральное выхолащивание русской идеи, мировоззрение «применительно к подлости» (Салтыков-Щедрин). Собственно, и разработанная Патриархией «система ценностей» — дело совершенно нелепое. Не случайно инициаторы этой затеи обращались за консультациями к мусульманам, буддистам, иудеям и даже к политическим партиям. Церковная бюрократия все больше забывает свою миссию, перерождаясь в идеологический отдел при олигархии.

Мы можем лишь переосмыслить интернациональную и космополитичную триаду патриархийников в русском духе.

Какая у нас вера? Православие. Какая у нас Родина? Россия. Что есть для нас Свобода? Избавление от олигархии, утверждение национальной власти и возрождение Империи. Национальная власть разумеется русской, Империя — российской.

Попытка противопоставить Нацию и Империю свойственна национал-либералам (называющим себя теперь национал-демократами, но к традиционной демократии отношения не имеющим). Они стремятся доказать удобство жизни в маленьком и скромном государстве, желательно этнически чистым. Это рецепт избавления России от какой бы то ни было исторической миссии, а точнее — рецепт заката русской истории. Потому что русские без Империи могут быть только расчлененным народом, постепенно деградирующим до «населения».

Империя в этом секторе понимается исключительно в духе интернационализма. При этом опыт Российской Империи исключается, а за основу берутся какие-то другие исторические образцы. Между тем, в Российской Империи жило устойчивое русское большинство, во всех сферах жизни осуществлялось русское лидерство, государство было по своей сути русским и национальным — имеющим все условия превращения русского народа в современную политическую нацию (где традиционное общество переросло в осознанное сообщество национальной солидарности).

Среди леваков Империя представляется вовсе не интернациональной, но и не национальной. Она представляется «тюрьмой народов». Или же иллюзорным государством, где правит «дружба народов». Российская Империя для народов была, конечно же, не тюрьмой, а средством вхождения в мировую цивилизацию через приобщение к русской цивилизации. А СССР не был империей, потому что уничтожал русскую цивилизацию, подменяя ее умозрительными марксистскими догматами. «Дружбы народов» также никогда не было, поскольку само понятие дружбы к народам относиться не может. Да и реальная практика была совершенно другой: когда русское лидерство было заменено партийным, партноменклатура стала посредником между различными этнокультурными группами и основательно обособила их от объединяющей всех русской культуры, что и послужило в дальнейшем разрушению единого государства.

Либералы говорят в основном о конфликте между обществом и государством, рассчитывая в идеале вообще отказаться от государства, а для начала — от суверенитета и национальных интересов. Это идейный вирус, которым миро-

вая олигархия пытается сломить сопротивление ее противников и продолжить неэффективное хозяйствование, убивающее нации беспрерывными кризисами и тупиковыми технологиями.

Коммунисты и социалисты противопоставляют интересы «труда и капитала», соблазняя народ грядущей возможностью вновь разграбить все, что попадет на глаза, и тем самым восстановить социальную справедливость. А пока бунта нет, используется риторика европейских «левых» — в основном ради того, чтобы пристроиться при власти и получить от нее свою политическую ренту.

Есть еще и мировоззренческий комплекс *бюрократии*. Она склонна сотрудничать с олигархией, а потому декларировать «демократические ценности». При этом держать узкий сектор экономики, обеспечивающий ее доходы, и фальсифицировать народное представительство, чтобы некому было ловить коррупционеров и изменников за руку. Бюрократия не демонстрирует никакой стратегической мысли. Она голосами своих пропагандистов создает иллюзорную перспективу «модернизации» и «политической конкуренции». Фактически повторяя горбачевские уловки об ускорении, гласности и перестройке.

Патриоты должны не поддаваться на уловки своих идейных противников и точно знать, в чем выражается основное противоречие эпохи. Оно связано с защитой Отечества (суверенитета государства и национальных интересов) от посягательств олигархии. В политике это противостояние национально-патриотических сил и по-разному закамуфлированных отрядов, защищающих интересы олигархии и стремящихся к гибели России. В экономике это противоречие между производителями (предпринимателями и работниками) и паразитическим альянсом бюрократии и олигархии. Производство товаров и услуг, с одной стороны, и производство фикций (торговля деньгами и оборот денежных суррогатов), с другой стороны. Физическая экономика и фиктивная экономика. Первая обеспечивает нашу жизнь, вторая ее систематически уничтожает.

Существуют ли пути, которые позволяли бы без бунта сбросить ярмо олигархии? Отчаяние диктует надежду на партизанские методы. Расчет — на прагматичную борьбу за власть, использование исторических случайностей и исторических закономерностей, подготовку субъективного фактора существенной трансформации власти (общественной силы, лидеров, пропагандистских команд и др.)

Партизанские методы эффективны, если опираются на фронт и тыл регулярной армии. У нас ничего подобного нет.

У нас нет такой армии ни в пределах России, ни за ее пределами. Миссия России — разорвать цепи олигархии и создать средства поддержки национальных движений в других государствах. В этом случае партизанские методы будут эффективны. А у нас «фронты» и «ополчения» — дело пустое, маргинальное. Поэтому в нашем мировоззрении не может быть иллюзий о том, что может быть реализован сценарий народного восстания или спецоперации, подготовленной в рамках общественной инициативы. Мы можем лишь предполагать, что силовой переворот возможен, и быть готовы к нему именно как общественная сила, а не отряды боевиков. Также и к революции в любой ее форме мы должны быть готовы, но не должны ее готовить — это пустая трата времени и удобное поприще для деятельности азефов и гапонов.

Силовой переворот или бунт будут всего лишь развитием чрезвычайного положения, в котором мы живем. И в любом случае новая власть потребует чрезвычайных мер, чтобы преодолеть это положение. Но те же самые чрезвычайные меры необходимы и без всяких переворотов и бунтов, и любая ориентация власти на национальные интересы будет сопровождаться чрезвычайными мерами. Наша задача — знать, какие меры могут быть продуктивными. Образно они очерчиваются понятием «национальная диктатура», которую кратко описал Иван Ильин. Для пропагандистов этого достаточно. Разве что можно порекомендовать указанную выше статью «Меры национальной диктатуры» как краткий перечень необходимых шагов будущей национальной власти. А для тех, кто всерьез разрабатывает программы государственной политики и претендует на то, чтобы они были использованы на практике, нужны более основательные позиции. Они могут быть сформированы по работам Кала Шмитта, описавшим правовой статус диктатуры и рассмотревшим исторические примеры.

Таким образом, наша мировоззренческая позиция должна состоять не в стремлении усугубить чрезвычайные обстоятельства, а в том, чтобы их преодолеть методами национальной диктатуры — строгим законом, введенным на срок и направленным преимущественно против зарвавшейся бюрократии, олигархии и уголовных элементов, а вовсе не против народа, который любое упрочение дисциплины и ответственности встретит пониманием и поддержкой.

Для презентаций национальной идеологии должен быть использован принцип уместности. Следует различать массовые и элитные группы. Массе нужны символы, порождающие сильные чувства, а вовсе не научный аппарат, кото-

рый лежит за нашими идеями, получающими символическое выражение. Национальной элите в большей степени нужны аргументы и продуманные идеи. Профессура должна все это преподавать и развивать, а национальные предприниматели — находить возможности финансировать. Одних эмоций здесь недостаточно, хотя сами эмоции в разумных пределах вовсе не повредят. Они служат напоминанием о рационально освоенной истине.

Организационные формы патриотического движения могут быть самые разнообразные и перетекать одна в другую в коалициях и совместных инициативах. Форма не имеет значения, если не утрачивается содержание. Но о форме надо заботиться, когда она получит возможности сопряжения с государственными институтами. Тогда возникнет правовой статус, который будет иметь самостоятельную ценность, и им разбрасываться не стоит (как патриотическое движение разбрасывалось достижениями «Родины»). В области мировоззрения надо следовать принципу: любое достижение принадлежит всем. И в очерченных выше рамках может обсуждаться и оцениваться, но не отвергаться. Включая идею восстановления монархии, которая все еще большинству кажется слишком экстравагантной. Она лишь должна быть избавлена от застарелой уже болезни сервильности. Как и многие другие идеи, которые подчас пытаются упаковать в обертку, приемлемую для продажи власти. В результате власть покупает только обертку, а начинку выбрасывает.

С властью не надо торговаться, не нужно выбирать из тех альтернатив, которые она предлагает. Это чужие альтернативы. Мы сами должны быть альтернативой, которая претендует и на долю во власти, и на всю власть. В чужих альтернативах мы должны (следуя прагматическому расчету) просачиваться между ними, не отдавая ни одной предпочтения до самого последнего момента, когда выгоды и риски станут не обещанными, а определенными. Только в этом случае мы сможем сохранить русское мировоззрение и внести его во власть.